

М. ЕМЦЕВ
Е. ПАРНОВ

Три кварка

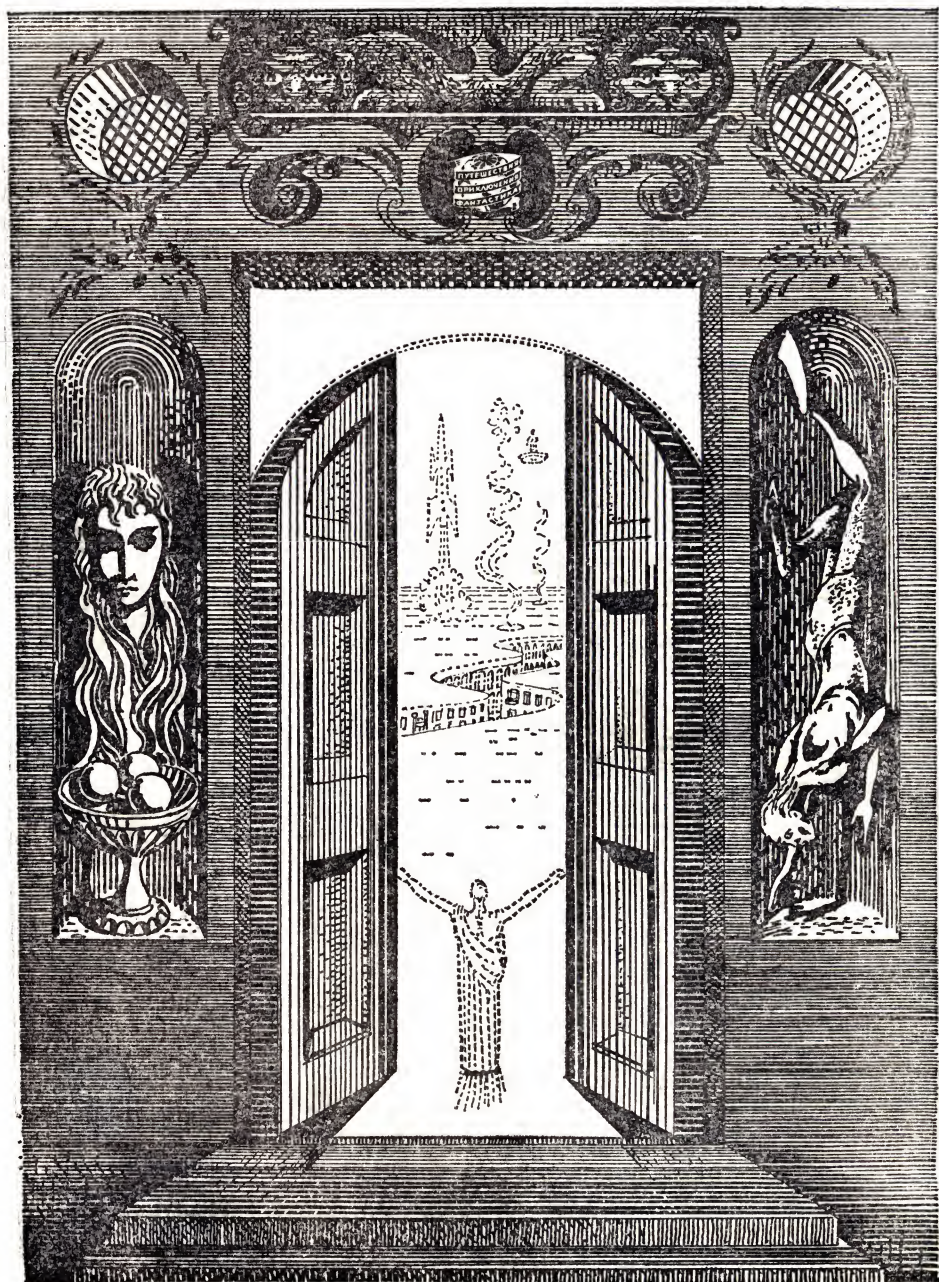
*М. Емцев,
Е. Парнов*

ТРИ КВАРКА

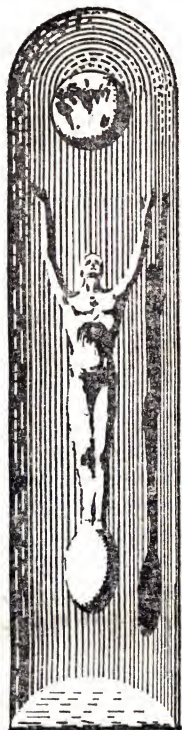

**Издательство
„Мысль“**

Москва · 1969

*Путешествия
Приключения
Фантастика*

М. Емцев • Е. Парнов

три кварка

*научно-фантастические повести
и рассказы*

P2
E 60

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Послесловие *Вл. П. КОВАЛЕВСКОГО*

Художник *Б. А. ЛАВРОВ*

2-8

211-69

* *Три кварка*

Многие считают эту историю невероятной. Даже мне самому порой кажется, что я сделался жертвой чудовищной галлюцинации, вызванной глубинным опьянением. Если прошлое не оставляет ощутимых следов, то не уподобляется ли оно сну? Сон ведь тоже реальность. С той лишь разницей, что события, участниками которых нас делает ночь, нигде не происходят.

Чем больше я думаю о той встрече в водах Багамского архипелага, тем чаще ловлю себя на том, что фантазия подменяет реальность. Правда, всего лишь в деталях. Время всегда что-то стирает. И неумовимо для себя мы восполняем растворившиеся в памяти факты яркими вымыслами.

Я рассказывал о своих приключениях друзьям, пробовал советоваться со специалистами. И каждый раз, когда замечал, что мне изменяет память — конечно, в мелочах, — меня с новой силой охватывало сомнение. Очевидно, мои собеседники чувствовали его. Им очень хотелось поверить мне, но здравый смысл восставал против этого. Им мешало прежде всего мое собственное сомнение.

Вот почему, перед тем как решиться на новое повествование, я должен преодолеть внутреннее сопротивление. Это как прыжок в холодную воду, когда не очень хочешь купаться. Нужно либо одеться и уйти, либо сразу же броситься в неприветливую волну.

...Наш «Звездочет» — маленькое океанологическое судно с вымпелом Академии наук СССР — лег в дрейф в виду тропического

острова Малый Инагуа. В глубине острова было озеро, на котором гнездились фламинго. По вечерам они пронеслись над морем, и в золотой зеркальной воде отражался неровный пламенеющий клин. Тишина вокруг стояла такая, что сердце щемило. Тишина и красота. Когда солнце, как убегающий спрут, закатывалось за горизонт и выбрасывало чернила, море загоралось холодным и ровным светом. Бешеными всплесками огня вырывались в воздух летучие рыбы. Живые кометы с шлейфом бело-голубых брызг.

Мы называли себя великолепной семеркой. И не без некоторого основания. За четыре месяца плавания мы крепко подружились. Кроме того, нас действительно было семеро: капитан Женья, штурман и радист Модест Николаевич, механик Витя, моторист Алексей, гидробиолог Павел Константинович Танесберг, биофизик Ольга и я — начальник экспедиции.

Мы должны были собрать коллекции океанической фауны для музея и исследовать влияние изотопного состава вод на метаболизм животных. Последняя задача возлагалась на меня. Поскольку воды Багамского архипелага сильно обогащены дейтерием, я надеялся получить новые, интересные для меня данные. Впрочем, проблема эта узкоспециальная и никакого отношения к дальнейшему повествованию не имеет.

За восемь рабочих дней подводной охоты мы собрали довольно богатый урожай: нескольких замечательных мурен самого отвратительного вида, четыре типа губок, любопытного мутанта краба-грапсуса, множество групперов, ярчайших морских попугаев, сержант-майоров и бо-грегори. К сожалению, в формалине их радужные краски быстро поблекли. Моллюски в нашей коллекции были представлены коническими диодорами, грунтовыми соленами, хитонами из класса *Zoricata*, которые подобно амазонским броненосцам могут сворачиваться в клубок, и мидиями. Их мы, кстати, ежедневно поедали в сыром виде. Вообще прелесть подводной охоты особенно остро ощущается за столом. Поджаренные в кипящем масле губаны, жирные барабульки, наконец, предмет вожделения всех американских рыбаков — тарпон. Эта стокилограммовая рыба с уродливой бульдожьей мордой знаменита своими виртуозными прыжками. Попавшись на крючок, она выскакивает из воды вертикально вверх на высоту в пять-шесть метров. Гулко плюхнувшись в воду, опять совершает чудовищный прыжок, проносясь над медленно вращающимся гребнем нашего радара. Я подранил одного тарпона из подводного ружья. В смертельном прыжке рыба чуть не вырвала у меня из рук оружие. Она прыгала до тех пор, пока вода вокруг нас не окрасилась кровью. Потом лишь ослабел, и я подтянул морского бульдога к себе.

Нередко мы уходили на погружение ночью. В этом есть особое очарование. Вблизи поверхности тела пловцов кажутся отличными из фосфорического стекла. Они скользят легко и бесшумно, как в пустоте, оставляя за собой нестерпимо яркий ртутный след. С глубиной сияние угасает. Тебя окружает глухая бархатная тьма. Вода настолько тепла, что ее совсем не чувствуешь. Здесь, как в космическом пространстве, все направления безразличны. Но вот вспыхивает фонарь, и тьма буквально взрывается каскадом ярчайших красок. Разноцветные кораллы и мшанки, морские анемоны и лилии, стеклянные асцидии и голубые лангусты.

Совсем иной, непередаваемый мир. Он заставляет забыть о глубине неба, о пронзительном запахе хвои, об изменчивых красках восходов.

Моряки и поэты столетиями прославляли красоту океана. Но только теперь, когда человек погрузился в него, мы начинаем смутно понимать, что подлинная красота скрыта в глубине. Она лишь отдаленно мерещится нам.

Далекая, забытая прародина. Когда-то мы вышли из океана. Наша соленая кровь — это память о доисторических водах, свободно циркулировавших в телах далеких, неведомых предков.

Мы носим в жилах океан,
Соль первых дней творенья носим...
И этих жил мы ловим просинь
На милом трепетном виске.
Ах, волосы твои как осень...

Ее волосы растекались в водных струях подобно водорослям. Танесберг погрузился тогда вдвоем с Ольгой. Они ловко и быстро ушли в глубину. Я хорошо видел это сверху, так как страховал их. Никелированными шариками из-под загубников аквалангов вырывались пузырьки. Качающимися вертикалями уходили на поверхность.

Я любил ее, она любила его, а он любил свою жену, которая ждала его в родном Таллине.

Конечно, я и подумать не мог тогда, что вижу ее в последний раз... Легкую, стремительную, с развевающимися водорослями волос (она никогда не надевала резиновую шапочку). Иногда мне кажется, что я предчувствовал в те минуты скорую и неизбежную утрату. Но это не так. Я слишком был полон ею. Тревога и утрата были во мне постоянно. Иллюзия предчувствия появилась потом, когда Ольги не стало и прошло слишком много времени, чтобы можно было точно припомнить, как все случилось.

Ничто не предвещало трагедии. Трехметровая песчаная акула боялась подойти близко. Она медленно ходила по широкому кругу, опускалась на дно, вздымая быстро успокаивающиеся вихри пелагиали. Я все время держал ее на прицеле. Мое ружье заряжено взрывным баллончиком паралитического действия. Пока акула плавала в одиночестве, опасаться не приходилось.

Они скользили над самым коралловым рифом. Мохнатые водоросли находились в непрерывном движении. Попугаи и спинороги выныривали из колышущихся чащ, кружились вокруг розовых анемонов. Световые блики вспыхивали и пропадали, и только синяя туманная бездна выглядела безжизненной и одноликой в этом постоянно изменяющемся мире.

...Я не сразу понял, как это началось. Так животные, наверное, заранее чувствуют приближение землетрясения. Тишина и спокойствие. Только кричат и носятся над землей птицы, жалобно воют собаки, и тихие мыши спешат скорее покинуть обреченные дома.

Откуда-то из глубины высыпала стая луфарей, остроклювые серебряные сарганы с колоссальной скоростью пронеслись мимо меня, точно вылетели из минометов. Куда-то запропастилась песчаная хищница. Я не видел никакой опасности и ничего не понимал. А те двое внизу подо мной спокойно занимались своим делом. Ольга засовывала в сетку иглокожих, ножом отдирала облепившие риф раковины. Павел Константинович деловито отбирал пробы грунта, ловил маркизовым сачком планктон.

Но беззвучная паника нарастала. Извиваясь, как пиявка, проплыла мурена. Зеленая черепаха пыталась зарыться в песок, разливая в кристальной воде потоки муты. Я никогда не видел столько рыб сразу. Море вокруг меня рябило.

Из глубины вырвалась огромная восьми-, девятиметровая акула: темные поперечные полосы, тупое широкое рыло, маленькие туманные глазки. Это была *Stegostoma tigrinum* — опасная и беспощадная тварь. Следом за ней показалась химерическая акула-молот, способная перекусить человека пополам. Это было повальное бегство, великий рыбий исход. Все свершилось в какие-то секунды. Я не успел даже крикнуть в подводный телефон, чтобы предупредить их о надвигающейся опасности. Я увидел это...

Необъятная бурая масса с тусклой синеватой оторочкой медленно, как медуза, выплывала из синих глубин. Она закрыла собой всю синеву. Я боюсь ошибиться в размерах... Может быть, километр, а может быть, много больше. Как грязный, непроницаемый туман, заволочла она все. Конца ей не было. Она лишь нерезко утопала в отдаленных мутных пространствах. Дрожащее,

переливающееся какими-то пузырьками желе. Кромка его колыхалась, как крылья гигантского ската — манты. Очень медленно поднималось оно из океанской бездны. Как привидение, как воплощение немого ужаса.

Что было со мной? Я видел ясно и все сознавал, но тело мне не повиновалось. И все вокруг тоже замерло, как остановленный кадр.

Неподвижно застыла, будто вода вокруг нее обратилась в лед, *Stegostoma tigrinum*. Следом за ней оцепенела акула-молот. И бурая масса тоже вдруг остановилась, повисла над дном. И тогда точно электрическая искра ударила громадных рыб. Они изогнулись пополам и, конвульсивно вздрагивая, начали медленно опускаться в пузыряющееся желе. Они растаяли в нем, как сахар в стакане киселя.

...Секунду спустя то же случилось с моими товарищами.

А я все видел и все сознавал, но не мог и пальцем пошевелить. Потом меня захлестнул невыразимый ужас. Передать его невозможно, даже вспомнить пережитое ощущение я не могу. Это разрывалась каждая клетка моего тела, содрогался каждый нейрон, вскипала кровь. Тьма застлала мои глаза, пропасть открылась в груди, и сердце падало и падало в эту пропасть, но не могло измерить ее. И еще я пережил одиночество. Одинок космонавт на круговой орбите, спасшийся с затонувшего судна моряк на плоту посреди океана, шахтер в засыпанной штольне. И все же они одиноки не до конца. За космонавтом напряженно следит Земля, потерпевшего крушение ищут суда и самолеты, вокруг обвалившейся шахты толпятся взволнованные люди.

Для меня все исчезло. Меня заставили забыть о людях вообще — и далеких, и близких, у меня отняли воспоминания и надежду, лишили всех органов чувств.

Остались только ужас и черная пустота вокруг. Все остальное бесследно исчезло. Я успел лишь подумать, что в следующий миг придет смерть. И как мелка и не страшна была эта мысль в сравнении с непроницаемым ужасом, который со всех сторон окружал меня!

...Очнулся я уже в Москве в больнице. Мое полное беспамятство продолжалось около двух месяцев. Капитан Женья коротко рассказал мне все остальное.

...Команда, как обычно, наблюдала за нами с борта «Звездочета». О том, что происходит в глубине, никто, конечно, не догадывался. Но меня они видели хорошо. Когда я вдруг резко согнулся и стал медленно уходить в глубину, ребята забеспокоились. Мгновенно спустили шлюпку, в которую прыгнули Модест

Николаевич и Витя. Они быстро надели акваланги и запустили мотор.

Модест Николаевич догнал меня на глубине десять метров. Мои зубы мертвой хваткой зажали загубник, но воздух из баллонов в легкие не поступал. Я не дышал. Пока меня поднимали на «Звездочет» и пытались привести в чувство на палубе, прошло минут двадцать. Жения между тем прыгнул в трюмный колодец со стеклянным дном. Он тоже увидел это. Оно застилало все поле зрения.

Модест Николаевич даже не пытался отыскать Ольгу и Павла Константиновича. Было поздно. Он видел, как медленно погружается в расселину бурый студень, в котором исчезают парализованные рыбы. Как ни странно, с Модестом Николаевичем в воде ничего не случилось. Лишь несколько часов спустя у него начался озноб, который быстро перешел в глубокий обморок, продолжавшийся около четырех суток.

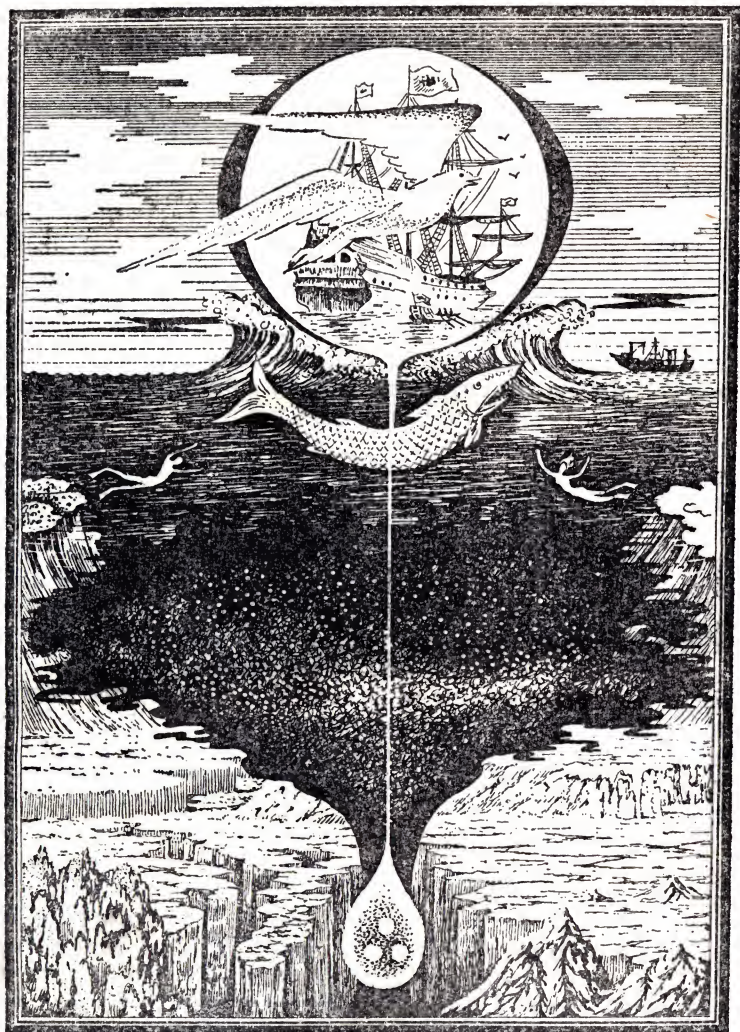
Но произошло это уже потом. Видимо, сила воздействия на живой организм определялась расстоянием, отделявшим нас от чудовища, и длительностью пребывания в воде.

Сразу же после того, как меня подняли на палубу, Жения атаковал бурое желе тротильовыми шашками. Он поджигал короткие отрезки огнестойкого шнура и бросал шашки далеко за борт. Потом в иллюминатор колодца можно было видеть, как медленно затягиваются в бурой массе рваные черные ямы. Она была неразделима. Величественно и равнодушно смыкалась в разрыве. Все так же медленно и непостижимо погрузилась она потом в те бездны, из которых поднялась на нашу беду.

Вокруг суденышка плавали желто-бурые водоросли саргассы и оглушенные рыбы. Море было по-прежнему неподвижным. Высоко в небе парил одинокий фрегат.

Я не знаю, что это было. И никто не знает. Я рассказал обо всем, что видел и пережил. Остальное — домыслы, игра ума. Но, отталкиваясь только от фактов, мы будем вынуждены признать собственное бессилие. Те немногие явления, свидетелем которых я оказался, не позволяют постичь сущность происшедшего. Тут не помогут никакие аналогии — в окружающем нас мире их просто нет. Я столкнулся с качественно иной жизнью, управляемой совершенно другими, непостижимыми пока законами.

И все же есть нечто, от чего можно оттолкнуться. И оно внутри нас. Это ощущение. Мой ужас и непередаваемое одиночество. Порой мне кажется, что только через них мы можем постигнуть душу морского дива. Я не случайно говорю «душу». Вполне вероятно, что оно в какой-то степени разумно. Слишком уж оно

необъятно, чтобы жить среди себе подобных... И жить оно должно было очень долго, прежде чем сделаться таким...

Я нанизываю свое ощущение на логическую нить. Даже если посылка неправильна, но дальнейшее рассуждение не противоречит законам логики, мы можем получить любопытный вывод. Вот почему я решаюсь высказать свою точку зрения. Первоначальное обобщение фактов очень далеко от абсолютной истины. Но как оно необходимо для развития идеи! Скрытые в отдельных явлениях противоречия становятся заметными в сумме. Я лучше, чем кто-либо, сознаю слабости моей схемы. Но другой-то ведь вообще нет...

Мысленно возвращаюсь к первым, как говорится, дням творения. Первичный океан, в котором зародилась жизнь. Многообразие возможностей, из которых реализуется наиболее вероятная...

Между кооцерватной каплей и живой клеткой лежит пропасть неведомого. Мы не знаем, какие стадии претерпел этот великий переход. Да и не столь уж это важно в данном конкретном случае. Просто я задумался над путями эволюции. По сути мы знаем лишь один ее путь — совершенствование вида. Для эволюции отдельная особь — ничто, а вид — все. И не случайно! Нужны тысячи существ, чтобы выдержат все мыслимые и немыслимые мутации. Пусть останется лишь несколько пар, которые передадут потомству свою удивительную приспособляемость, и вид будет спасен. Это дорога безумного расточительства, расчет на самый худший случай. И потому жизнь на Земле необорима. И все же расточительство не более чем возможный вариант.

Треска мечет миллионы икринок, для того чтобы наверняка вылупились, выросли и дали потомство лишь две рыбы. И это ее верный и единственный козырь в конкурентной борьбе. Расточительность — дань слабости. Так, может быть, мыслим путь экономии и силы?

И я подумал, что в первичном океане эволюция могла идти по двум руслам. Ведь природа исследует все возможности. Что в ней может протекать, то протекает. Наряду с известной нам картиной совершенствования животного мира могло происходить и совершенствование отдельной одинокой особи. Мы не знаем, как из разрозненных клеток возник первый организм. Но тем не менее считаем такой переход само собой разумеющимся. Во всяком случае он покоится на фундаменте наших знаний и пересмотру вроде бы не подлежит.

Но вот сформировался первый организм. А что дальше? Тут мы призываем на помощь идею размножения. Так возникает вид, так начинается совершенствование мира.

Ну, а если где-то в глубинах первичного океана только что сформировавшийся организм не смог умереть и стал совершенствоваться сам? Возможен такой вариант?

Во всяком случае он не более уязвим, чем любая из созданных нами моделей происхождения жизни. Не обязательно совершенствоваться в длинной эстафете поколений. Любой из ныне живущих организмов способен к совершенствованию. Увеличьте эту способность в тысячи раз, и вы получите бессмертное существо. Смерть особи — залог бессмертия вида. Когда же особь и вид предстают в едином лице, смерть не нужна. Такое существо не подвластно смерти.

Вот, собственно, и все мои исходные представления о генезисе чудовищного студня. Теперь немного о его психологии. Не надо бояться слов. Наделено оно сознанием или нет, какая в сущности разница? Просто нужна первичная схема, в которую бы достаточно непротиворечиво укладывались все известные факты.

Я испытал абсолютное одиночество, и оно заставило меня предположить, что чудовищное существо само абсолютно одинокое.

Но еще я пережил и непередаваемый, какой-то первозданный ужас. Почему же, отталкиваясь от этого ужаса, мне не попытаться обрисовать психологию чудовища, не докопаться до тех корней, которые, собственно, и порождают ужас? Такая попытка не несет в себе ничего порочного, она вполне в духе доэмпирической науки. В конце концов я смотрю на чудовище, как древнегреческий натуралист взирал на мир. Мы оба были лишены экспериментальных возможностей.

Каким же должно быть существо, появившееся, допустим, еще в архейскую эру? Оно не подвластно смерти и не знает врагов. Все для него чужое, и оно чуждо всему живому. В темных и холодных глубинах трудно заметить течение времени. Ему неведом страх, зато все живое цепенеет от ужаса при его приближении.

Это странная жизнь вне времени, без вражды и какой-либо привязанности. В море всегда вдоволь рыбы, и поэтому нет никаких забот. Может быть, нет даже эмоций и желаний. Если за миллионы лет в буром студне и пробудилось сознание, то оно непостижимо для нас, равнодушно и сумеречно. У такого существа не может быть цели, как нет ее у самой природы.

Полное отчуждение, принципиальная невозможность любых контактов. Слишком оно велико, чтобы замечать случайную добычу. Планктон или испанский кит — для него все едино. Даже понятие добычи неведомо ему. Это всего лишь автоматический,

само собой разумеющийся процесс. Здесь не надобно усилий и никаких отступлений от извечного и бесстрастного молчания глубин.

Фантазмагория. Иррациональный лабиринт, в котором мучительно бьется почти человеческая мысль. Вот откуда этот ледяной ужас.

Помните «Поминки по Финнегану»? Джойс там такого нагородил... Финнегану мерещится в бреду, что он вовсе не заурядный дублинец, а легендарный король Марк, преследующий Тристана и Изольду. Чайки носятся над кораблем и кричат: «Три кварка для сэра Марка...» И уже не отличаешь правду от вымысла, не знаешь где кто. Финнеган — это Марк, ты сам — это Финнеган. А тут еще загадочные три кварка. Что может быть страшнее осознания беспомощности?

Я не случайно заговорил о трех кварках. Не ради отдаленной аналогии между моими ощущениями и финнегановским бредом. Так случилось, что кварки перекочевали из путаной повести на страницы физических журналов. Сейчас все только о них и говорят. Теоретики считают, что в основе материи лежат кроме легких, истинно элементарных частиц три тяжелые частицы с дробным электрическим зарядом. Это и есть кварки. Они неуловимы, как, впрочем, и полагается по их названию. Попробуйте объяснить, что такое кварки. Это непереволимый абсурд. Конечно, дело не в названии. Для нас важно, что они долгое время были неуловимы.

Не надо думать, что я отвлекаюсь от сути повествования. Кварки, по крайней мере так кажется, играют в нем не последнюю роль. Посему позволю сделать небольшое, но весьма важное отступление.

Считается, что кварки могут рождаться в космических лучах высоких энергий. При столкновении частицы с энергией порядка 10^{11} — 10^{12} электронвольт с атомными ядрами верхних слоев атмосферы можно ожидать появления небольшого числа этих самых кварков.

Как ни мало этих частиц, но они вот уже миллиарды лет пронизывают атмосферу. За столь длительный период должно было образоваться примерно сто миллиардов кварков на каждый квадратный сантиметр земной поверхности. Спрашивается, куда все они подевались?

Кварк обладает дробным зарядом. А привычные нам частицы либо вовсе не заряжены, либо обладают единичным зарядом. Поэтому кварки нельзя нейтрализовать. Они законсервировались, так сказать, навечно. Но поскольку они все же заряжены, то во-

круг них будут конденсироваться водяные пары. Так вместе с образовавшейся капелькой кварк выпадает в океан или на сушу. Вот и получается, что примерно за пять миллиардов лет в каждом кубическом километре воды могло накопиться около одного миллиграмма кварков. Но к сожалению, и в миллион раз большее их количество до сих пор не смог обнаружить ни один известный нам метод физико-химического анализа. Слишком уж мала концентрация.

Все это вещи достаточно известные. Но вот недавно я познакомился со списком новых нобелевских лауреатов. Среди них два шведских физика, удостоенных премии за обнаружение частиц с дробным электрическим зарядом. Они выделили эти частицы из океанской воды. Невозможное оказалось возможным. Секрет в том, что шведы брали пробы воды из глубоких впадин. Они предположили, что кварки, как и тяжелая вода, могут концентрироваться в отдельных местах Мирового океана. Конечно, проделали тысячи проб, переработали сотни тонн воды и все такое. Но успех — налицо.

Впрочем, самое захватывающее не в этом. Для меня важно, что кварки обнаружены в пробах, взятых с глубоких впадин Южных морей. Именно тех морей, где недавно водолазы чилийской гидрографической экспедиции встретили то самое чудовище. Описания поразительно сходятся! Можете с ними ознакомиться сами. Сообщения об этом появились в нашей печати. Возьмите хотя бы журнал «Мир науки».

Я не хочу делать никаких выводов, но некоторые сопоставления прямо сами напрашиваются. Что, если бурый студень зародился в тех впадинах абиссали, где была наиболее высокая концентрация кварков?

Это же предполагает совсем иную организацию, схему метаболизма, энергетический баланс. Чудовище уникально, фантастичны его свойства, а значит, и материальная структура его должна быть отличной от всего существующего на земле. Такая жизнь могла возникнуть на принципиально другой основе. И этой основой, возможно, были кварки...

Так уж случилось, что я столкнулся с этой жизнью лицом к лицу. И между нами прошла смерть.

Равнодушие, которого не может быть без души; беспощадность, которая не существует вне привычных человеку эмоций. Она творит зло, не ведая ни зла, ни добра; сеет ужас, никогда его не испытывая; убивает, не зная смерти. Она одинока, эта жизнь, и не одинока, потому что ей никогда не осознать своего одиночества.

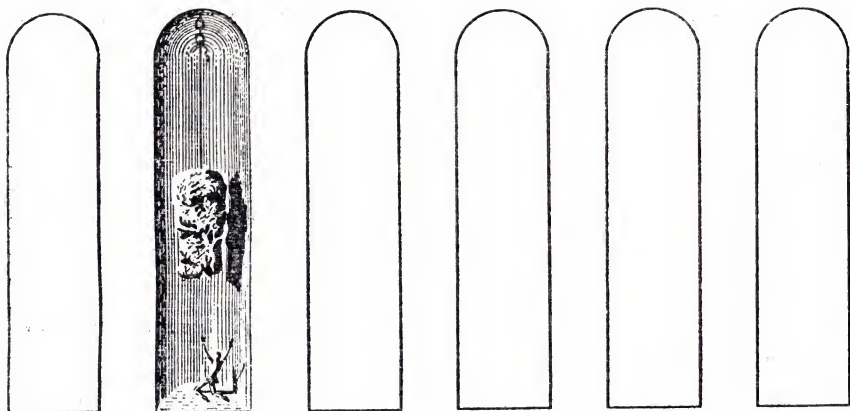
Мы, люди, сильны тем, что нас много. В жизни и смерти каждого из нас источник бессмертия человечества. И то, что мы считаем самым прекрасным и высоким, дано нам потому, что мы смертны. Вот в чем все дело.

А бурый студень — это отброшенный природой вариант, издержки эксперимента.

...Король Марк летит в погоню за прекрасной Изольдой. Зеленые белогривые волны вздымают норманскую ладью. А чайки почти задевают крылом напряженный парус:

Три кварка, три кварка...

Это изначально в человеке. Вот почему он никогда не завидовал бессмертным богам.

*** Фермент М**

Когда началось Происшествие? Трудно сказать, было ли у него определенное начало. Оно начиналось постепенно. Оно длилось. Оно ждало. А потом вдруг вспыхнуло и осветило. Так неяркая огненная точка, похожая на неведомое насекомое, ползет по хрустким веточкам валежника, подбирается к сухим шуршащим листьям, проходит мгновение — и костер вспыхивает, трещит, выбрасывая к небу брызги огня и света. Темнота оживает, в ней появляются прятавшиеся доселе сосны и березы, размахивают косматыми ветвями, угрожают...

На столе, как сейчас помню, расположился глиняный божок. Стол и статуэтка принадлежали Тукину. Божок, прямо скажем, имел вид довольно невзрачный. Безносый, безглазый, безротый — в нем не было ничего человеческого, не говоря уже о божественном. Тукин тем не менее был от него в восторге. Он заполучил сей уникум во время поездки в Южную Америку. Тукин утверждал, что этот микроидол когда-то украшал храм древнего города на реке Копан в Гватемале или в Гондурасе или еще где-то там очень далеко. Я любил поговорить с Тукиным о древнем племени майя, к которому, по словам Тукина, этот идол имел некое родственное отношение. О майя Тукин мог говорить бесконечно. И только хорошие слова. К племени майя Тукин относился с пристрастием. Он не замечал в нем пороков, прощал недостатки и до небес превозносил достоинства. Эта слабость делала Тукина отличной мишенью для острот. Он заглазно получил титулы Вождя племени майяйцев, Голубого жреца Ахукумху и Великого хра-

нителя тайн храма Чечевица (от Чичен-Ица). Мой приятель Жора называл его Монтесума Ястребиный Коготь. Но Тукин был непробиваем. Насмешки скатывались с него, словно капли дождя с силиконового плаща. У энтузиаста уши растут внутрь — он слышит только себя.

Самое забавное заключалось в том, что Тукин, по специальности химик-аналитик, никакого касательства к древним городам майя не имел. Это было его очередное увлечение. Однажды я привел моего друга археолога Диму в лабораторию Тукина. Цель визита заключалась в установлении реликтовой подлинности древнеиндейского идола. Худой, черный Дима внимательно рассматривал глиняную скульптуру, а Тукин подобострастно поглядывал на археолога снизу вверх. Дима молчал. Я очень хорошо слышал настороженное посапывание тукинских сотрудников. Они сидели за соседними столами и притворялись, будто заняты делом. В действительности, я уверен, они все ждали, что скажет специалист по древности. Я отметил танькин взгляд, смысл которого был мне предельно ясен. Она и ее две подружки были полны страстного нетерпения. Они готовились к тому моменту, когда можно будет, повизгивая, корчась, изгибаясь, роняя слезы, вскрикивая, размахивая руками, тряся головой, безудержно расхохотаться, а затем неделю ходить и, здороваясь, ласково и намекаяюще улыбаться. Ужасный человек эта Танька. Ей лет двадцать с небольшим, но и в такой короткий промежуток времени она успела, как сама изъясняется, столько «наехидничать и попить кровушки», что ино-му, разумеется порядочному, человеку этого хватило бы лет на сто, сто пятьдесят.

— По-моему, это глина,— не очень уверенно сказал Дима.

— Вы хотите сказать, что изделие из глины? Разумеется, в племени майя было немало первоклассных мастеров, и они...

— Нет, это не изделие. Это ком глины. И все.

За танькиным столом послышалось счастливое рыдание. Пришло ее мгновение. Ничего не поделаешь, такова эта девушка. Влезть в самый неподходящий момент в центр серьезного разговора, ляпнуть во всеуслышание тщательно оберегаемый секрет, намекнуть с независимым видом на тайну, которой не существует, затеять свару из-за пустяка, поссорить многолетних друзей и затем удалиться на свое рабочее место с видом оскорбленного ангела — таков неполный перечень деяний этой злодейки за шестичасовой рабочий день. Я удивляюсь Тукину, почему он все это терпит. Я б не посмотрел ни на невинно раскрытые глаза, ни на ясный взор и приветливую улыбку, ни на шуршащий снежный халат. Все это атрибуты дьявола, я не сомневаюсь.

— То есть, простите, вы говорите, что...— Тукин слегка рас-
терялся. Он покраснел, и волосы его стали еще светлее. Я пони-
мал Тукина. Конечно, если говорить серьезно, этот божок ничего
не значил для него, но все же он привык к нему. В свое время
было сказано много разных слов по поводу божка, было сделано
немало серьезных и остроумных предположений, и крушение идо-
ла Тукин должен был воспринимать весьма болезненно. Неприят-
нее всего терять то, чего не имеешь, но надеешься иметь. Потеря
надежды тождественна исчезновению будущего. Легче расстаться
со столетиями прошлого, чем утратить один завтрашний день.
Тукин был расстроен.

— Как же так?..

— Я не хочу сказать, что к нему,— Дима коснулся мизпнцем
головы идола,— не приложили руку древние индейцы. Возмо-
жно. Возможно, кое-какая обработка материала и производилась.
Но в нем нет ничего из того, что вы пытаетесь увидеть. Это не
лицо. И сверху не головной убор, как вы полагаете, а бесфор-
менный ком глины. И приплюснутость снизу не основание, не
подставка, а случайный срез не искусственного происхождения.
Этот образец нужно проверить на возраст. Тогда мы сможем оп-
ределить его научную ценность. А так...

Дима пошевелил пальцами, словно они были у него склеены
тестом, и устремил печальный темный взор выше головы Тукина,
поверх бюреток и столов, в угол, под потолок, где, очевидно, пря-
талась истина.

— Почему вы так решили?

— Очень трудный вопрос. Я не смогу вам рассказать, поче-
му я так решил. Логическое основание для моих выводов нич-
тожно. Сознательная информация, которую я могу передать вам,
тоже чрезвычайно мала. Решающее влияние оказывают опыт и
ассоциации. Но о них рассказать невозможно. Вы попросили меня
высказать суждение. Вы его услышали. О мотивировке не спра-
шивайте. Не верите — проверяйте.

— Я не могу с вами согласиться. Я хотел бы все проверить.

— Нет ничего проще,— согласился Дима.— Мы проведем изотопный анализ углерода, и все станет на свои места. Вернее, не
все, а только возраст. Но и это уже немало. Что же касается ар-
хеологической ценности предмета, она мне представляется сом-
нительной. И конечно же, никакого отношения к древним горо-
дам майя эта фигурка не имеет.

Тукин посмотрел на Диму. Дима посмотрел поверх Тукина.
В комнате было очень тихо, слышалось только сдавленное тань-
кино хихиканье.

— Ну, ладно, — Тукин вздохнул, — пусть так.

На этом, собственно, все и кончилось. Уходя, Дима осторожно спросил, откуда у Тукина сия штукавина. Тукин не менее осторожно ответил, что ему подарил один знакомый бразильеро. Дима кивнул головой и удалился. Я остался утешать Тукина. Мне его было искренне жаль. Лысеющий ребенок остался без игрушки. Это всегда трогает сердце. Душераздирающее зрелище.

Собственно, на этом разговоре все могло кончиться. Несмелый огонь События мог погаснуть, встретив на пути преграду. И никогда бы не вспыхнуло пламя, осветившее мне жизнь таким необычайным светом. «Никогда» — страшное слово. Я думаю о тех событиях, которые могли произойти и не произошли, и мне почему-то становится тяжело и тоскливо. Я думаю о преждевременно погибших людях и замыслах, о разбитых надеждах, о несодяянном и несвершившемся, и торжество существующего, его однозначность мне кажутся жалкой иронией. Мы живем на огромном кладбище несбывшегося. Меня мучит чудовищный, нелепый вопрос, я сам сознаю его логическое неприличие, но не могу отказать от него — он завораживает, гипнотизирует меня. Куда девается то, что не произошло? Куда исчезает энергия, которая копилась для несостоявшегося свершения? Рассеивается? Поглощается средой? Значит, все же не уходит совсем, а как-то изменяет Вселенную, хотя бы, например, повышает ее энергетический уровень. Выходит, что и несбывшееся сбывается, но в другой форме. Я сказал об этом Жоре, и он, конечно, прореагировал соответствующим образом. Человечеству необходимо, сказал он, некоторое количество идиотских вопросов и мыслей. Без них, сказал он, люди будут чувствовать себя неудобно. В некотором смысле идиотизм даже может рассматриваться как один из рычагов прогресса. Но должна существовать строгая предельная норма, превышение которой карается смертной казнью. Иначе, заметил он, современному миру грозит плачевная участь. Или того хуже. Как выглядит это хуже, Жора не сказал, и я не спрашивал. Меня в то время уже не очень интересовало мнение Жоры.

Упросил Диму провести полный спектральный и физико-химический анализ скульптурки. Я ее по-прежнему величал скульптуркой, невзирая на возникшие сомнения. Договорился с палеонтологами, чтобы и они тоже высказали свое мнение. Проконсультировался с учеными нашего института. Одним словом, развил бурную деятельность. Тукин сочувственно относился к моей суете. Костер тихонько потрескивал, но пламя еще не вышло наружу, оно копилось в недрах бесформенной груды веток. Пропищество зрело.

Сейчас я себя спрашиваю: почему я все это делал? Зачем? Кто заставил меня вырвать инициативу из вялых ладоней Тукина? Ведь я ждал и боялся Происшествия. Боялся и торопился к нему навстречу.

Мелькают секунды, бегут минуты, ползут часы, время идет, идет... Пока делались анализы, пришла осень, печальная, чистая, московская осень. Ржавые воробы на свинцовом асфальте, кудрявые волны листопада, загорелые лица отпускников, персики и виноград на лотках под открытым небом... Почему я вдруг заговорил о природе? Прихоть памяти или железная ассоциация? Я слышу голос Димы и вижу, как тукинские девчонки возятся с пересадкой цветов: на подоконниках грязь, кучки черной земли, завернутые в газету растения с мокрыми торчащими корнями шевелятся, как живые. Пахнет антоновскими яблоками — они у кого-то в сумке или в столе, но запах их разносится по лаборатории, перебивая все химические ароматы.

— ...рубиниево-стронциевый метод... семьдесят миллионов лет... позднемеловая эпоха... расцвет рептилий и прочих малоприятных существ...

Голос Димы звучит далеко и глухо, как сквозь вату, за окном видно, как собирается дождь, я вспоминаю, что еще не купил себе плаща, и мне становится досадно. Оказалось, это все же глина, древняя глина. В таких глинах археологи обычно отыскивают кости динозавров. Ничего особенного, как заметил Дима.

Дима и Тукин обмениваются фразами, словно картами. Брошена карта — вопрос, сверху падает карта — ответ. Мысль бита, взятка ваша, дорогой партнер. Шлеп, шлеп. Идет игра мыслей.

Дима. И вот еще одно. Попробуйте получить экстракт. Обычный хлороформенный экстракт, тот, который геологи извлекают из всех пород, подозреваемых в нефтеносности. Для этого нужно отделить глину от образца, измельчить ее и проэкстрагировать.

Тукин. Зачем?

Дима. Состав органического вещества может оказаться интересным. Многое сразу прояснится. Только проводите экстракцию на холоду, чтобы не разрушить сложные химические соединения и те биохимические комплексы, которые, возможно, еще сохранились. Возможно. Я не поручусь за их целостность.

Тукин. Пожалуй, это стоит сделать.

Здесь вмешался я и задал вопрос. Наверное, это был воинствующе невежественный вопрос. Во всяком случае по взгляду, которым обменялись Тукин и Дима, я понял, что спрашивать не стоило.

Дима. Ты спрашиваешь, откуда в глине органическое вещество. Пора бы тебе знать, что вся земная кора пропитана орга-

пическими соединениями. Особенно ее поверхностные слои. В любой породе можно найти органику. В различных количествах, естественно. От тысячных долей процента до нескольких процентов. Это главным образом углеводороды, простейшие соединения углерода с водородом. Попадают и более сложные. Например, порфирины, которые входят в состав тканей живых организмов. Считается, что рассеянное органическое вещество обязано своим происхождением растениям, микробам, водорослям, которые когда-то жили, умерли и были поглощены землей. Затем геологические катаклизмы, вода и время сделали свое черное дело. Захороненные остатки живой материи разлагались, мигрировали на большие глубины, собирались в ловушках, образуя залежи нефти и газа. А большая часть так и осталась в глинах и песчаниках в виде мельчайших вкраплений. Вот о них-то и идет речь. Если породу измельчить и обработать хлороформом, органические соединения перейдут в раствор, и тогда их можно будет проанализировать. Установить их химическую структуру. Прочсть, так сказать, их химический паспорт. Откуда они и кто они такие. И тогда может обнаружиться... впрочем, посмотрим, что тогда обнаружится.

Для изложения самого Происшествия совершенно безразлично, как нам удалось извлечь органику из ископаемой глины Тукина. Скажу только, что эта операция заняла около трех недель, и в конце ее дно бокса покрыл слой темно-коричневого порошка. Дима глубокомысленно повертел сосуд в пальцах и заявил, что органики поразительно много, особенно если учесть то незначительное количество породы, которым мы располагали. И еще он сказал, что подозревает, будто глина имеет прямое отношение к древним кладбищам ископаемых рептилий. Что Дима понимал под словами «прямое отношение», мне было неясно, но вопросы задавать я не стал.

Мы стояли втроем вокруг этого бокса с темным порошком и смотрели на него. И здесь появился Жора. Он сунул свой крючковатый нос мне через плечо и стал выяснять, в чем дело. Ему объяснили, он сказал «ааа!» и задумался. Дима тем временем расписывал, какие необходимы анализы. И рентген, и инфракрасный спектр, и специфические химические реакции, и еще что-то. Дима преклоняется перед анализами. Слово «анализ» идет у него третьим после любых двух других нормальных слов. Он не спросит «как ваше здоровье?», а обязательно «как ваши анализы?». Впрочем, может быть, это мне только кажется. Я просто слишком близко знаю Диму. Тем не менее, когда он вдруг на секундочку прервался, Жорка вдруг произнес:

— Все нужно проверять органолептически.

Почему-то на эту фразу прореагировал только я. Может быть, потому, что совсем недавно узнал, что такое «органолептически». Я протянул палец, ткнул его в открытый бюкс, и на влажную кожу налипло несколько крупинок ржавчины. Я поднес палец к носу и услышал слабый запах хлороформа (очевидно, его плохо отогнали). Затем совершенно механически вдохнул и ощутил щекотание в горле. Очень громко чихнул и улыбнулся. Жора захохотал, Тукин закричал, а Дима удивленно поднял брови. Жора посоветовал вызвать «скорую помощь», но я гордо заявил, что не погибну хотя бы назло им.

Тукин закрыл бюкс и спрятал его в сейф. Дима продолжал рассказ об анализах, а я с тревогой прислушивался к тому, что происходило во мне, но там не было ничего такого, о чем можно было бы поделиться со своими близкими. Пожалуй, этим эпизодом в тот день все и кончилось. Тукин и Дима еще долго говорили о том, что и как делать с полученным веществом, но мне было не до них. Я прислушивался к себе. Но ничего. Все в порядке.

Прошло несколько дней, и я уже стал забывать о своем органолептическом эксперименте, как вдруг... нет, совсем не вдруг, вдруг ничего не происходило. Все развивалось очень постепенно. Почти неуловимо для глаза, почти неощутимо для памяти. Одним словом, я стал кое-что замечать. Как будто все шло как раньше, и люди те же, и стены, и улицы, и в то же время наметился некоторый крен, определенная тенденция. Впрочем, сейчас мне очевиден этот крен и тенденция, а тогда... тогда было совсем иное ощущение.

Я испытал тревогу и неуверенность,

Однажды я возвращаюсь домой и обнаруживаю на стене моей комнаты, которую я снимал у одной почтенной старушки, новехонький эстамп. Эта штука мне не очень понравилась. Не понравился сюжет, не понравилось и оформление. Я высказал мнение об этой картине своей хозяйке. Между нами произошел занятный диалог:

Я. Екатерина Алексеевна, я благодарен вам за хлопоты, мне понятно, что вам хочется украсить мое жилище, разнообразить интерьер, что ли, но видите... откровенно говоря, я немного удивлен. Неужели вам пришлось по вкусу эти раздавленные медузы на кровавом фоне? Вот уж не подумал бы, что вы любите такой сверхмодерн.

Хозяйка. Что-то я не пойму тебя, сынок. Ты о чем?

Я. Об эстампе, который вы повесили над тахтой.

Хозяйка. Это под стеклом, что ли? Бог с тобой, милый. Я его не вешала. Сама удивилась, зачем тебе такая мрачность понадобилась.

Я. Но я его тоже не вешал.

Мы устали друг на друга и замолчали. На лице моей собеседницы сменилось несколько выражений. Заключительной была мина упрямого недоверия. Старушка поджала губы, готовая обидеться.

Мой недоумевающий взгляд она парировала взмахом руки и словами:

— Ладно шутки шутить. Кроме тебя, некому.

И ушла.

Я возвратился в комнату и с чувством щемящей тревоги осмотрел эстамп. Цена ему была один рубль, а тоску он нагонял на добрую сотню.

Рубиновые кинжальные лучи далекого солнца пробили поверхность океана, но не дошли, не дожили до настоящих глубин. Они умерли на излете, едва коснувшись эпидермы неведомых существ, поднимавшихся снизу, из черно-красной бездны. Голубые слизняки всплывали кверху, и движение их было таинственным, угрожающим. Густая, вязкая, словно стынущая кровь, вода пылала, и тем более неприятно выглядели на ее фоне разлохмаченные медузообразные неопределенности...

Может быть, это была и гениальная картина, но впечатление она оставляла омерзительное. Примечательно, что на ярлыке с внутренней стороны эстампа я не обнаружил фамилии художника. Типография была, цена была, художественный совет, одобрявший картину, был, а художника не было. Я было одно время снял эту картину, но затем вновь повесил. Почему я так поступил, не знаю.

— Вот он! Я его узнал! — с такими словами здоровенный парень схватил меня за плечо, в то время как я мирно поджидал автобус на остановке. Судя по фуражке и пальто, передо мной был водитель такси.

— Отпустите меня, гражданин! — шипел я, делая телодвижения, отдаленно напоминающие танец живота. — Я вас не знаю и сомневаюсь, что когда-нибудь захочу знать!

— У меня есть свидетель! — вопил он. — Ты ответишь по закону!

— А у меня будут свидетели! — защищался я. — Свидетели вашего хулиганства. Вся эта очередь пойдет ко мне в свидетели!

Через десять минут я сидел в отделении милиции. Мне инкриминировался обманный проезд на такси с последующим бегством в неопределенном направлении. Оказалось, я задолжал этому парню за проезд три рубля. И у него действительно был свидетель, такой же водитель такси, который якобы видел, как я в момент расчета выскочил из машины и улепетывал, словно заяц. Сколько я ни ломал голову, я не мог придумать подходящего алиби. Мало того, память подсказывала мне, что в день, упомянутый таксистом, я действительно использовал этот вид транспорта. Но конечно, не столь позорным образом. Правда, мне вспоминалось, что кое-какие мысли о дороговизне проезда в такси у меня были. Но только мысли. Не более. Никаких поступков в качестве логического завершения моих размышлений не последовало, — это я знал совершенно точно. Я не мог бы поступить так, как рассказывал возбужденный водитель такси. Ни в коем случае.

— Вот что, гражданин, — сказал молоденький лейтенант с усталым лицом и зевнул так, что я смог по достоинству оценить, сколь великолепным архитектурным сооружением была его нижняя челюсть. Рассматривая розовую гортань милиционера, я как-то очень быстро пришел к убеждению, что мне стоит покориться. Поэтому я заплатил водителю три рубля и штраф, который лейтенант наложил на меня, сказав, что я еще счастливо отделался. А то можно и пятнадцать суток добавить, сказал этот лейтенант. Он, очевидно, здорово устал после ночного дежурства. Меня-то он рассматривал прямо с какой-то ненавистью. Очевидно, все мы, побывавшие у него в эту ночь и утро, порядком ему досадили. Так что я, пожалуй, действительно счастливо отделался. Положив квитанцию о штрафе в карман, я убрался восвояси. Это происшествие меня огорчило, так как оно ударило по моему месячному бюджету.

Но неприятности, как известно, не гуляют в одиночку. Через несколько дней я нашел свою фамилию на доске объявлений, где вывешивали директорские приказы, отпечатанные на полупрозрачной папиросной бумаге. Обозначавшее меня родное словосочетание следовало сразу же после формулировки «объявить выговор за нарушение трудовой дисциплины». Я был осужден за самовольный уход с работы на два часа раньше срока. Увидев дату своего преступления, я разозлился. Я отлично помнил, что в этот день я отпрашивался у заведующего лабораторией. Мне нужно было съездить в учебный институт на консультацию по курсо-

тому проекту, и шеф величественно кивнул головой. Ступай, мол, только распишись в книге ухода-прихода.

— Так ведь он же вам не разрешил. И приказ написан на основании его докладной записки,— сказали мне в отделе кадров.

Такое вероломство со стороны шефа потрясло меня. Я решил выяснить отношения.

Шеф восседал в каморке, которую только по недомыслию или из подхалимажа величали кабинетом. Стены сей кунсткамеры были украшены заспиртованными моллюсками и головоногими, прямыми родственниками тех существ, что обитали в Мировом океане в доисторические времена. Впрочем, в данный момент палеонтологические редкости меня не интересовали. Я с ходу и достаточно энергично изложил свой протест. Шеф, как мне показалось, был удивлен, а кое-кто из кальмаров зашевелился в своих банках, угрожающе распрямляя щупальца.

— Я вам действительно запретил в тот день уходить с работы раньше положенного времени,— сказал он, сняв очки в золотой оправе,— тем более что вы это делали четвертый раз подряд. А у нас, как вам известно, отчетный период, и все должны быть на местах.

Я оторопел.

— Как же так? Ведь вы согласились, когда я вас спрашивал, даже головой кивнули и...

— Вы что-то путаете. Совсем наоборот. Я вас предупредил, что прибегну к административным воздействиям, если ваше самовольничанье повторится. У меня есть свидетели нашего разговора.

Свидетели? Опять свидетели... Все на свете задалось целью свидетельствовать против меня. Что ж это такое?

— Что ж это такое? — словно мысленное эхо произнес шеф. — Я уже давно собираюсь с вами поговорить. За последние полтора-два месяца вы сильно изменились, и, должен признаться, не в лучшую сторону. Я знаю, что у молодежи бывает всякое. Каждый должен через это пройти, но все же... существует предел. Некоторые границы нельзя переступить, не потеряв уважение общества и тех людей, хорошим отношением которых дорожишь. Я на многое закрываю глаза, но это уж слишком. Вы мне нравитесь, вернее, нравились и как работник, и как человек, но, простите, в некоторых вопросах я бываю по-настоящему принципиален. Это не мелочи, это серьезно.

— Что вы говорите, Исаак Исаакович! — возопил я. — Что «слишком»? Причем тут уважение, причем тут молодость, совсем я не такой уж молодой!

— Тем более. Все эти ваши разглагольствования и демонстрации ни к чему хорошему не приведут. У нас в коллективе разные люди, и каждый понимает вас по-своему.

— Какие разгл... какие демонстрации? — лепетал я, совершенно подавленный.

— Вы знаете, о чем я говорю.

И он посмотрел на меня тем долгим, всепонимающим и всепроникающим взглядом, которым на меня в последнее время стали частенько поглядывать знакомые и незнакомые люди. Этим взглядом он будто петлю надел мне на шею, и я почувствовал мгновенное удушье. Со словами «ничего я не знаю» я покинул своего начальника.

В институтском коридоре я с минуту стоял, пытаюсь собраться с мыслями, но они как назло разбегались подобно тараканам, попавшим в световой луч. Ко мне подошел Жора. В отличие от обычного состояния его физиономия сменила хитровато-насмешливое выражение на высокомерно-кислую мину, что, разумеется, ему решительно не шло.

— Вот что, — сказал он деловым тоном. — Я не против шуток, пока они делаются на дружеской ноге.

— Ты о чем? — равнодушно спросил я. Мне внезапно стало все равно, я был готов ко всему самому плохому.

— Это ты сказал Аделаиде, будто я сочинил стишок про Тукина?

— Какой стишок?

— Ну тот, ты знаешь, о чем я говорю...

— Я? Аделаиде? Ты что?

— Слушай, я знаю Адель уже восемь лет, и она не такой человек, чтобы врать.

— Жор, не говорил я этого Адели, — устало выдавил я.

Мы замолчали. Жорка почесал за ухом.

— Не знаю, — сказал он, — зачем тебе захотелось поссорить меня с Тукиным. Это тем более подлость, что стишок-то сочинен тобой.

— Мной?!

Жора отчужденно посмотрел на меня.

— Вот ты какой, оказывается, — молвил он многозначительно. — Только напрасно ты так изворачиваешься. Оригинал, написанный твоей рукой, со всеми правками и поправками, — вот он!

И он эффектно помахал перед моим носом скомканной бумажкой, изборожденной вдоль и поперек лиловыми рифмами. Затем он удалился, гордый, как торреро, а я остался в положении быка,

которому воткнули в загривок шпагу и забыли ее оттуда вытащить.

Соображать я не мог, да и не хотелось мне соображать. Я ползл вдоль коридора, полный печальных раздумий о кознях судьбы, о моем бренном существовании среди слишком сложного, слишком взрослого для меня мира.

Я шел, а навстречу мне двигалась Танька. Уж кого-кого, а ее-то я меньше всего хотел бы встретить в эту минуту. Уж слишком я был беззащитен, слишком ослаблен, чтобы обороняться. Но странное дело, Танька вела себя тоже весьма необычно. Она не помахала мне издали рукой, она не скорчила мне страшную рожу, не показала язык — одним словом, не выкинула ни одного своего привычного коленца.

За несколько шагов от меня она начала краснеть. Краснела она, начиная откуда-то с шеи, бурно, пламенно, словно сгорала. Поравнявшись со мной, она уже пылала, точно сухая щепка в атомном пламени. Я настолько растерялся, что не поздоровался, и, увидев ее гневный взгляд, растерялся еще сильнее. Сердитые голубые глаза становятся от ярости синими. Они приобретают глубину и выразительность.

Я остановился и посмотрел ей вслед. Она почувствовала мой взгляд, мотнула головой, и я увидел рдеющую щеку, опущенную золотистым палетом. Мне впервые пришла в голову мысль, что Танька чертовски хороша собой. Но потом я подумал, что ситуация слишком сложна, чтобы эта мысль могла как-то изменить ход событий. Сейчас меня тревожила только непонятная танькина реакция. Здесь таился какой-то подвох. Но может быть, дело было не во мне? Я с надеждой осмотрелся по сторонам. Увы, кроме меня, в коридоре никого не было. Значит, Танька покраснела из-за меня. Но почему, черт побери?!

В этот день я возвращался домой очень тихо и очень осторожно. Я был предельно вежлив и позволял всем гражданам толкать и обгонять меня. Я не сопротивлялся. Меня мучили мрачные предчувствия.

И они оправдались. У подъезда моего дома стояли четыре автомашины. Это были: машина из прачечной, которая собирает белье на дому, продуктовый автофургон, развозящий заказы на дом, «неотложная помощь» и такси для перевозки мебели. Между ними металась Екатерина Алексеевна с растрепанными волосами и безумным взором. Утирая невидимые мне слезы (я спрятался в подворотне напротив), она в чем-то убеждала водителей, врача, прачку, торговца из «Гастронома» и огромного мужчину, очевидно бригадира грузчиков из транспортного агентства. По доносив-

шимся до меня возгласам я понял, будто не она их вызвала, а ее квартирант, постоялец, прохвост и ветрогон, каких свет не видывал. Возгласы моей хозяйки переплетались с возражениями ее собеседников. Грузчик использовал несколько крепких определений. Я видел, как Екатерина Алексеевна расплачивается кое с кем из приехавших, роняя на асфальт пятаки и копейки.

Я стоял, смотрел и удивлялся. Конечно же, я не думал вызывать все эти символы городского сервиса. Конечно же, я не делал заказы в «Гастрономе» и не я звонил в «неотложку». Правда, вчера вечером хозяйка намекнула, что у нее снова шалит сердечко, да и в продовольственный ходить далеко, но все ее нарекания были мне слишком хорошо знакомы, чтобы я принимал хоть какие-нибудь меры. Они прошли мимо моего сознания, незамеченными, как уже проходили до этого сотни раз. Снова получилась какая-то чертовщина, но меня удивляло другое.

Каким образом удалось собрать их всех в одном месте в одно и то же время? Ведь каждая из этих автомашин, за исключением «неотложки», требует многочасовых, а то и многодневных переговоров по телефону. И то они обязательно что-нибудь перепутают, опоздают или вообще не приедут. Вот что меня удивляло и даже немножко пугало. В этой точности была жуткая ненормальность.

Первой уехала медицинская помощь, за ней рассосались и остальные. Я стоял, курил и раздумывал, стоит ли подниматься мне наверх, где меня ожидал труднорегулируемый гнев Екатерины Алексеевны. Я предполагал, что мои вещи собраны и мне теперь уже по-настоящему придется вызывать такси, чтобы ехать куда-то в поисках новой квартиры.

Старушка, очевидно, все же любила меня. Она довольно кратко описала мне случившееся и попросила больше так не поступать. Напрасны были мои заверения, что я этого не делал. Мне по-прежнему упорно не верили. Оказывается, в отделе заказов «Гастронома» и в прачечной я побывал лично и меня запомнили. Приметы полностью совпадали с теми описаниями, которые Екатерина Алексеевна давала разгневанным представителям городского сервиса. Я прекратил объяснения и клятвы, вернул истраченные на вызов деньги и прошел в свою комнату.

На стене висело три новых эстампа.

Я снял пиджак, бросил его на пол и повалился на тахту.

У меня кружилась голова, и головокружение это не было приятным. Все равно, думалось мне. Все равно. Если это уж началось, оно так просто не кончится. Но мне наплевать. Будь что будет. Сначала мне было смешно, потом страшно, а сейчас меня

уже ничто не трогало. Эстампы какие-то дурацкие. Откуда они берутся? Сказать Екатерине Алексеевне? Стоит ли расстраивать старушку, она и так напугана...

Я тихонько лежал и рассматривал картинки. Новые эстампы заметно отличались от медуз на красном фоне, висевших в центре моей картинной галереи. Новые эстампы производили знакомое впечатление, и мне явственно чудилось, что я их уже где-то видел. Пышный папоротниковый лес в дыму ядовитых испарений. Жирная поверхность доисторического болота и черная голова ископаемого чудовища над ней. Адский профиль птеродактиля над мрачным ущельем. Отвратительно веселые звероящеры прыгали и резвились на переднем и заднем планах моих новых эстампов. То они оптимистично щерили свои зубастые пасти прямо в лицо зрителю, то величественно и грозно маячили в голубой дымке на горизонте.

Палеонтологический атлас! Как же я не догадался! Это картинки из палеонтологического атласа.

Я сорвал один из эстампов и с изумлением убедился в своей правоте. Эстамп представлял собой стекло, с противоположной стороны которого была наклеена вырезанная из атласа картинка. Это двойной эстамп, его можно поворачивать туда и сюда, и каждый раз пейзаж будет меняться. Впрочем, сколько его ни верти, вряд ли удастся вырваться за пределы каменноугольной эпохи.

Я просмотрел все три новые картинки. Они были сделаны кое-как, на живую нитку, даже обрезы стекла не были оклеены. На одном из рисунков я заметил деталь, от которой у меня помутилось в глазах. Это был фиолетовый штамп фоновой библиотеки нашего института.

— Екатерина Алексеевна, ко мне кто-нибудь из наших институтских приходил в мое отсутствие?

— А кто ж мог прийти, когда тебя дома не было?

— А я знаю, кто мог бы меня навестить? Таких довольно много.

— Без тебя я б никого в твою комнату не пустила.

— Так приходили или нет?

— Нет, при мне не приходили.

Все понятно. Очевидно, они пришли, когда старухи не было дома. Наша соседка предложила им подождать в передней, дверь в мою комнату была открыта, и они...

Но зачем им нужна такая глупая шутка? И почему им? Может, ему или ей? Кому из институтских может прийти в голову целенаправленная мысль украшать стены моей комнаты картинками? Скорее всего я подумал бы, что это сделал Жора, но, судя по сего-

дняшнему разговору, он не имеет отношения к этой истории. Тогда кто же? А кроме того, я не помню, чтобы я оставлял дверь комнаты открытой. Одна из моих главных утренних забот заключается в том, что я напряженно вспоминаю, запер ли я дверь своей комнаты. Второй ключ у Екатерины Алексеевны, и она уж наверное не забывает закрыть дверь.

Так кто же? Кто?

Внезапно меня словно озарило. У меня есть двойник.

Абсолютно похожий на меня тип, который проведаль о моем существовании и теперь всячески портит мне жизнь.

Мне стало страшно и легко. Будущее пугало и обнадеживало. У меня появился двойничок — конкретное зло, подлежащее искоренению!

К черту мистику, бред и предчувствия! Все на этой планете конкретно, взаимосвязано, взаимообусловлено. Меня обнаружили, выследили и решили разыграть. Где-то он меня увидел и надумал позабавиться. А может быть, и не только позабавиться. Такие шутки часто плохо кончаются.

Итак, вначале, очевидно, была встреча. Где-то он меня увидел. Инициатива с самого начала находилась в его руках. Он мог пройти мимо. Мог броситься на шею. Здравствуй, дескать, дорогой, долгожданный родственничек. Наконец-то мы встретились! Но он не бросился мне на шею, я не помню, чтобы мне последнее время кто-нибудь бросался на шею, а тем более мой двойник. Он не сказал мне ласковых слов, которые говорят при встречах дальних родичей. Но он и не прошел мимо.

Он стал следить за мной.

Из этого многое вытекало. Во-первых, что он нехороший человек. Хороший следить не станет. Во-вторых, он не очень умный человек. Умный двойник в одиночку работать не будет. То ли дело два двойника. Они могут делать небольшие чудеса. Но мой двойник отверг кооперацию. Может, характер у него сумрачный, а может, он мне не доверял. Последнее вполне вероятно. В этом мире даже двойникам договориться трудно.

Итак, мой не очень хороший, не очень умный и (мое предположение) не очень культурный двойник решил использовать сходство со мной для личных целей. Поскольку я не знаменит, не сановит, не именит, особого интереса для него я, очевидно, не представлял. И все же он следил за мной. Это его тем более плохо характеризует. Я имел дело с человеком мелочным, завистливым, въедливым. Из тех, которые добывают витамины из запа-

ха апельсинов. Мелочность и жестокость — близнецы-братья. (Что очень много близнецов и двойников!) Вероятно, он был также жесток, как и мелочен. Отвратительный тип! Слежка привела его к Екатерине Алексеевне и, возможно, ко мне на работу. Он узнал, где я живу и что я делаю. Кажется, только до моего вечернего института он не добрался, что, впрочем, еще неизвестно.

И вот двойник проводит серию операций. Он появляется на моей квартире, когда я на работе. Конечно, у него под мышкой новенький эстамп. Человеку, вносящему в дом нечто, верят больше, чем тому, кто приходит с пустыми руками. Под каким-то предлогом он проникает ко мне в комнату. Либо дверь все же была открыта, либо Екатерина Алексеевна там еще не окончила уборку, неясно, да и не суть важно. Двойник в моей комнате! Он узнает фамилию (паспорт в письменном столе, а стол, понятно, открыт), должность на работе, возраст, место учебы и т. д. и т. д. Я открыт для него со всех сторон, им получена исчерпывающая и окончательная информация. А пока начинаются мелкие хулиганские проделки. Побег из такси. Вызов «неотложки» к здоровой хозяйке. И так далее. За все будет отвечать двойник, сиречь я. Поэтому веселись вовсю, только вовремя замечай следы. Линия поведения моего двойника показывала, что он ко всем своим недостаткам еще и несерьезный человек. Просто глупец какой-то. Даже дурак.

Больше всего меня смущало появление двойника в институте. Что он там побывал, я не сомневался. Иначе откуда бы на меня посыпались все эти неприятности? Однако расшифровать его деяния было довольно трудно. С кем он встречался и о чем говорил, неизвестно. Очевидно все же, он отделывался «да» и «нет», как поступил бы любой в его положении. А может, и созорничал, ляпнул что-либо меня компрометирующее. От него всего можно было ожидать. Так или иначе, он сказал «да» Аделаиде на ее вопрос о том, кто сочинил стишок про Тукина. Он сказал «нет» моему шефу, и тот заленил мне выговор. А вот что он сказал Таньке?!

У меня состоялся малоприятный разговор с Татьяной. Я поймал ее в тот момент, когда в комнате Тукина никого, кроме нее, не было. Танька уже не краснела при встречах со мной, но ее напряженный взгляд говорил, что не все ладно.

— И что ты хочешь мне сообщить? — судя по тону, она уже обрела свою форму. Я помолчал, обдумывая, как бы не попасть в неловкое положение.

— А что, собственно, произошло? — я раскрыл глаза возможно шире, решив прикинуться дурачком.

— Ты не знаешь?

— Да нет, не то чтобы не знаю, но... понимаешь...

— Я-то понимаю, а вот ты?

— Видишь ли, на меня иногда находит, и тогда я все забываю, не то чтобы забываю, но...

— Я рассматриваю это как месть с твоей стороны. Довольно некрасиво. Ты все же мужчина, если, конечно, судить по твоим брюкам. И бороде.

— Что я сделал?!!

— Слушай, не будь идиотом. У тебя это получается здорово похоже. Можно подумать, что и вправду...

— Таня! Ради бога! Прими мои самые искренние извинения, но пойми, я иногда делаю такие вещи совершенно бессознательно. Как во сне. А потом не помню. Расскажи мне, ради бога, что же такое я натворил? Чем навлек твою немилость?

— Прекратим этот разговор. Ни к чему он. Я тоже человек и некоторых поступков не прощаю.

Мне показалось, что в глазах у нее блеснули слезы. У Таньки-то? Вот это да! Она захлопнула сумочку и вышла из лаборатории. Я остался один в полной растерянности. Не бежать же мне за ней в самом деле. Очень глупо получилось. Никчемный разговор. Никчемная затея. Ничего нельзя понять. В то же время я испытывал некоторое злорадство. Мой двойник расквитался за меня. Чтоб довести Таньку до такого состояния, надо обладать недюжинными способностями. Эту девочку нелегко пронять. И как ему удалось нащупать ее слабое место? Получилось ли это случайно? Вероятнее всего так. На больные мозоли всегда наступают случайно.

Я лежал на своей роскошной тахте вконец расстроенный.

Состояние такое, хоть вешайся.

Зачем он все это делает? Какой в этом смысл? К чему мышиная возня?

Мсть мне? За что?

И кто я такой, чтобы мне мстили? Я, может, ненароком... нет, нет, я один из безобиднейших людей земного шара. Я пальцем никогда никого не тронул. Нет, мстить мне не за что. А впрочем, в прошлом... ведь не все запоминаешь... и как-нибудь задел случайно, как говорят, локтем и не заметил, а потом все и обнаружилось...

Да нет, что я! Все чушь, блажь, я наговариваю сам на себя... Мысли мои разбегались, но было в их движении некое начало,

отправная точка, концентрированное выражение всех обид. Таким фокусирующим свойством обладал один вопрос.

Почему именно я?

Я, конечно, понимал, что это вопрос всех неудачников, попадающих в очередную жизненную передрагу. Но я уже потерял контроль над мыслями.

Затем у меня стали появляться совсем уж дикие предположения. Например, такие: а что, если этот предполагаемый двойник получил специальное задание свести меня с ума?

И ей-богу, он этого добьется! Я уже сейчас не в себе. Он очень легко сделает меня сумасшедшим. Судя по изощренности его поступков, это натура исключительно сложная и коварная. С примесью издевательства, даже садизма.

Повезло мне. Даже в роли двойника я не смог завести себе приличного человека!

Задребезжал телефон. Он у нас стоит в передней. Стук в двери — значит, меня.

Голос Димы спокойный и далекий, будто он говорит из другого города.

— Слушай, чертушка, притащи, пожалуйста, палеонтологический атлас завтра в институт.

— У меня его нет.

— Да брось ты!

— Да что бросать-то? Я его не брал. Он мне не нужен: я этими вещами не интересуюсь, сам знаешь. У меня профиль другой.

— Да ладно тебе. Ты просто забыл. В фондовой библиотеке он значится в твоей карточке.

— В моей?

— Ну конечно, я проверил. Может, брал шефу своему или кому другому и забыл. Посмотри дома.

— У меня дома ничего нет.

— Ну, так, значит, в институте. Где-то он должен быть, раз ты его взял.

— Ладно. Проверю. Как твои дела?

— Неплохо. Загляни завтра к Тукину часам к двенадцати. Есть кое-что интересное.

Палеонтологический атлас я нашел в одном из ящиков письменного стола и на другой день принес его Диме. Вырванные из атласа страницы пришлось вклеить обратно. У меня на стене остался только один эстамп — бледные медузы в красной воде.

— Ты болен? — спросил меня Дима.

— Нет, просто устал. Много работы и... устал.

— А-а,— сказал Дима.— Так вот, сейчас пойдем к Тукину, и ты познакомишься с кое-какими интересными вещами. Это тебя развеселит.

— Пойдем,— сказал я.

Мне было совершенно все равно. Идти. Смотреть. Стоять. Лежать. Бежать.

Я был подавлен.

Тукин снял. Голубенькие глазки весело поблескивали за толстыми стеклами очков.

— Необыкновенно,— твердил он,— необыкновенно.

— Что, собственно, необыкновенно? — Мне действовало на нервы его веселье.

— Он не понимает? — Тукин удивленно посмотрел на Диму.

— Он не знает,— сказал Дима,— он отстал, и ему нужно объяснить. Он был болен. Он устал. Ему скучно.

— Мне не скучно,— сказал я.

— Ну, так грустно.

— И не грустно.

— Тем более тебе нужно выслушать все об ископаемом ферменте.

Они сели передо мной и запели. Они здорово спелись за то время, пока я маялся с двойником. Как говорится, нашли общий язык.

Заметив, что теоретические рассуждения до меня не доходят, они смолкли и потащили меня смотреть какую-то мышь. Я удивлялся, отчего они со мной так цацкались и носились, пока Дима мне все не объяснил. Он сказал, что я считаюсь инициатором данной работы и буду их соавтором. Я заметил, что кроме меня у них будет еще один соавтор, но они не поняли, а объяснять мне не хотелось.

Они показали свою мышь. Более скучного создания я уже давно не видел. Она даже хвостом не шевелила.

— По-моему, она уже перешла в лучший мир. Туда, где опыты с мышами не ставят,— заметил я.

— Эх ты! Она находится под действием фермента. У нее разобщены вторая и первая сигнальные системы.

— Да? Мне кажется, подобная разобщенность ей не на пользу.

Они сказали, что я ничего не понимаю, и потащили меня прочь от своей полусдохшей мыши. По дороге они сообщили, что у них есть несколько кроликов, кошка и собака. Это они называли своей экспериментальной базой, которую им удалось организовать в последнее время. Я заявил им, что если тонус их базы такой же,

как у мыши, то мне лучше не смотреть. Здесь мнения моих учителей разделились. Тукин полагал, что я должен посмотреть на собаку, если не на кошку. В этом случае, заметил он, до меня быстрее дойдут объяснения. Дима же считал достаточным устное сообщение. Он выразил ту точку зрения, что до меня вряд ли дойдут любые объяснения и посему не стоит тратить время на дополнительные усилия.

Они вернули меня в кабинет, где и продолжили свои пространственные объяснения. Многое из того, что они говорили, я уже знал, но сейчас все выглядело стройнее и эффектнее. Они создали свою теорию и в эту теорию втискивали все известное им о земле и жизни, невзирая на то что многим фактам при этом приходилось буквально сворачивать шею. О эти увлеченные барды науки!

Оказывается, наша земная кора представляет собой музей, где находятся памятники отдельных этапов эволюции.

Я сказал им, что я слышал об этом, и спросил, можно ли скелет рассматривать как памятник мертвецу.

— Не валяй дурака,— заметил Тукин,— слушай дальше.

Но Дима согласился, что поставленный мной вопрос правомерен, хотя содержащиеся в нем вульгаризация и упрощенчество заставляют отместить его как провокационный и неуместный.

Рассеянное органическое вещество, сказали они дальше, представляет собой преобразованные остатки когда-то живших на земле микро- и макроорганизмов. Это как бы химическое письмо, посланное в будущее. Оно (это письмо) содержит информацию о функциях и особенностях организма, благоденствовавшего миллионы лет назад.

Я заметил, что некоторые письма из-за плохого почерка прочесть невозможно. Они обычно остаются загадкой для адресата.

— Все это так. Но при определенном искусстве прочесть письмо из прошлого все же можно. Этим искусством в совершенстве владеют палеонтологи, палеоклиматологи и... судебные эксперты,— сказал Дима.— Особое внимание обычно обращают на вещества, которые являются главными в жизнедеятельности организмов. Такие вещества служат визитными карточками для их владельцев.

Например, ферменты. Известно, что это соединения, без которых немислим обмен веществ в тканях организмов. Последнее время найдено и выделено много так называемых ископаемых ферментов. Они являются составной частью рассеянного органического вещества. Их можно обнаружить в глинах, песчаниках, древних морских осадках.

— Ну и что? — спросил я.

— А вот что, — сердито сказал Дима. — Если раньше, заполучив скелет динозавра, мы могли говорить о нем вообще, т. е. речь шла обычно о размерах, внешних очертаниях, местах обитания, способе добывания пищи и т. д., то сейчас ископаемые ферменты поднимают для нас завесу и над физиологией древних животных. Мы сможем описать предположительный механизм химических реакций, которые миллионы лет назад протекали в мышцах этих динозавров. Мы объясним всю динамику развития той или иной ветви эволюционного дерева. Причем объяснения эти пойдут уже на молекулярном уровне, т. е. на уровне самой высокой точности. Ведь в нашем распоряжении будут не только ферменты, но порфирины, нуклеиновые кислоты, ископаемые белки и многое другое. Тогда мы покажем, почему, каким образом и в результате какой физиологической деградации вымер тот или иной вид животных. А это даст нам очень многое. Мы узнаем ошибки природы, проникнем в химизм этих ошибок. Дерево эволюции развивалось неравномерно. Почему засыхала та или иная ветвь? Какой химический механизм не сработал в борьбе за существование у могучих звероящеров прошлых эпох? Какая молекула сплосховала, а какая, наоборот, оказалась молодцом? Какой код, записанный в нуклеиновой кислоте, явился наиболее «живучим»? Это великие проблемы! Описанное в терминах молекулярной биохимии древо эволюции будет выглядеть совсем иначе, чем известное нам сегодня растение, которое раскинуло свои ветви на страницах современных учебников биологии. Из этого последуют богатые практические выводы о развитии органического мира в целом...

— Стоп, стоп! Убедил, потряс, покорил, — закричал я. — Но эта декларация касается того, что вы сможете. А что вы смогли?

— Расскажи ему, — сказал Дима. Он слегка запыхался от внезапно открывшихся грандиозных возможностей познания мира. Тукин добросовестно перенял эстафету.

— Ты помнишь, голубчик, как мы из этой глины извлекли рассеянное органическое вещество? — ласково начал он. — Ты сам вначале трудился с нами, но затем отвлекся на свои личные, не сомневаюсь, очень важные дела. Так вот, после тебя из одного вещества было выделено обладающее ферментативными свойствами соединение. Мы назвали его ферментом М в честь известного тебе племени майя. Правда, к этому племени он никакого отношения не имеет.

После того как мы изучили его структуру, фермент был проверен на животных, и обнаружилось пока одно очень интересное его свойство. Этот фермент странным образом влиял на взаимодействие второй и первой сигнальных систем. Он как бы отклю-

чал мозг животного, и мы его вначале приняли за наркотик. Но потом выяснилось, что введение этого фермента способствует выработке веществ, которые тормозят деятельность коры полушарий головного мозга. Жизнь животного обеспечивается в основном вегетативной нервной системой. Конечно, у разных видов животных этот процесс разобщения протекает по-разному, но конечный результат очень сходен. Животное перестает «думать», оно почти ничего и никого не помнит и переходит на очень примитивный образ жизни. Сигналы мозга и ответные реакции блокируются соединениями, вырабатываемыми ферментом М. Действие фермента во времени подчиняется неправильной периодической зависимости, причем животное в сомнамбулическом состоянии выполняет последний сознательно фиксируемый приказ. Оно действует как бы по инерции, хотя контроль уже потерян. Правда, возможны и новые реакции, все зависит от объекта. Чем выше организация, тем труднее угадать линию поведения.

— Физиологическое влияние фермента,— вмешался Дима (он уже зарядился новой порцией энергии),— дает нам удивительную информацию об особенностях ископаемых животных. Наш фермент, судя по возрасту содержавшей его глины, входил в состав какой-то гигантской древней рептилии. Ты помнишь, как выглядели эти зверюшки, особенно представители класса травоядных? Гигантская гора мышц и ничтожное количество нервной ткани, сосредоточенной в головном мозгу. Влияние мозга на тело было минимальным, вся жизнедеятельность обеспечивалась той нервной системой, которая размещалась вдоль огромного позвоночника рептилии. Животное не успевало подумать, а тело уже реагировало. В таких условиях оценивающая ситуация деятельность мозга была порой просто вредна. Она мешала действовать. И тогда природа вырабатывает фермент, время от времени отключающий головной мозг. У рептилий, возможно, существовали периоды, когда головной мозг им был прямо вреден, и они тормозили его деятельность с помощью фермента М или других ему подобных соединений.

— Вот тебе пример, как природа ошибается,— подхватил Тукки,— изощренный скальпель эволюции чуть-чуть отклонился в сторону, и... погибла великая цивилизация звероящеров! Оказывается, в борьбе за существование даже на уровне диплодоков не все средства хороши. Эволюция хотела сделать, если только так можно говорить об эволюции, все самым лучшим образом и — просчиталась. Действительно, рептилии с ферментом М выживали лучше, но зато развитие головного мозга у них застопорилось, и они безнадежно отстали от других организмов.

— Братцы, стойте! — закричал я. — Всего слишком много, и потом... неужели вымирание звероящеров зависело от фермента М? До сих пор, насколько мне известно...

— Это одна из причин, — сурово перебил меня Тукин.

— Это одна из гипотетических причин, — еще более сурово добавил Дима.

— В таком случае вы сделали открытие?

— А о чем мы толкуем тебе, балда, уже около часа? И ты участник этого, не будем преувеличивать, не открытия, но интересного научного достижения. Понятно?

— Понятно, — кивнул я. Все время, пока они говорили, меня мучил вопрос, при чем здесь я. Мастодонты, меловая эпоха, ферменты...

И только тогда ко мне пришла догадка.

— Братцы, как вы вводили фермент своим кошкам-мышкам?! — спросил я.

— Как? Обычно в кровь, в физиологическом растворе. При сильном разбавлении.

— А через пищеварительный тракт можно?

— Не знаю, — неуверенно сказал Дима, — не пробовали. У нас слишком мало вещества, и удастся ли его синтезировать, еще неизвестно. А что?

— Я ваш фермент проверил на собственной шкуре, — мрачно заявил я. — Вы помните мой органолептический опыт с высушенным экстрактом? Я его тогда нюхнул, и через повреждения в носоглотке или традиционно, через кишечный тракт, ваш фермент мог запросто попасть ко мне в кровь. Не так ли?

— Ну... допустим. И что же с тобой случилось? Ты не особенно изменился. Во всяком случае внешне, — Тукин и Дима с третьей осмотрили меня.

— Не особенно? Ну, тогда слушайте.

И я рассказал им свои злоключения последних недель.

— Теперь мне понятно, что моя тень — это я сам, — торжественно заключил я, — под действием вашего фермента я откалывал номера, а потом премило забывал о них. То-то я никак не мог найти своего двойника. И не удивительно. Найти самого себя труднее всего.

Мои собеседники довольно долго молчали. А когда они заговорили, я был сильно удивлен. Оказалось, что они не согласны со мной. Они считали, что здесь что-то другое. Возможно, даже психическое расстройство. Я видел, что им неприятно. По-моему, им просто на какой-то миг отказало воображение, и они не могли мне этого простить. Но меня уже не интересовало их настроение. Я на-

шел причину, и с плеч моих рухнула тяжкая ноша. Я не большой, я не псих, я знаю главную действующую силу тайнственных происшествий. Удивление и отчаяние отошли, наступило время трезвой логики и спокойных оценок.

Меня беспокоит другое.

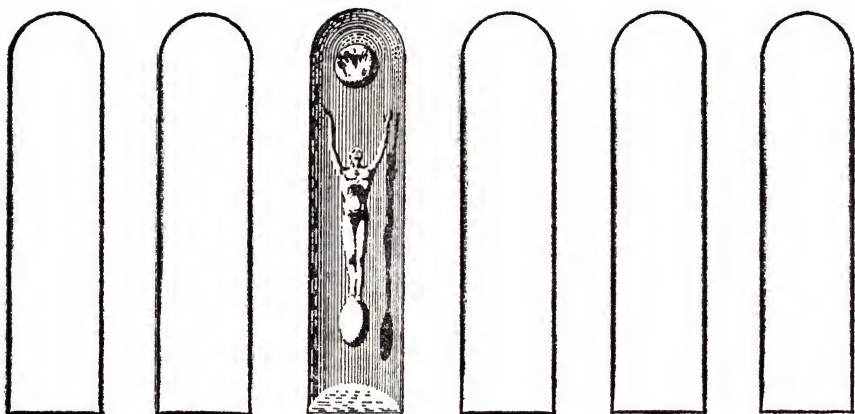
Кончилось ли действие фермента и чего мне ждать от будущего? Или это на всю жизнь? Надеюсь, что нет.

Дима говорил о силах прошлого, притаившихся в недрах земли и ждущих своего часа. Не знаю, так ли это. Меня пока волнуют только те силы, что притаились во мне и ждут. Чего они ждут? И ждут ли?

Но я успокаиваю себя и говорю, что самое страшное уже позади. Позади, потому что я многое знаю и умею. Я умею бороться с самим собой. Это главное.

А впрочем, поживем — увидим.

Только вот еще одно. Незаконченная мучительная операция. Хотя и в ней есть кое-что приятное. Но все же, как мне быть с Татьяной? Ума не приложу...

** Сфера Шварцшильда*

«Я знаю, что ничего не знаю,— сказал древнегреческий мудрец ученику и очертил маленький круг.— Вот твоё знание. Оно невелико, но и невелики границы этого круга с неизвестным. А вот что знаю я,— и он очертил большой круг,— но и границы с океаном незнания здесь больше. Наше знание о мире ширится, но вместе с тем мы все яснее понимаем, как мало наше знание».

Учитель геометрии — наш современник — сказал, что круг представляет собой проекцию сферы на плоскость, а прямая с точки зрения геометрии Лобачевского может рассматриваться как отрезок окружности, центр которой лежит в бесконечности. Лучше было бы ему сказать «окружности с бесконечным радиусом». Это уже очень абстрактно, когда центр удаляют в бесконечность. Центр там, где находится в данную минуту человек. Мы привыкли мыслить, что человек всегда находится в центре. А вот радиус может уходить в бесконечность. Из своего центра мы будем мысленно следить, как это происходит.

Первые сведения о том, что на Анизателле не все благополучно, дала астрофизическая обсерватория Джорделл-Бэнк.

Анизателла — единственная планета в системе двойной звезды, расположенной в созвездии Цефея и обозначаемой символом УУ. Последние семьдесят лет планета считается окончательно заселённой, хотя число колонистов на ней, даже в первые бурные десятилетия, не превышало двухсот человек. Один раз в шесть лет этот далекий форпост Земли посещает грузовой астролет класса

В-8. Постоянная же связь поддерживается лишь по каналу космического интервидения. Шесть минут ускоренной передачи через каждые три часа земного времени. Вот и все.

27 сентября в 19 часов 37 минут по Гринвичу очередной сигнал с Анизателлы не поступил. Он пришел лишь в 23 часа 21 минуту, т. е. с опозданием почти на четыре часа. В полученной информации ничего не сообщалось о причинах такого опоздания. Следующий сигнал опоздал уже на трое суток. И вновь Анизателла хранила молчание по поводу странного нарушения режима связи. Крупнейшие обсерватории Земли направили свои телескопы на Цефей. Почти одновременно Бюрокан, Джорделл-Бэнк, Серпухов и Маунт-Поломар обнаружили незначительное отклонение световых лучей в системе УУ.

Оптическая аномалия увеличивалась от наблюдения к наблюдению. А сигналов с Анизателлы все не было. Передача возобновилась лишь через три с половиной месяца, когда этого никто уже не ждал. И вновь, это было просто поразительно, текст поступил самый обычный. Словно на Анизателле не знали, что временные интервалы между очередными передачами все более и более растягивались. Предположение, что сигналы могли пропасть в пути, рассеялись сами собой, поскольку нумерация передач была непрерывной.

Оптический сдвиг между тем все увеличивался. К маю следующего года он достиг величины, не предусмотренной общей теорией относительности даже для нейтронных и гиперонных звезд. Потом, с опозданием на два года семь месяцев и четырнадцать дней, была поймана еще одна передача. И вновь ее нумерация и характер текста ясно свидетельствовали, что на Анизателле ничего не знают о таком катастрофическом запаздывании. А еще месяц спустя все обсерватории мира сообщили, что расположенная в созвездии Цефея двойная звезда УУ потухла.

С этого момента передачи с Анизателлы окончательно прекратились.

Такова краткая предыстория «величайшей загадки века», или «тайны Анизателлы», как писалось тогда в газетах.

Оптический феномен УУ и запаздывание сигналов во времени позволили ученым выдвинуть гипотезу, получившую название «гравитационная ловушка». Согласно этой гипотезе, гравитационное поле одной из звезд УУ по неизвестным причинам резко возросло. В соответствии с принципами общей теории относительности время в этом случае должно замедляться. Увеличение тяготения и связанное с ним замедление времени и явились причиной растягивания интервалов между двумя очередными сообщениями.

Естественно, на Анизателле не могли знать, что с точки зрения земного наблюдателя эти интервалы стали увеличиваться. Анизателла исправно выходила на связь каждые три часа земного времени, не подозревая, что для Земли эти три часа постепенно превращаются в сутки, месяцы, годы.

Когда же тяготение достигло критического порога, отвечающего радиусу так называемой сферы Шварцшильда, пространство вокруг тяготеющей массы свернулось. С этого момента излучение УУ оказалось запертым в сферу. Фотоны мчались по круговым орбитам и не могли достигнуть Земли, для которой время на Анизателле в этот момент остановилось.

Но никто не знал, почему и как это произошло.

Оно не исчезло за ночь. Валька осторожно приблизил к нему мизинец и тут же отдернул. В первых лучах голубого солнца оно заиграло чистым сапфировым блеском. Яйцо казалось прозрачным и эфемерным, но какая страшная мощь скрывалась за этой эфемерностью!

...Валька наткнулся на него вчера.

Сгущались оранжевые сумерки. Голубое солнце закатилось за горизонт. От красной звезды остался лишь тоненький сегмент, тихо тонущий в водах Мариба. С нежным шмелиным жужжанием бур входил в плотные пласты монтмориillonита. На четвертом метре Валька почувствовал, что коронка встретила непреодолимое препятствие. Валька всей своей тяжестью повис на ручках, но бур не продвинулся ни на микрон. Конечно, так делать не полагалось — коронка могла полететь, но он все-таки еще раз навалился на ручки. Мотор надсадно взвыл и замолк. Сработал блок защиты. Бур встретил непреодолимое препятствие. Валька ослабил нажим, и тотчас же заработал двигатель. С сожалением включил реверс и вытащил бур на поверхность. Осмотрев коронку, заглубил бур рядом со злополучной скважиной. Минут через десять бур достиг роковой глубины и без видимого усилия пошел дальше.

Это становилось интересным. Он вновь вытащил бур и заложил еще одну скважину. Вскоре выяснилось, что лишь в одном месте на глубине 314 сантиметров бур упирается в какой-то сверхплотный предмет. Осторожно опустил в скважину гибкий зонд с источником бета-активности.

Когда зонд достиг препятствия, Валька взглянул на гальванометр. Стрелка замерла на нуле.

— Вот это да! — Он даже присел от неожиданности. Если верить прибору, то выходило, что таинственное препятствие не

только полностью отражает поток электронов, но и не дает им рассеиваться.

«Может, оно вообще не допускает к себе электроны?»

Он недоуменно почесал затылок, потом вытащил зонд и отнес его к танку. Покопавшись в ящике, достал инфракрасный фотометр и вернулся к скважине. Когда он сунул в нее дуло прибора и включил ток, экран даже не вспыхнул. Он перенес прибор в соседнюю скважину. Там все было в порядке. Температура горных пород колебалась в пределах нормы. И только в проклятой скважине лежало нечто, в котором отсутствовало всякое тепловое движение.

Валька растерялся. Он не смел даже подумать, что так вот, буднично и странно, пришло неожиданное. Ему было двадцать два года, и десять из них прошли в ожидании такой встречи. По крайней мере так ему казалось. Конечно, если внимательнее присмотреться к нему и как следует расспросить, то со всей очевидностью выяснится, что Валька не только мечтал.

За эти десять лет он успел закончить земную школу третьей ступени, написать дипломную работу по курсу астрогеофизики, четыре раза влюбиться и попасть в состав четырнадцатой экспедиции на Анизателлу. Конечно, все эти знаменательные события оставляли какое-то время для досуга, и Валька действительно мог помечтать. Желания его были распылчаты и противоречивы. Часто, даже слишком часто, он воображал себя знаменитым, но каждый раз по-разному. То он был великим писателем или скульптором, то астрофизиком, сумевшим мыслью своей обогнать скорость света...

Впрочем, все это сугубо личное дело. Важно, что теперь он почувствовал какой-то нервный укол. Еще не веря, еще боясь разочароваться, бегом бросился назад к танку. Легко коснувшись рукой отполированной скобы, исчез в темном провале люка. Запустил двигатель и на самой малой скорости подвел машину поближе к скважине.

Осторожно выжав на себя рычаг, опустил на грунт спиральный нож, который с визгом начал срезать тонкие голубовато-бурые пласты. Потом включил пневматику, и подхваченные вихрем частицы грунта понеслись от скважины прочь. Нож вращался на максимальной скорости и через восемь минут достиг метровой глубины. Вокруг танка уже образовался ровненький вывал. Валька сгорал от нетерпения. Он готов был руками помогать вращению вала. Уменьшив живое сечение сопла, он достиг максимального распыления грунта. Силититановые стекла заволокло рыжеватой мутью. Красное солнце почти совсем закатилось. Лишь тонкой кро-

вавой нитью оно еще влеталось в тугие стремительные струи размельченной породы. Озеро лежало совсем близко. И если бы не вой ножа, можно было бы слышать журчание воды.

Нож прошел уже два с половиной метра. Валька слегка уменьшил скорость и величину подачи. Пронзительный вой стал чуть-чуть ниже и глуше. Когда режущая кромка достигла трехметровой глубины, Валька включил автомат и перевел ограничитель вправо от отметки «313». Через две минуты нож остановился, и наступила относительная тишина. Он выключил пневматику. Стало совсем тихо. Подождав, пока уляжется пыль, он вылез из люка, перешагнув через вывал и остановился у самого обрыва. Образовавшийся котлован походил на десятиметровую пиалу. Гладкие стены скупно поблескивали слюдяными включениями. И тут только он сообразил, что, вырыв котлован, потерял место, где находилась проклятая скважина. Почесав затылок, возвратился к танку и достал маленькую лопатку. Привязав к скобе нитроновый канат, легко спустился в котлован.

Копнув несколько раз вокруг центра котлована, он наткнулся на загадочный предмет. С ожесточением стал копать вокруг. Вырыв кольцевую ямку полуметровой глубины, начал сужать круг, пока наконец не образовалась вертикальная колонка. Потом попытался подкопать колонку снизу, это ему удалось.

Он опешил от удивления, когда обнаружил, что комок грунта, величиной с большое яблоко, неподвижно висит в воздухе, не касаясь дна ямки. Он попытался взять комок в руки. Это оказалось довольно легко. Но сдвинуть комок в какую-либо сторону, поднять его вверх или опустить вниз не было никакой возможности. Схватил лопатку и изо всех сил обрушил ее на комок. Грунт распался и осыпался вниз. Перед ним темно-красным огнем сверкал висящий над землей рубин. Валька достал нож и попытался провести бороздку на отполированной до зеркального блеска поверхности рубина.

Когда до загадочного, величиной с куриное яйцо предмета оставалось каких-нибудь полтора миллиметра, нож остановился, и Валька понял, что никакими силами не сможет приблизить его еще. Он вынул из кармана платок и обернул им рубин. Но когда он завязал концы узлом и потянул их к себе, платок затрещал. Пришлось развязать его.

Красное солнце наконец зашло совсем. Рубин потемнел. В котловане сгустился мрак. Валька зажег фонарь и с удивлением обнаружил, что рубин превратился в... электрическую лампочку. Он горел таким же ярким и ровным светом, что и фонарь. Точно в котловане было два источника света. Он выключил фонарь, и

рубин погас. Вновь зажег свет, и опять в котловане появилась еще одна лампочка...

В котловане построили небольшую, но прекрасно оснащенную современным оборудованием лабораторию. Квантовый генератор связи уже отправил на Землю текст научного сообщения Валентина Лаврова, скромно озаглавленного «Некоторые оптические особенности тела с абсолютной отражательной способностью». Валька готовил еще одну статью — «К вопросу об ударе о реальное абсолютно твердое тело». Коханов и Гларская написали работу «Об исчезновении импульса на псевдоповерхности абсолютно неосциллирующего объема».

Но яйцо по-прежнему оставалось абсолютно загадочным. Оно противоречило всем физическим законам сохранения. Оно вообще, если верить теории, не имело права на существование. И вместе с тем оно существовало. Оно висело над лабораторным столом и сверкало разноцветным блеском в зависимости от освещения.

Научный руководитель лаборатории на Анизателле Грот собирался поставить новое исследование. Оно мыслилось ему приблизительно так: «Термодинамические особенности теплообмена с абсолютным излучателем». Хотя порой ему казалось, что будущую работу следовало бы озаглавить так: «К вопросу несохранения второго закона термодинамики. Сообщение первое. Энтропийный парадокс».

Охотничий азарт охватил весь небольшой и довольно дружный научный коллектив. Здесь меньше всего было тщеславия или дружих столь же низменных побудительных причин. Просто люди, в основном молодые, усвоившие в институте, что природа изучена уже в такой степени, что неожиданности вряд ли возможны, вдруг лицом к лицу столкнулись с такой неожиданностью. Сначала они растерялись. Кое у кого шевельнулась подсознательная мысль, что лучше бы этого яйца не было вовсе. Раз факт нельзя объяснить, не лучше ли сделать вид, что его вообще нет? Впрочем, если такая мысль и шевельнулась, то ее сейчас же прогнали куда-то в черную нору подсознания. Труднее было расправиться с привычной мыслью, что все главное и фундаментальное давным-давно открыто.

Откуда появилась такая мысль, сказать довольно трудно. В институтах меньше всего стремились к тому, чтобы воспитать самоуверенных и ни в чем не сомневающих специалистов. Но насыщенные до предела учебные программы должны были в короткое время донести до студентов хотя бы самые общие истины.

История науки постепенно превратилась в хронологию фактов, а не в историю борьбы идей.

Вот и получилось, что люди покидали институтскую скамью с сознанием, что все самое главное и интересное открыто уже до них.

Правда, проработав год-два в научном коллективе, они постепенно начинали убеждаться, что дело обстоит совсем не так, как это им казалось, и в любой узкой специальности предостаточно белых пятен.

И вот теперь молодой коллектив Анизателлы увидел настоящий белый материк. Все положительные и фундаментальные истины, все абсолютные и непогрешимые законы, как жалкие стеклышки, разбились вдруг о берега этого материка. И молодые исследователи растерялись. Лихорадочно и торопливо они бросились изучать отдельные частности, исследовать внешние, лежащие на поверхности свойства. И ни у кого не было ни времени, ни достаточного опыта, чтобы попытаться осмыслить явление.

Волна экспериментаторства захлестнула робкие ростки гипотезы. Первым это понял Грот. Он отложил в сторону лабораторный журнал и вышел из кабинета. По длинному, облицованному кремовым пластиком коридору он прошел в лабораторию. Тяжелая дверь отворилась бесшумно, и никто не заметил, как он вошел.

Валька и Коханов осторожно подтаскивали к висящему яйцу большую машину для испытания на прочность. Яйцо оказалось как раз между пластинами.

— Ну, кажется, можно пускать? — спросил Валька.

— Давай! — махнул рукой Коханов.

Валька нажал кнопку пуска, и пластины начали медленно сближаться. Коханов прильнул к окуляру, медленно наводя на фокус.

— Ну, что там у тебя? — спросил он Вальку. — Заело?

— Почему заело? Уже 300 килограммов на квадратный сантиметр.

— Не может быть! Оно все еще висит, не касаясь пластины. Зазоры 1340 микрон.

— Так оно и останется! Ближе все равно не будет.

— Давай, давай! Нагружай еще, — махнул рукой Коханов.

Валька вновь взялся за ручку лимба.

— Сколько? — спросил Коханов.

— Восемьсот.

— А теперь?

— Тысяча сто.

— Давай быстрее!

Коханов не отрывал глаза от окуляра. Валька спокойно и даже как-то равнодушно увеличивал нагрузку.

— Ну? — спросил через некоторое время Коханов.

— Три двести, — ответил Валька.

— А теперь?

— Пять девятьсот!

— Давай еще быстрее!

Но в этот момент раздался треск, и стрелка манометра со звоном ударилась об ограничитель нулевого деления.

— Зачем вы затеяли этот эксперимент? — спросил Грот строго. — Или с самого начала вам не было ясно, что ничего не получается?

Валька пожал плечами, а Коханов промычал что-то весьма неопределенное.

— Неужели его ничем не возьмешь? А, Савелий Осипович? — спросил Валька.

Грот неопределенно хмыкнул и пожал плечами. Незаметно для самого себя он оставил те благие намерения, с которыми пришел сюда, в лабораторию.

«Может быть, оно волны такие испускает, которые на психику действуют?» — подумал Грот. Но это был последний акт самоконтроля с его стороны. Ему во что бы то ни стало захотелось хоть как-нибудь воздействовать на проклятое яйцо. И почти неожиданно для самого себя он сказал:

— А что, если попробовать экранировать его от полей?

— Прекрасная идея! — немедленно восхитился Коханов.

— Ни черта не выйдет, — минуту спустя отозвался Валька.

— Почему? — повернулся к нему Грот.

— Квант электромагнитного поля фотон, а фотоны оно отражает. Я же еще тогда пробовал...

— Вероятно, вы правы, Валя, — сказал Грот, кивая головой, — но, может быть, оно отражает не все фотоны? Ведь вы пробовали лишь в узком диапазоне видимого света.

— Не только видимого. Я и инфракрасные лучи пробовал.

— Да, да, помню... Когда измеряли температуру скважин. Вы мне рассказывали.

Валька молча кивнул головой.

Коханов сосредоточенно думал, как развить идею шефа. Он хотел показать, что в его лице Грот обрел если и не очень талантливую, то во всяком случае преданного ученика.

— А если взять жесткое рентгеновское излучение? — сказал Коханов и пододвинул Гроту кресло.

Грот кивком поблагодарил его и сел.

— Над этим я уже думал, Олег. Но так ничего и не решил. Очень рискованное это дело, ребята. Кто его знает, что это за штука.

— Да, да, конечно,— как эхо отозвался Коханов и понимающе вздохнул.

— А почему, собственно, рискованная? — спросил Валька. — Что может произойти?

— Да мало ли... — сказал Коханов, — ты же сам не можешь заранее сказать что! Ни ты, ни я — никто не может.

— Ну и прекрасно! — Валька взмахнул руками. — Давайте тогда попробуем! Вот и станет все ясно.

Валька взглянул на Грота. Шеф молчал. Тогда Валька решил обратиться непосредственно к нему.

— Савелий Осипович, чего нам бояться? Либо поток лучей отразился назад, либо проникнет в вещество. Какие еще могут быть последствия?

— Вот меня и волнует, что будет в том случае, если гамма-лучи проникнут в яйцо. Вы можете мне сказать, что будет?

Коханов покачал головой.

— Да ничего не будет! — Валька рубанул воздух ладонью. — Измерим энергию лучей на выходе и хоть приблизительно сможем судить о структуре яйца. Больше ничего не будет!

— Как знать, — вздохнул Грот.

Валька разгорячился, увлекся и перестал следить за своими словами.

— Да что это вы все опасаетесь?! — возмущенно закричал он. — Кто мы — ученые или перестраховщики?

Грот внимательно посмотрел на Вальку и ничего не сказал. Коханов воспринял это молчание как сигнал.

— Да как ты смеешь так говорить? — подскочил он к Вальке, возмущенно насунив брови. — Знаешь ли ты, что Савелий Осипович...

Но Грот остановил его движением руки. Он поморщился, как от зубной боли.

— Успокойтесь, Олег. Валентин Алексеевич отчасти прав. Наука не может двигаться вперед без риска. Другое дело, что этот риск не должен быть слепым. Но мы еще вернемся к этой теме. Вы мне напомните как-нибудь на досуге, и я расскажу вам одну историю. Но обратимся к теме нашего разговора. Я хочу предостеречь, Валя, от безрассудства. Даже, я не боюсь употребить это слово, от авантюризма.

Грот поднялся с кресла и, подойдя к Вальке, положил ему на плечо свою огромную тяжелую руку. Валька едва доставал

головой до ключицы шефа, и вместе они представляли собой довольно комичное зрелище.

— Видите ли, Валя,— с легкой тенью усмешки сказал Грот,— возможно, с годами я и стал перестраховщиком и даже консерватором. Это естественный процесс. Такой же естественный, как ваш безрассудный авантюризм, который с течением времени, я надеюсь, исчезнет... Так вот, обе эти крайности весьма опасны. Настоящий ученый находится где-то между мной и вами. Поэтому не будем ссориться и постараемся объединить обе наши крайности в нечто полезное. Согласны?

Валька хотел кивнуть головой, но овладевший им бес сказал валькиным голосом:

— Выходит, что настоящий ученый нечто вроде манной каши пополам с малиновым вареньем: наполовину скептик, наполовину авантюрист?

Грот, напротив, был сегодня ангельски сдержан и терпелив. Он даже улыбнулся:

— Кроме суммы арифметической, мой друг, есть еще и сумма диалектическая — некое новое качество, возникшее на базе единства двух противоположных свойств.

В лаборатории наступила тягостная тишина непонимания. «До чего же все получилось не так, как надо», — с досадой подумал Грот и громко сказал:

— Ну что, продолжим наши игры?

Эти слова прозвучали настолько фальшиво, что Грот поморщился и махнул рукой.

— Вспомните наш опыт с лазером, Валентин Алексеевич, и представьте себе на секунду, что яйцо усилит отраженный луч гамма-частиц. Вот вам одна из сотен мыслимых возможностей. Так что давайте попробуем экранировку и низкие температуры.

Валька хотел возразить, но Грот жестом руки остановил его:

— Облучение рентгеном или гамма-лучами я запрещаю. Это все! Продолжайте работать.

Грот открыл дверь и вышел из лаборатории.

«И почему я с ним сдился? — подумал Валька. — Идея жесткого облучения пришла ему самому, высказал ее Коханов. Потом роли переменялись: я вдруг стал горячим поборником эксперимента, а Грот его запретил. Типичный парадокс. Так сказать, идейная перезарядка. Живой пример диалектики, которую я могу понять лишь на уровне манной каши»,

Валька покосился на Коханова.

— Чего смотришь? — спросил Олег,

— Так, ничего.

— Ну, будем трудиться? Я уже придумал... Сначала мы оденем яйцо в проволочную сетку и заземлим. Потом подведем под него дьюар с жидким гелием и магнит в миллион эрстед. После этого...

— Знаешь что? — прервал его Валька. — Все это ерунда! Делай сам, если хочешь. А я пойду...

Теперь Валька старался как можно меньше бывать в лаборатории. Получив новую точку в Южном секторе, пропадал там целые дни. К великому удивлению всех немногочисленных обитателей Анизателлы, он сделался неустойчивым тружеником. Если раньше он работал с ленцой, поминутно отвлекаясь, и разбрасывался на всякие пустяки, то теперь по количеству исследованных скважин шел далеко впереди всех.

Никто не понимал причины такой внезапной перемены. Сам Валька тоже едва ли смог бы внятно объяснить, что с ним происходит. Порой ему казалось, что его обидели, даже оттерли от работы над яйцом. Но в глубине души он сознавал, что это не так. Поведение его было реакцией на бесплодный эмпиризм. Основная причина была только в этом. Другое дело, что сюда примешивались и такие сложные и неясные чувства, как юношеская несдержанность, неумение ждать и чрезмерная чувствительность.

Если раньше Валька преклонялся перед Гротом, видел в нем кумира, то теперь он поспешил этого кумира низвергнуть. Грот не был великим ученым, как это казалось Вальке раньше, но также неправильно было бы считать его трусом и шляпой, как это стал делать Валька теперь. Одним словом, из одной крайности он шархнулся в другую.

И чем дальше продолжались бесплодные эксперименты, тем глубже застревал он в своем заблуждении. Он уже забыл, что идея жесткого просвечивания была выдвинута не им. Поверив в нее, он сам для себя предстал в новом свете непризнанного и отвергнутого гения.

Конечно, он не настолько потерял под ногами почву, чтобы надеяться, что Грот, отчаявшись, обратится к нему за помощью. Но ему было приятно с горькой и мудрой усмешкой на устах пройти мимо лаборатории, где в поте лица трудились Грот, Коханов и Лена Гларская.

Впрочем, было и еще одно обстоятельство, которое заставляло его неустанно бурить грунт Анизателлы. Он надеялся найти еще одно яйцо. «Кто сказал, что оно единственное?» — так или приблизительно так думал он. — «Вполне логично предположить, что в

недрах планеты скрыты десятки, а может быть, и сотни таких яиц. Более того, они могут неподвижно висеть где-нибудь в атмосфере или скрываться на дне озера Мариба. Если бы удалось найти хоть еще одно, я бы уж не раззвонил о нем всем. Я бы один поставил опыт. Я бы доказал им...»

И он закладывал скважину за скважиной. Он наткнулся на урановую смолку, обнаружил уникальное месторождение лантаноидов, открыл новый минерал — анизателлий, но ничего подобного яйцу не нашел.

Грот догадывался о том, что происходит с Валькой, и не мог поэтому радоваться его успехам. Кроме того, Гроту было неприятно, что Валька отстранился от исследований в лаборатории. Эксперименты с яйцом были делом сугубо добровольным, а с основной работой Валька справлялся отлично. Поэтому Грот вопреки своим чувствам вынужден был отдавать ему должное, хвалить его. Грот понимал, что под внешним покровом благополучия кроются разлад и неудовлетворенность. Он решил обязательно вернуть Вальку в лабораторию, чего бы это ему ни стоило. Тем более что без валькиной горячности и смеха там стало очень скучно.

Грот решил поехать в Южный сектор. Он вызвал из автомата-гаража свободный танк, и уже через несколько минут вездеход тихо покачивался на волнах. Грот поднял колпак, глубоко, с наслаждением вздохнул и огляделся. Линия горизонта едва виднелась. Небо казалось таким же нежно-синим, как и вода. Красное солнце было еще неярким и туманным. Впервые за десять месяцев он увидел картину, которая почти ничем не отличалась от земной.

Он вспомнил Алушту. Базальтовые камни и тонущее в синем вечернем сумраке солнце. Ему даже показалось, что вот-вот здесь, на Марибе, появятся дельфины. Разогнавшись, они оборвут тянущуюся за ними ртутную цепочку и взлетят в воздух. Один за другим, как аккорды бравурного марша. Вверх и тяжело, гулко вниз, вздымая фонтаны белых брызг. Вверх и вниз.

Но воды Мариба были мертвы. Ни дельфинов, ни рыб, ни водорослей — как в бассейне для плавания. Грот загрустил. Потом вспомнил, что скоро прибудет транспорт с Земли. Хромов обещал ему двести килограммов оплодотворенной сазаньей икры, тысячу литров циклопа и два тюка спор элодеи. На первое обзаведение.

Привычные заботы отвлекли от дум о Земле. Он не был одинок здесь, но это не мешало ему тосковать. Иногда он думал, что скучает по Земле даже чаще, чем другие.

«Наверное, оттого, что меня никто не ждет».

Он еще раз глубоко и жадно вдохнул влажный воздух и скрыл-

ся в люке. Танк тотчас же поплыл дальше. Грот вызвал Вальку по радио:

— Алло, Валя. Алло, Валя. Отвечайте, где вы!

— На месте, Савелий Осипович. Южный сектор, второй карьер, точка М8. Как всегда...

— Хорошо. Я уже запеленговал. Скоро буду,— сказал Грот и включил автомат.

Танк пошел по пеленгу. Грот откинулся в кресле и задремал. Он проснулся как раз вовремя, когда машина остановилась рядом с триангуляционной вышкой М8. Валька шел, чтобы встретить шефа. В одной руке он держал бутылку молока, в другой — ломоть булки.

— Что, обедаешь? — спросил Грот, разглаживая мешки под глазами.

Валька ничего не ответил. Он кусал булку, запрокинув голову, делал глоток из бутылки и ждал, когда шеф объяснит ему причину внезапного приезда.

«Что, я не могу приехать так вот, ни с того ни с сего?» — раздраженно подумал Грот, поняв, что Валька ждет объяснений. Не находя что сказать, Грот мучительно переживал молчание. Он понимал, что оно может испортить сегодняшнюю попытку договориться с Валькой. Но несомненно было и другое. Ни в коем случае нельзя было говорить, что он приехал сюда для валькиной же пользы. Это прозвучало бы фальшиво и только укрепило бы в юноше чувство вражды и недоверия. Грот глядел на равнодушное лицо Вальки. А Валька в душе радовался приезду шефа и с замиранием сердца ждал, когда тот начнет говорить. Он не надеялся, что шеф передумал и решил провести эксперимент. Мысли его были довольно расплывчатые, он просто чувствовал, что этот приезд положит конец двусмысленности и неблагополучию их отношений.

— Вы знаете, зачем я приехал, Валя? — спросил Грот и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, неожиданно сказал: — Я хочу взять вас с собой, если это, конечно, не нарушит ваших планов. Мне хочется, чтобы вы поработали несколько дней в лаборатории. Мы без вас соскучились.

Валька покраснел от удовольствия. Он уже вновь свято и беспрдельно верил в шефа. Но в то же время он понял, что смог бы теперь вернуться к эксперименту.

Грот с присущей ему проницательностью угадал эту невысказанную мысль и приготовился к обороне. Он готов был скорее отправить Вальку на Землю, чем переменить свое решение. Однако он не думал, что Валька сразу же потребует у него разрешения

на эксперимент. Грот хорошо знал, что Валька, несмотря на запальчивость, очень стеснителен и внутренне благороден. И Валька действительно ничего не сказал шефу об эксперименте. Но совсем по другой причине, чем думал Грот. Просто то, что еще несколько минут назад было для него самым главным, вдруг отошло на второй план. Он понял, что значит приезд Грота, и в этом свете мысль, которую он лелеял, вдруг показалась бедной и серенькой. Тем более что это была чужая мысль. Он вдруг взглянул на себя глазами Грота и увидел невысокого щупленького блондина, бог весть что возмнившего о себе, да к тому же грубияна. Ему стало стыдно и хорошо. Его захлестнула горячая волна благодарности к учителю. Так начался процесс самоуничтожения. Могучая волна воображения подхватила Вальку и понесла его от одной крайности к другой.

Грот решил прервать этот неслышимый, но отнюдь не невидимый процесс в самом начале:

— Ну, так что, Валя, вы можете отложить на время вашу работу на точке?

Конечно, это очень странно и даже немного смешно, когда маленькие человеческие страсти разыгрываются на фоне грандиозной тайны мироздания. Впрочем, так было, так есть и, возможно, так будет всегда. Величие и ничтожество события диалектически перасторжимые.

Загадочны и неожиданны связи между вещами и процессами во Вселенной. И поэтому не так уж нелепо выглядит поведение Вальки в этой истории. Многие его предшественники, натываясь на чудо, вели себя не лучше. Грот все это отлично понимал и терпеливо ждал ответа.

— Да, — сказал Валька.

Но когда они возвращались и сидели плечом к плечу в танке, Грот, косясь на спутника, позволил себе небольшое увещание. Оно носило очень спокойный характер, и даже при желании Валька не смог бы усмотреть в нем обидного намека.

— Есть две разновидности чудес, — сказал Грот. — Одни принадлежат окружающей человека природе, другие создаются самим человеком. Молодые темпераментные люди вроде вас склонны преувеличивать значение и силу первых и преуменьшать роль вторых. Я хочу сказать, что не следует забывать и о преемственности поколений.

— Не понимаю, — буркнул Валька.

— В примитивном изложении мысль моя сводится к тому, что у нас за спиной слишком большой опыт развития нашей науки и слишком много побед — да, я не стыжусь этого громкого слова —

очень много отличных, даже блистательных побед, чтобы мы могли позволить себе нервозность, истеричность, стремление идти ва-банк. Так серьезные проблемы не решаются. А что перед нами именно такая проблема, я не сомневаюсь.

Валька заерзал на сиденье.

— Ну хорошо,— сказал он.— Ладно. Но все же что вы о нем думаете? Вы никогда не рассказывали о своей гипотезе.

— Самая вредная гипотеза — это гипотеза преждевременная. Пока что сумма операций подсказывает, что здесь мы имеем дело с изначальным состоянием материи. Именно вначале могла существовать такая субстанция, которую ничто не берет и которая фактически не обладает никакими свойствами.

— Но яйцо обладает абсолютными свойствами! — возразил Валентин.

— А это то же самое, что не иметь свойств. Смысл понятия кончается там, где речь идет о его бесконечности. Я не хотел бы услышать от вас, Валя, торопливые и далеко идущие выводы по поводу нашей беседы...

— Почему же? — Валька решил взять реванш.— Если мы не хотим... простите, не можем ставить с яйцом опыты, которые по той или иной причине считаются опасными, рискованными, то это не значит, что нужно избегать логического эксперимента. Техника безопасности не влияет на игру воображения. И мне очень легко домыслить к тому, что вы сказали, кое-какие свои догадки.

— Какие же?

— Мне понравилось ваше определение состояния яйца как изначального состояния. Мне представляется, что мы имеем дело с протовеществом, из которого рождаются звезды. В яйце сконцентрирована чудовищная энергия. Возможно, ее хватит и не на одну звезду...

— Валя, Валя, остановитесь! Через минуту вы договоритесь до того, что из яйца может возникнуть галактика, а затем и Вселенная. У вас нет оснований для подобных заявлений.

— Конечно, нет. Но я не собирался говорить о том, что может быть с яйцом.

— А напрасно,— заметил Грот,— тогда бы вы ответственнее отнеслись к идее жесткого облучения.

— Может быть. Но меня интересует другое,— упрямо сказал Валька.— Откуда оно появилось — вот в чем дело. Откуда пришло? И куда идет?

Грот неопределенно улыбнулся.

— По-моему, это один из осколков, который остался от первых процессов мироздания. Так же как при атомном взрыве рас-

ходуется не вся критическая масса заряда, так и взрыв протопластики должен был разбросать по Вселенной материю, сохраняющую изначальные свойства, — возбужденно заявил Валька.

— Может быть, может быть. Но аналогия — не доказательство.

— Я знаю! — Валька сердито отвернулся.

Примирения не получалось. Как ни хотел Грот подбодрить симпатичного ему человека, он не мог отказаться от привычной роли учителя. Что-то опасное чудилось ему в Валькиных мыслях и чувствах. «Ты сам для себя как яйцо, — беззлобно думал Грот, — не знаешь, чего от тебя и ждать...»

И он был прав. Внешне Валька сохранял спокойствие, но в душе оставался неистовым и непреклонным. Он обдумывал новый эксперимент с яйцом, который должен был показать Гроту, Коханову, Леночке Гларской и вообще всем людям, что такое подвиг в науке.

Дело началось с пустяка. Вернувшись на базу, Валька перерыл все свои записи в лабораторных журналах. Он восстанавливал прошлое шаг за шагом, цифру за цифрой. Сотрудники Грота за это время наработали грудку материалов, и Валька понял, что уже отстал, хотя ничего принципиально нового в их работах не находил. На внутренней стороне обложки он прочел чьи-то стихи:

Летучий Голландец мезонных полей,
бродячий скиталец бескрайних морей,
призрак загадочный бета-распадов!

Летит,
неуязвим для экспонент,
не зная ни преград и ни помех,
как будто так оно и надо.
Плюет на здравый смысл,
на расстоянья.
Непостижим, как мысль!
И долгождан,
как мус
Желанья
сквозь туман...

Мотив, который пришел Вальке в голову, когда он читал эти строчки, напоминал известную песню «Не приходи на космодром, девчонка» и арию «Подводного неудачника» одновременно, но выходило довольно складно. Валька даже подумал, что это надо обязательно запомнить. Но дальше не выходило. Зато впервые перед его глазами встало заколдованное яйцо и нацеленная на него нейтринная пушка.

Валька даже подпрыгнул от радости. Перед глазами его кружились огромные фиолетовые буквы, которые составляли одно только слово — «нейтрино».

«Какой же я осел! Нейтрино! Конечно же, нейтрино! Неуловимое нейтрино, которое почти не взаимодействует с веществом. Но когда материя столь чудовищно сжата, взаимодействие, несомненно, будет!»

Пританцовывая, он понесся к лифту. Теперь-то он покажет им всем, на что способен Валентин Лавров. Ему представилось, как Грот растроганно разводит руками и отворачивается, чтобы скрыть непрошенные слезы. Олег Коханов держится на заднем плане и завистливо молчит. Открытый и грубоватый Сашка Вернер что есть силы колотит здоровенным кулачищем по спине... А Леночка Гларская... Она смотрит на него расширенными, удивленными глазами, точно видит впервые. А он спокоен и снисходителен. Он подходит к ней...

— Нейтрино! — бормотал он. — «Миллионы солнц пройдет, не почесавшись!..»

Чтобы рассчитать сечение поглощения, Валька решил определить объем яйца. Он даже удивился, почему не сделал этого сразу. Особой точности не требовалось, и можно было прибегнуть к испытанному способу старика Архимеда. Наполнив до половины водой двухлитровую мензурку, Валька спокойно подвел ее под яйцо, пока оно совершенно не погрузилось в воду.

И случилось непонятное. Вода не шелохнулась. Она не поднялась ни на одно деление. Яйцо не вытесняло жидкости. Оно не имело объема. Его можно было измерить циркулем или линейкой. Это давало величину около восьми кубиков, но воду оно не вытесняло. Вальке стало страшно. Он осторожно опустил мензурку и поставил ее на лабораторный стол. Потом отер мокрый, похолодевший лоб. Руки его слегка дрожали. Он нервно рассмеялся и выставил их вперед. Но унять дрожь не удавалось.

Вообще можно было обойтись без этого измерения. Считая сечение равным двенадцати квадратным сантиметрам, нетрудно было бы достаточно точно рассчитать и лучевой поток нейтрино. Но дело было не в этом. Неведомое грозно глядело ему в глаза, и было страшно... Только сейчас Валька ощутил, насколько был прав Грот. От проклятого яйца можно было ожидать всего.

«Интенсивность потока должна быть порядка 10^{40} нейтрино на квадратный сантиметр», — мысленно подсчитал Валька и вдруг успокоился.

Когда на другой день Олег Коханов вошел в лабораторию, он был потрясен. Нет, с яйцом ничего не случилось. Оно по-прежнему висело на своем месте над столом, отливая нежными утрен-

ними красками. Но с Валькой происходило что-то непонятное. Упрямо сморщив лоб, он растаскивал оборудование по разным углам комнаты. Все эти нагреватели, излучатели и усилители были беспорядочно свалены под стенами, их сверкающие, старательно отделанные кожухи сминались под тяжестью арматуры, дорогостоящие сердечники, подвески, кристаллы подвергались угрозе разрушения...

— Что ты делаешь? — крикнул Олег.

Валька обратил к нему бледное лицо. Он рассматривал Коханова, словно они виделись впервые.

— Все это не нужно, понимаешь? — сказал он очень тихо.

— Как так не нужно? Ты с ума сошел! Что за обращение с уникальной аппаратурой?

Валька сморщился, словно у него занули зубы.

— Ты пойми, — сказал он с расстановкой, то ли набираясь сил, то ли для большей убедительности. — Нейтринное облучение ничего не дало, и вообще нет в мире сил, способных подействовать на яйцо. Только...

Он на секунду замолк.

— Одним словом, — продолжил Валька, — все это барахло надо выкинуть. Оно ни к чему. Совсем ни к чему.

Олег строго посмотрел на Вальку и разразился речью.

Он сказал, что не Вальке решать вопрос, что надо оставлять в лаборатории. Об этом должен заботиться Грот, их начальник, а не он, Валька, который всего-навсего безответственный исполнитель. Кроме того, какие у него мотивы так поступать? Наверное, сплошной вздор, который нужно просто вышибить из его головы. И вообще он ответит за поломку приборов; их стоимость исчисляется миллионами единиц труда.

Валька молча слушал Коханова. На лице его были написаны тоска и отчуждение. Перед его внутренним взором проносились странные картины. Он видел рождение Коханова, он видел, как тот рос, проходил три ступени начального обучения, становился юношей, молодым человеком, мужчиной, стариком. Всегда рассудительный, благоразумный, уверенный, знающий, что надо и как надо. Вместе с ним росла, мужала и старела его глупость. Уверенная, рассудительная, трезвая...

Валька увидел, как рождались, росли и мужали миллиарды Кохановых на всех планетах, где только жили в то время люди.

— А вдруг сейчас оно... проснется? — встрепенулся Валька и, приблизившись к яйцу, наложил на него руки.

«Он помешался», — подумал Олег, рассматривая страшные темные глаза товарища, блестящие сухо и жестко.

Когда Валька пришел в себя, яйцо исчезло. Эксперимент, видимо, удался. Поток нейтрино, проникший в яйцо, начал неведомую грозную реакцию. Реакцию, предвещавшую катастрофу. Валька запомнил лишь внезапно наступившую тошноту, непонятную душную тяжесть и прихлынувший к голове жар. Потом все для него кончилось. Он поднялся с пола, пошатнулся, словно пьяный, попытался схватиться за стену, но провалился в какую-то черную пустоту. Больно ударился обо что-то твердое локтем. Ощутил, как от ушибленного места по телу разлетаются тысячи электрических игл. Еще раз взглянул на лабораторный стол, над которым раньше висело яйцо. Все осталось на своих местах, а яйцо исчезло. Пропало, растворилось, улетучилось, унеслось прочь.

«Наваждение какое-то», — подумал он и закрыл глаза. Веки казались отяжелевшими, набухшими вязкой, как расплавленный металл, кровью. Зато свет болезненно резал глаза.

Валька выключил освещение и поразился обступившей его непроницаемой мгле. Даже в самые черные ночи не было такой сплошной темноты. Окно он нашел ощупью. Оно не выдавало себя ни малейшим световым бликом. Поднял тяжелую фрамугу. В лицо пахнуло прохладной свежестью. Слабо пахли цветы на клумбах. Но нигде ни огонька, ни самой маленькой капельки света.

И вдруг вспыхнули окна гаража. И это было очень странно. Словно кто-то внезапно убрал светонепроницаемый экран. Именно убрал экран, а не зажег свет во всех четырех окнах. Потом так же неожиданно засветились вспомогательные постройки. Они вспыхнули одна за другой: те, что были ближе к Вальке, — чутьчку раньше, более удаленные — с едва уловимым опозданием.

И он вздрогнул, потому что ясно ощутил — не подумал, а именно ощутил — всем своим существом, что вокруг него раздвигается сфера мрака, уходя все дальше и дальше и открывая глазу все более удаленные предметы.

Он рванул дверь и вихрем слетел по лестнице. Его обступила привычная ласковая ночь. Запах клумб сделался более ощутимым и сладким. Ночные шорохи и тени навевали легкую и спокойную тревогу. Все было как обычно. Почему же так ныло, так предчувствовало беду сердце?

Валька взглянул на небо. Звезд не было. Ни единой даже самой незначительной звездочки. Тьма и молчание. Молчание и тьма. Звезды исчезли. Может быть, навсегда. Погасли мгновенно и сразу. Люди Земли не знали того, что знал Валька, и не видели того, что он видел.

А он не знал и не мог знать, что стена мрака, скрывшая от него звезды, через некоторое время погасит двойное солнце Ани-

зателлы в исполинских рефракторах астрофизических обсерваторий далекой, такой невообразимо далекой теперь Земли...

Потом сфера тьмы вновь стала сжиматься, гася огни в домах оцепеневшей Анизателлы. Сначала гасли дальние окна, потом тьма подступала все ближе, пока не сжалась в черную точку там, на лабораторном столе. Тогда ночь делалась абсолютной и вечной. Но Валька не мог ощутить этой пульсации. Он видел ее, но мозг его оказался вдруг не способным зарегистрировать изменения в их причинной связи. Распалась сама причинность. Как разжимаются звенья стальной цепи в искусных руках фокусника...

Пространство исчезло, и, может быть, остановилось время. Многовековой человеческий опыт и выработанные на его основе пространственно-временные представления оказались бессильными. На языке привычных понятий пришлось бы сказать, что время вдруг превратилось в расстояние и расстояние — во время. Но это ничего не объясняет!

Внезапно оказавшаяся совершенно безоружной, мысль обреченно скользила по поверхности чуда, не в силах углубиться в сущность, не понимая даже проявлений этой сущности. Человек остался наедине со Вселенной. Его затуманенный мозг, как равнодушное зеркало, принимал и сейчас же отбрасывал хлынувший отовсюду непостижимый поток.

Эмоции замерли и притаились, как испуганные звери, накрытые тенью хищной птицы. Страх, удивление, любопытство — все это провалилось в черные подвалы небытия. Человеческие чувства оказались несоизмеримо малымя в сравнении с чудовищной массой пространства-времени.

Валька видел, если только он мог видеть вообще, что его существование странным образом раздвоилось. Он все еще стоял посреди непроницаемой тьмы и одновременно, если только оставалась в окружающем мире одновременность, находился в лаборатории...

— Что ты делаешь? — крикнул Олег.

Валька обратил к нему бледное лицо. Он рассматривал Коханова, словно они виделись впервые.

— Все это не нужно, понимаешь? — сказал он очень тихо.

— Как так не нужно? Ты с ума сошел? Что за обращение с уникальной аппаратурой?

Валька сморщился, словно у него заныли зубы.

— Ты пойми,— сказал он с расстановкой, то ли набираясь сил, то ли для большей убедительности,— нейтринное облучение ничего не дало, и вообще нет в мире сил, способных подействовать на яйцо. Только...

Но, стоя в центре тьмы, Валька смутно понимал, что эта сцена в лаборатории уже была когда-то, и, может быть, не один раз. Он не задумывался над тем, как раздвоившийся во времени человек может сохранять единое сознание и единое ощущение происходящего. Он только отметил для себя, что происходящие сейчас в лаборатории события уже прокручивались однажды на пленке мировых линий Вселенной.

Потом, если это случилось действительно потом, а не прежде или даже одновременно с описываемыми событиями, Вальке показалось, что время бешено понеслось вспять. Он по-прежнему стоял, погруженный в непроницаемую черноту, и вместе с тем жил как бы среди материализовавшейся памяти, которую с невероятной скоростью прокручивали в обратном направлении. Все повторилось с необычайной четкостью.

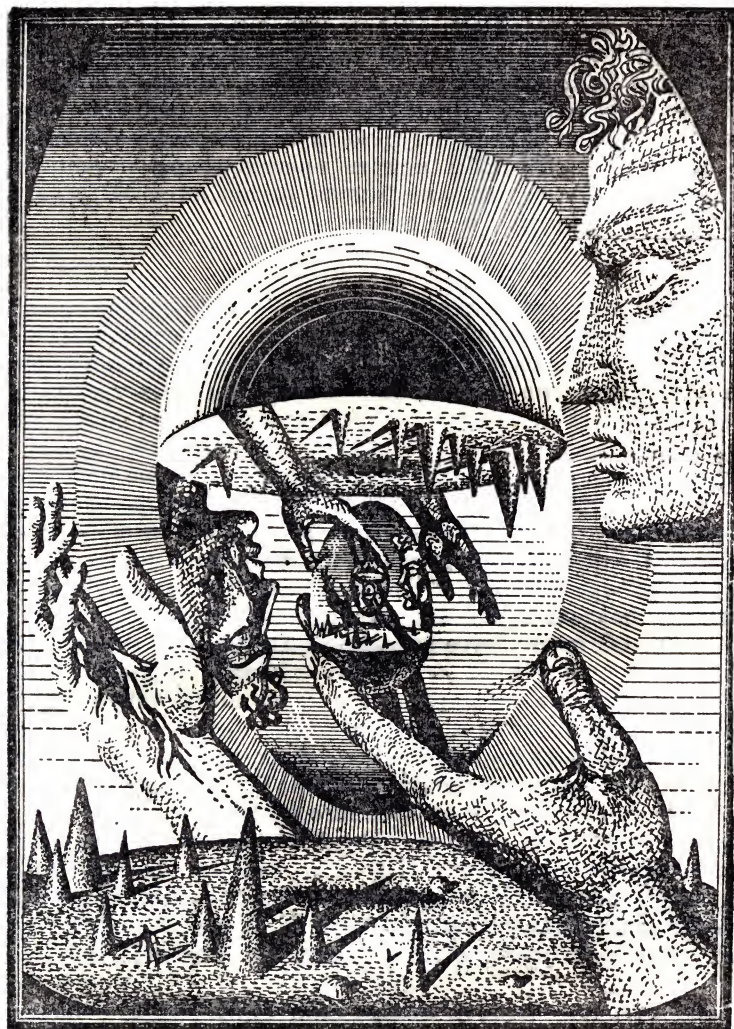
Вот он стоит в центре освещенной лаборатории и не может понять, куда вдруг исчезло яйцо. Вот он падает и лежит, поверженный невидимыми вихрями гравитационного взрыва. Затем встает и склоняется над появившимся из пустоты яйцом. Распахивается дверь, и задом наперед входит Коханов. Жестикულიрует, удивляется. Гневается. Смеется. Потом, все так же быстро и уверенно пятясь, уходит. К яйцу придвинута нейтринная пушка. Валька осторожно отводит ствол и оттаскивает установку в угол...

Как стремительно уносится назад время! Валька участвует в первой высадке на Анизателле, в формировании двойной звезды из диффузной материи, в первичном взрыве, давшем жизнь Метagalактике. Только нигде он больше не видит себя.

Первичный взрыв и разлет материи неуловимо соединяют его ощущение воедино. Валька уже не находится в двух временных ячейках. Но не успевает он даже осознать это, как вновь раздваивается. Время вновь обращает свой бег. Оно несется уже от прошлого к будущему.

Там, где Валька только что исчез, он появляется и опять мысленно отмечает, что уже скользил по этим мировым линиям и, может быть, уже никогда не сумеет соскользнуть с них. Вот опять он ставит этот безумный нейтринный эксперимент. Дурацкий разговор с Кохановым. Вырождение яйца в невероятное гравитационное поле. Свернувшееся пространство и тьма, отделившая Анизателлу от звезд и остальной Вселенной. И опять поворачивает время...

Вся вечность — от бесконечно далекого прошлого до бесконечно далекого будущего — уместается в неизмеримо коротком миге. Время остановилось. Прошрое, настоящее, будущее слились воедино. Они просто перестали существовать.

Валька не может даже сосчитать увлекающие его за собой циклы временных поворотов. Ему только кажется, что они следуют один за другим. На самом деле все протекает совершенно иначе. Но человеческий язык бессилён передать игру вечности.

От взрыва до взрыва. Наплыв ощущения, что все это уже было однажды, во времена оны, как смутная память, что сон, который снится сейчас, уже снился когда-то. И нет выхода из колеса времени. И мысли нет, чтобы понять происходящее и попытаться найти выход, потому что даже мысль развивается во времени и останавливается, когда время стоит.

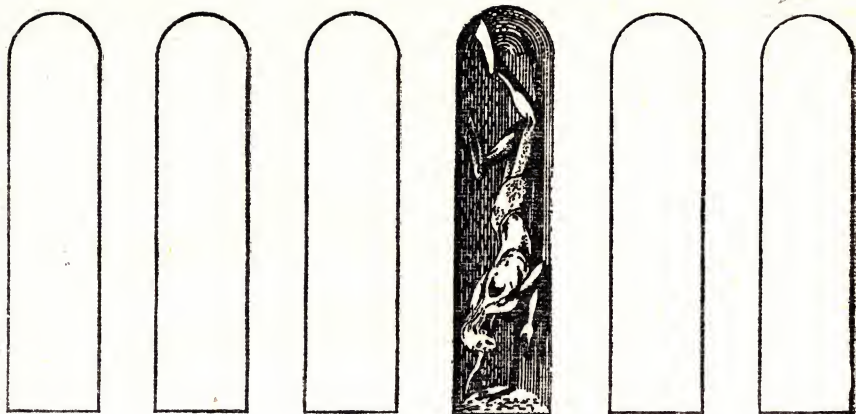
И все же на многочисленные запросы о том, можно ли помочь Анизателле, ученые отвечали утвердительно. Пусть сейчас и еще столетия спустя человек бессилён перед чудовищными проявлениями стихийных сил мироздания, олицетворенных гравитационным коллапсом. Ведь даже разведывательный космолет нельзя послать в район сферы Шварцшильда, окружившей систему УУ. По мере приближения к такой сфере гравитационное поле возрастает и течение времени замедляется. На самой сфере время течет бесконечно медленно. Космонавты-разведчики не увидят никаких изменений. Но одной секунды часов их звездолета достаточно, чтобы на Земле промелькнули тысячелетия. Вот почему сразу же отпала идея послать в район коллапса экспедицию.

Но это же обстоятельство давало ученым право оптимистически смотреть в будущее, правда в очень далекое будущее. Вряд ли можно сомневаться в том, что человечество когда-нибудь раскроет коренные тайны материи и пространства. Гигантские сверхцивилизации будущего смогут управлять даже такими грандиозными процессами, как гравитационный коллапс *, свернувший пространство вокруг Анизателлы и ее двойного солнца.

Тогда, наверное, и найдется средство вырвать планету из бесконечного временного колеса. И не надо бояться, что помощь придет слишком поздно. Для обитателей Анизателлы времени нет. Они могут ждать даже вечность. Она не будет для них тянуться дольше, чем самое короткое мгновение для жителей Земли.

У каждой системы свой центр, своя точка отсчета. Мы смотрим на Анизателлу с Земли.

* С представлением о сфере Шварцшильда, гравиколлапсе, гравитационных могилах можно познакомиться в трудах советских физиков Наана, Зельдовича, Новикова и др. (см. Эйнштейновский сборник. М., «Наука», 1966).

*Иду в глубину **

1

День был как день: ни хороший и ни плохой. Тускло отсвечивала бледно-малахитовая гладь моря. Красноватое закатное солнце, прикрывшись молочным облаком, ошетинилось столбами лучей.

Младший научный сотрудник Института биологии Володя Хитров препарировал розовое веретенообразное тельце кальмара. Время от времени он осторожно укладывал рядом с собой тонкий скальпель и микротомом срезал прозрачный, почти невидимый слой. Его рабочий стол, сколоченный из плохо обструганных досок, стоял в двух шагах от палатки, под открытым небом.

Невдалеке, на розоватом туфовом плато, в дырявой тени скрюченных японских акаций, сердито сопя, трудился Мухин. По его красному, колючему от жесткой щетины лицу лениво скользили капельки пота. Мухин промывал в бензине какую-то замысловатую деталь. Изредка он пригибал голову и терся щекой о плечо. Но делал он это как-то бессознательно, очевидно, поэтому капельки не исчезали, а становились все больше. Одна за другой они проворно соскальзывали со щеки и катились к уху.

Оба работали молча, сосредоточенно и сердито. Изредка один из них оборачивался и бросал из-под насупленных бровей быстрый взгляд туда, где в желтоватом мареве угадывались размытые очертания «Сарыча». Так Мухин прозвал вулканический пик Сарычева на острове Матуа, соседнем с их Райкоке.

На самом горизонте поблескивал белый силуэт океанографического судна «Шокальский», на котором находились остальные члены экспедиции.

«Им-то хорошо сейчас,— подумал Мухин,— сидят себе в шезлонгах на палубе или плещутся в море».

Мухин прекрасно знал, что на борту «Шокальского» не до отдыха. Там тоже напряженно готовились к погружению, стараясь нагнать упущенное время. Как-никак, а судно из-за нелепой поломки трое суток продрейфовало в проливе Севергина. Но Мухин был раздражен. Все ему сегодня действовало на нервы. И прежде всего маячившее на горизонте судно, которое, как это казалось Мухину, подгоняет его: «Скорей! Скорей!» Сосед тоже не способствовал хорошему настроению. И не то чтобы Мухину был несимпатичен Володя Хитров — долговязый белобрысый малый. Просто Мухин не понимал, почему вместе с ним будет погружаться этот «черворез».

«Лучше бы послушались меня и взяли еще одного геолога или хотя бы океанолога»,— сердито думал Мухин, краешком глаза поглядывая на спокойно работавшего Володю Хитрова.

Володя устал. Ему очень хочется прервать работу, потянуться и часок полежать где-нибудь в тени. Еще сильнее хочется поболтать о чем-нибудь с умным и веселым собеседником. Но Володя, как бы читая мысли сердитого соседа, вот уже шестой час не разгибаясь препарирует кальмара и разглядывает в микроскоп причудливые узоры срезанной ткани. Такая работоспособность кажется Мухину подозрительной, похожей на демонстрацию, но лицо Хитрова спокойно и простодушно. Мухин постепенно начинает даже чувствовать к Володе уважение, которое растет по мере того, как он сам все больше устает.

Трудно сказать, сколько времени мог бы продлиться этот молчаливый поединок усталых спин и голодных желудков, если бы в палатке не затрещал требовательный сигнал зуммера.

Хитров и Мухин вскочили одновременно. Мухин неторопливо пошел к радию, а Володя нагнулся за биноклем. Над судном поднялся тонкий столб дыма, и Володя недоумевал, чем вызван этот сигнал. Пока он настраивал бинокль, из палатки выскочил Мухин.

— Скорее собирайте ваши манатки и тащите их на катер,— крикнул он на бегу,— через час мы должны быть на судне!

— А что случилось?

Но Мухин только досадливо махнул рукой. Он уже копался под акциями, бережно собирая блестящие хромированные детали в пластмассовый мешочек.

Хитров пожал плечами и начал укладывать микроскоп в ящик.

Пока катер поднимали на борт, капитан уже отдавал какие-то распоряжения в машинное отделение. Он крепко пожал руку Мухину, похлопал по плечу Володю и, не сказав ни слова, прошел в свою каюту.

— Что это с ним сегодня? — спросил Мухин. Володя молча пожал плечами. Мухину он определенно начал нравиться.

— Сейчас мы все узнаем, — Мухин потянул Володю в радиорубку.

Пока они поднимались по узкому, сияющему красной медью перил трапу, на судне уже выбрали якорь, и оно, легко дрожа, первыми оборотами винтов начало тихо разворачиваться в открытое море.

— А-а, заходи, ребята! — радостно встретил их Леша-радист, вихрастый малый в пестрой ковбойке. Леша снял наушники, щелкнул тумблером и, улыбаясь во всю ширь круглого лица, усталый на гостей.

— Что тут у вас стряслось? — спросил Мухин.

Алеша загоготал:

— О, тут, брат, такие дела! Сам черт не разберет. Старик в полнейшем недоумении. Вся наша программа разлетелась в пух и прах. Все меняется.

— В чем же все-таки дело? Ты-то, наверное, что-нибудь знаешь.

— Во-первых, — Леша загнул палец, — цунами. Получили срочную радиограмму, что с оста идет цунами.

— Цунами? Неприятная штука, — заметил Хитров.

— Еще бы, — буркнул Мухин. — Таков уж этот район. Тридцать восемь действующих вулканов! А сколько таких вулканов на дне, знает только бог. Да и глубина здесь подходящая для таких волн.

Леша пытался продолжить свой рассказ и уже было загнул второй палец, но Мухин его опередил:

— Где эпицентр?

— Градусом южнее нас и что-то около сто пятьдесят шестого градуса долготы.

— Так-с! — Мухин прищурил глаз. — К северу от Тускароры... Там глубины солидные. Свыше трех тысяч... Но я не понимаю, какое это имеет отношение к нам. «Шокальский» в открытом море, он и не почувствует волны...

— Может быть, цунами угрожает островам, нашему Райкоке например? Вот нам и радировали, чтобы мы возвращались на корабль, — высказал догадку Хитров.

— Нет, — пренебрежительно отмахнулся Мухин. — Станет тебе старик спешно разводить пары из-за всякого пустяка. Тут что-то не то...

— Дайте же мне досказать! — взмолился Леша. — В том-то и дело, что нам срочно приказали идти к эпицентру. Испытания будем проводить там!

— Что-о?! — Хитров и Мухин даже чуть привстали от удивления.

Леша торжествующе откинулся в кресле и, довольный произведенным эффектом, замолчал. Но молчать Леша не умел, ему не терпелось вылить на ошарашенных собеседников последний ушат новостей.

— И это не все! — Леша даже закрыл на минуту глаза. — У эпицентра нам назначено randevu с вертолетом. К нам доставят кинооператора.

Мухин поморщился.

— Да-да, кинооператора, — интриговал Леша, — с особыми полномочиями.

— То есть как это?

— Этот кинооператор назначается ответственным за погружение. Вы возьмете его на дно — раз. Программу наметил лично он — два.

Мухин рассмеялся.

— Ну, брат, здесь ты что-то врешь или же напугал при приеме. Этого быть не может. Хотя бы потому, что батискаф рассчитан на двоих. А эти двое — вот они! — Мухин помотал рукой от Володи к себе.

Леша обиделся. Не стал спорить и, повернув кресло, надел наушники.

Все знали, что в таких случаях Леша кремень — ни слова не вымолвит. Оставалось лишь одно: уйти.

Свесившись за борт, следил Володя за бесконечным буруном, бегущим прочь от серого носа судна. Мириады пузырей сливались в шипящую монолитную массу, лопались и исчезали в белесой голубизне. Не верилось, что где-то там, в глубине, проснулись адские силы.

Солнце почти село. Странно было видеть тонкий оранжевый сегмент, повисший над белой полосой, которая отделяет воду от неба. Судно шло быстро. Но расстояние от него до солнца не уменьшалось, лишь медленно таял оранжевый сегмент, точно леденец во рту.

Мухин провел эту ночь прескверно. Подушка казалась ему горячей и неудобной. В иллюминаторе была синяя тьма. Лишь море слабо светилось розовато-голубым огнем.

Мухин встал и тихо, стараясь не разбудить соседа по каюте, пробрался к вешалке, нащупал коробку папирос и спички, закурил. Стало немного легче.

Сквозь привычные шумы пробился отдаленный стрекот. Мухин сел и прислушался.

Стрекот все усиливался. Наконец звук достиг своего максимума и повис где-то над головой. Потом послышалась беготня, какая-то возня на палубе, стук и грохот передвигаемых ящиков.

«Вертолет прилетел, — догадался Мухин, — с этим... кинооператором».

Мухин сердито погасил папиросу и решительно повернулся на правый бок, носом к стенке. Мухину казалось, что он проспал не больше минуты, когда в его сон безжалостно вторглась чья-то энергично трясушая за плечо рука.

— Какого черта? — сонно проворчал Мухин, с усилием разлепляя веки. В глаза брызнул солнечный луч. Отблески волн дрожали на потолке.

Море было на редкость спокойное. Батискаф почти не качало. Поэтому Мухин и Хитров легко проскользнули в узкую трубу люка. Загрузка балластом тоже прошла хорошо. Оставалось еще раз все проверить и идти на погружение.

— Я все же ничего не понимаю, — ворчал Мухин. — Взять и за здорово живешь поменять программу. Должны были исследовать Тускарору, а теперь вот извольте садиться на какую-то мель.

— Три километра для вас мель?

— Три — это не десять точка триста семьдесят один. И кроме того, что мы там будем делать? Более туманного задания я еще никогда не получал. «Фотографируйте все, что вам покажется необычным», и только-то... А если мне там все покажется обычным?

— Все же там извержение подводного вулкана. До нас таким зрелищем не любовался ни один человек...

— Мы тоже пока им еще не полюбовались... И этот кинооператор. Сказали, что он будет погружаться вместе с нами. А где он? Человек искусства, свободная профессия; они все любят поваляться в постельке. Раньше одиннадцати не изволят встать.

Хитров не отвечал. Глубиномер показывал первые метры. В голубом, пронизанном солнечными лучами мире, который лежал по ту сторону толстого кварцевого стекла, виднелись фигуры аква-

лангистов. Лениво двигая ногами в ластах и посылая приветственные жесты, они провожали батискаф.

Точно ртутные капли, промелькнули какие-то рыбешки; едва колыша полупрозрачным колоколом, не хотела отставать от батискафа крохотная медуза.

— Видите, какой у нее узор? — спросил Володя, указывая на медузу.

— Что-то вроде черного крестика.

— Это медуза гонейма — крестовичок. Для аквалангистов она страшнее акул и кальмаров.

— Эта крохотулька? — недоверчиво спросил Мухин.

— Она самая. Прикосновение к ней вызывает ожог, который приводит к параличу, а иногда даже убивает.

В иллюминаторе становилось все темнее. Красные плавки аквалангиста казались уже коричнево-зелеными. Мелькнула стремительная голубая торпедка — кета или чавыча.

Аквалангисты в последний раз помахали им и отстали.

— Да, вот он, предел человеческой власти, — тихо сказал Мухин. — Не пускает нас море — вот и все. Планеты новые покорим, может, и к звездам слетаем, а на своей же земле, в глубинах океана, нам нет места.

— Мы-то ведь с вами и дальше вниз идем. Или вот Пикар, например, на одиннадцать километров вглубь спустился! Свыше тысячи атмосфер давления. Но выдержал, победил человек.

— Все это не то, Володя. Нужно не в батисферах, не в скафандрах море покорять, а так, как аквалангисты, — в чем мать родила, только тогда проникновение в глубины сможет стать массовым, тогда мы освоим океанское дно.

— Придет время — освоим, — неуверенно протянул Володя, — сейчас над этим работают. У нас в институте, например в лаборатории океанической бионики.

— А что они там делают?

— Изучают приспособляемость животных к большим глубинам.

— Ах изучают! Ну, значит, не скоро удастся человеку дно богами ногами пощупать.

Батискаф достиг глубины, куда уже не попадают солнечные лучи.

В черноте иллюминатора, точно алмазы на бархате, вспыхивали светящиеся животные. Выпустив розовое горящее облачко, проплыла светящаяся, как будто абсолютно прозрачная креветка.

— Ишь ты! Точно на рентгене, — восхитился Мухин.

— Да, глубины живут... Жизнь, она везде есть.

Мухин взглянул на потенциометр. До дна было еще далеко.

Когда гайдроп наконец коснулся дна, а вслед за этим мягко опустился и сам батискаф, поднялось плотное облако мути, закрывая от глаз заповедные тайны дна. Сквозь него не мог пробиться даже луч мощного прожектора.

Под напускным равнодушием Мухина таилось то же жгучее любопытство, которое откровенно горело в глазах Володи. Много долгих томительных секунд прошло, пока исследователи наконец увидели, что прожекторный луч не упирается в коричневую завесу мути, а постепенно тает где-то далеко-далеко.

Володя начал медленно вращать штурвал. Луч наклонился и тихо скользнул вдоль самого дна. Свет вырывал из черного мрака вечной ночи яркие, красочные пятна. «И такое великолепие пропадает даром,— подумал Володя.— Зачем все это буйство красок там, где никогда не бывает светло?» Хорошо знакомый с глубоководной фауной, он все же поразился ее разнообразию и богатству.

Точно хрустальные, переливались в свете прожектора стекляные губки. Вызывающе высились горделивые колонии восьмилучевых кораллов. Премыкаясь в мягком недвижимом иле, шевелились клешни десятиногих раков. И всюду, как кактусы в мексиканской пустыне, ощетинивались иглами разнообразные представители семейства голотурий.

Володя выключил прожектор. Настала глухая тьма, точно на иллюминатор набросили черную штору. Когда глаза немного привыкли, в этом царстве ночи нашлись и свои звезды: это были фосфоресцирующие животные и светящиеся шкалы многочисленных приборов.

Где-то далеко впереди скорее угадывалось, нежели виделось, тусклое багровое зарево подводного извержения.

Мухин включил моторы. Батискаф медленно поплыл к эпицентру.

Открывшееся зрелище сначала разочаровало людей. В том месте, где расплавленная лава соприкасалась с водой, мгновенно появлялась мутная оболочка пара. Сжатый чудовищным давлением раскаленный пар образовывал огромный молочный пузырь, светящийся красновато-фиолетовым светом.

— Совсем не так, как у Жюль Верна. А?

— Ничего, сейчас будет так,— весело ответил Мухин, включая приборы инфракрасного видения.

Жерло было скорее белым, нежели красным. Вулкан изредка выбрасывал вверх огромные глыбы камня и тучи раскаленной мути.

С двух сторон медленно стекала лава, которая быстро гасла и застывала, охлаждаемая плотными массами воды. Клокотание и грохот распространялись в воде, и людям казалось, что батискаф гудит, как колокол, по которому дюжие молодцы колотят ку-валдами.

До кратера на глаз было метров семьдесят. В воде расстояния обманчивы, и Володя сделал поправку на одну треть. Но все равно разверзшийся зев был опасно близок, хотя температура возросла едва на градус. Мухин включил кинокамеру. Он хотел подвести батискаф еще ближе, но голос за спиной заставил его обернуться.

Володя стоял с раскрытым ртом и, выпучив глаза, молча указывал на иллюминатор. «Трещина», — подумал было Мухин и хотел уже закрыть иллюминатор стальной, непроницаемой заслонкой. Но сначала все же посмотрел по направлению Володиной руки.

Прямо перед ними, метрах в семи-восьми, стоял человек. Его силуэт четко вырисовывался в инфракрасных лучах.

Мухин рванул рубильник и переключил инфракрасное освещение на видимый свет. В спину человеку ударил могучий бело-голубой сноп. Человек обернулся и, щурясь от яркого огня, пошел к батискафу.

Исследователи прикинули к стеклу. Они ясно видели высокого, стройного мужчину, одетого в самый обычный гидрокостюм, предохраняющий от холода. На голове незнакомца была застекленная маска, увенчанная тремя рожками и множеством пупырышков. По бокам, там, где под маской скрывались уши, от нее тянулись завитые, как улитки, трубочки, которые, закругляясь, пропадали у подбородка.

Рядом с человеком плыла привязанная на капроновом лине уравновешенная в воде глубинная кинокамера. Вот и все, больше у незнакомца ничего не было, если не считать короткой толстой трубки, которая висела на плече так же легко и непринужденно, как магнитофон у радиорепортера.

Лицо его под маской было трудноразличимо. Впрочем, Володе показалось, что глаза незнакомца смеются.

Незнакомец поднял руку над головой, потряс ими в рукопожатии и легко подпрыгнул. Он был уже в каком-нибудь метре от иллюминатора, когда снял с плеча трубку, что-то покрутил на ней и, поставив ее вертикально, вдруг рванулся вверх и исчез.

— Ракета, — еле выдавил пересохшими губами Володя, — ракета, как у осьминога или кальмара. Вот она, бионика в действии...

Мухин молчал. Он был настолько ошарашен, даже подавлен, что не только не находил слов, но и вообще забыл, где находится.

Так они глядели и молчали, два человека вблизи извергающегося вулкана на глубине свыше трех километров, внезапно потерявшие всякий интерес к чудесам по ту сторону кварцевого стекла.

— Человек здесь... Немыслимо! — пробормотал Володя.

— Вы не станете отрицать, что это был именно человек? В отличном настроении, заметьте. Он, кажется, улыбался, — возразил Мухин.

— Может, все это какой-нибудь кинотрюк?

— Кинотрюк на глубине в три километра еще менее вероятен, чем присутствие человека.

— Жаль, мы его не засняли. Это был бы кадр!

— Да, пожалуй, поинтереснее подводного извержения...

Они снова помолчали.

— Ладно, — сказал Володя, — наверху выясним эту загадку морских пучин. Я не отстану от таинственного кинооператора, пока он подробно не расскажет, как ему удалось стать Нептуном. Будем подниматься?

— Нет. Нам еще нужно сфотографировать вулкан сверху.

Мухин включил приборы. Батискаф, потеряв часть балласта, медленно пополз вверх. Впрочем, об этом можно было судить лишь по колебаниям стрелки глубиномера. Движение не ощущалось, ход аппарата был спокойным и плавным.

— Получилось, что мы как бы страховали этого товарища, — задумчиво сказал Володя.

— Не думаю. Нас бы предупредили заранее. Да и чем бы мы ему помогли в случае аварии? Мы слепые и беспомощные щенки по сравнению с ним.

Заработали двигатели. Теперь батискаф двигался по горизонтали. Район извержения находился прямо под ними. В инфракрасном свете он напоминал шевелящуюся белую звезду с кровавыми лучами. Мухин произвел несколько снимков.

— Ну, кажется, все, — сказал он, удовлетворенно вытягивая ноги. И вдруг воскликнул:

— Ого!

Вид вулкана резко изменился. Володя увидел, как белопенная сердцевина извержения быстро разрослась и захватила почти весь экран. Звезда исчезла, вместо нее за стеклом трепетал клубок, напоминающий шаровую молнию.

— Опасно! Скорей балласт! — закричал Хитров.

Страшный удар потряс батискаф.

В кабину хлынула тьма. Мухину показалось, что приборы совалились со своих мест и обрушились на него град болезненных тол-

чков. Несколько раз он перевернулся вверх ногами, падая то на жесткую панель управления, то на внезапно ставшего твердым и острым Хитрова. Сильный удар по голове погасил его сознание так же просто, как поворот выключателя гасит лампу. Последний звук, унесенный им в небытие, был всхлипывающий вскрик Володи.

Хитрову удалось удержаться на сиденье.

Вцепившись в рычаги своего кресла, он оцепенел от ужаса: ему казалось, что батискаф вот-вот расколется на части. Стало жарко. Володя обливался потом и совсем обессилел.

Батискаф, вертясь волчком, с пронзительным визгом продирался сквозь толщу воды. Стены его дрожали. Володя явственно слышал гневно гудящий шлейф, тянувшийся за аппаратом.

Мухин свалился на Володю так больно и неожиданно, что у того вспыхнули огоньки перед глазами. Юноша выпустил рукоятки и почувствовал, что какая-то сила, словно большая невидимая рука, медленно тянет его ноги вверх.

И вдруг все прекратилось. Батискаф замер. Наступила тишина, такая же мертвая и неподвижная, как и тьма, царившая в кабине.

Володя медленно, с большим трудом стащил с себя Мухина. Он ощущал его и не нашел следов крови. Погладил его лицо, шершавые щеки.

— Николай, очнись!..

Он тихонько тряс его за плечи, но Мухин не приходил в себя. Тогда он отполз за кресло, туда, где стояли термосы, смочил платок и на ощупь вытер лицо геолога. Ему показалось, что тот чуть пошевелился.

Володя сделал Мухину несколько дыхательных движений. Тело Мухина было вялым и податливым. Он негромко позвал:

— Николай! Ну что ты? Что с тобой?

Вдруг Володя оцепенел от страха. Оказывается, он не слышит собственных слов. Уши его были словно забиты плотными тампонами ваты.

«Я оглох», — мелькнула догадка. Володя закричал, широко открывая рот. «Уууаа...» — ответил ему мрак. Неразборчивый отзвук донесся издалека, словно за много километров отсюда прокатилось эхо.

Дрожащими пальцами юноша вытер со лба крупные капли пота. Он закрыл глаза и сжал кулаки, пытаясь усилием воли подавить бешеное сердцебиение. Ему казалось, что сейчас произойдет непоправимое: батискаф даст течь, и тысячи тонн воды, отделяющие их от людей, хлынут в камеру.

Первым Кавергина обнял капитан. Он прижал ученого, мокрого и большого, к своему нарядному белоснежному кителю, и тому показалось, что глаза Мартина Августовича стали влажными.

— Вот и все, дорогой Мартин Августович,— улыбнулся Кавергин.— Экспериментально доказано то, о чем у вас много лет назад состоялся разговор с неким матросом Гошкой.

Оба понимающе улыбнулись.

— Да, время...— неопределенно отозвался капитан.— Ну а ребят наших видели?

— Там они. Действуют. Кажется, здорово удивились, увидев меня около вулкана.

Кавергин пошел в свою каюту. Переодевшись, он поднялся наверх, на мостик. Капитана не было, и ученый принялся рассматривать судно. Чем-то оно напоминало «Дежнева», на котором в юности ему доводилось плавать.

Игорь Васильевич прикрыл глаза. На долю секунды ему показалось, что он перенесен на четырнадцать лет назад.

...Лиловым пожаром объято вечернее небо. Оно роняет в воду искорки и блески, точно хочет, чтобы тихое синее море вдруг запылало таким же огнем. А впереди уже видна земля. Где-то там шумит и смеется белый город с широкими бульварами и розовыми дальневосточными соснами. Молоденький девятнадцатилетний Гошка, вернее, матрос Игорь Кавергин, не отрываясь, смотрит вперед. Он уже вынес на палубу дубовый сундучок, доставшийся ему от деда, и тихо сидит на нем, мысленно считая последние мили пути. В сундучке подарки для тихой и ласковой мамы: китовый ус, маленький кусочек амбры, перламутровая раковина да шаль из корейского шелка.

Вот уже год, как ушел Гошка в Охотское море на «Дежнев». «Дежнев» не военный корабль, о котором в детстве мечтал Гошка. Это и не торговый исполин, предназначенный для дальних плаваний. Даже не каботажный пароходик.

В портовом реестре «Дежнев» значится как кабельное судно грузоподъемностью одиннадцать с половиной тысяч тонн.

Но для Гошки это лучшее судно в мире.

Весь земной шар опоясан подводными кабелями связи, они соединяют материки и важнейшие острова. Как-то еще в самом начале первого плавания старпом Борис Степанович, находясь после умеренной выпивки в благодушном состоянии, обнял Гошку за плечи и нарисовал ему мрачную перспективу мира без этих кабелей.

По его словам выходило, что почти все достижения цивилизации были бы невозможны без кабелей, а многие международные конфликты происходили лишь по причине случайных неисправностей тысячемильных морских змеев с проволочным позвоночником.

— А знаешь ли ты, салага,— задумчиво говорил Борис Степанович,— знаешь ли ты, необученный молочный финвал, что в нашем трюме семь тысяч километров на катушку намотано? Да ведь мы за пять-шесть рейсов всю землю-матушку по экватору спеленаем.

Гошка уже не раз бывал в трюме, похожем на огромную цилиндрическую цистерну, где тихо дремала бесконечная серая кишка, тысячу тяжелых колец обвившая барабан. Но он никогда не подозревал, что «Дежнев» так важен для всех без исключения людей. Не думал он и о том, что их команда — Гоша перебрал в памяти каждое загорелое и обветренное лицо — сплошь состоит из самых нужных для страны парней.

Но самым удивительным для Гоши было упорное сознание своего собственного значения и могущества. Ведь он тоже был членом команды этого замечательного судна, которая делает такое большое дело.

Гошка старался не сгибаться под тяжестью дружески обнявшей его руки. Они стояли на носу у самого крамбола — массивного кронштейна с двумя огромными шкивами для кабеля. Совсем недавно вид этого крамбола сильно огорчал Гошу. Еще бы! Ведь он со школьных времен мечтал о настоящем корабле с острым, как лезвие ножа, носом. А это что? Шкивы делали судно похожим на морду бульдога — так по крайней мере казалось Гоше. Но теперь милый и замечательный крамбол наполнял сердце Гоши благодарной теплотой. Ведь это он делал силуэт «Дежнева» совершенно отличным от других судов: военных и торговых, траулеров, пассажирских лайнеров и танкеров. Крамбол неожиданно стал символом профессии, цеховым гербом, почетной эмблемой.

— Так-то вот, салага,— закончил Борис Степанович.— Понял ты меня — хорошо, а не понял, не прочувствовал — тут дело другое. Придем во Владивосток, можешь идти к «купцам», сам по-могу устроиться.

Но Гошка уже не хотел идти в торговый флот. А впереди был случай, который, может быть, впоследствии и определил его судьбу.

Холодная и злая свинцовая зыбь плескалась за бортом. «Дежнева» слегка качало. Было промозгло и неудобно. Ровный и не-

сильный ветер нес со стороны Тихого океана мелкую водяную пыль. Она матовой пеленой оседала на медяшке, на хромированных деталях, на проволоке антенны. Глубины здесь, в Четвертом Курильском проливе, довольно значительные. Контрольно-измерительный пост показал, что кабель, соединяющий острова Онекон и Парамушир, поврежден на значительном протяжении. Работа была нелегкая. Бортовая качка и белая ненастная тьма — все небо затянулось плотной тускло-перламутровой пеленой, от которой побаливали глаза и опускались веки, — тоже не предвещали скорого окончания ремонта.

Автоматические грапнели — кошки с захватами ухнули в глубину. Казалось, что ими до бесконечности будут баламутить желтовато-свинцовую воду.

Несколько раз «Дежнев» промахивался. Контрольный звонок лишь слабо всхлипывал, как испорченный телефон, когда судно проносило над кабелем.

— Стоп! Стоп! Давай задний! Малый, малый. Слышь? Сбавь обороты!

Лицо старпома побагровело, голос охрип, в нем появились влажные надсадные ноты.

Борис Степанович метался по палубе, рассыпая забористую ругань. Увидев, что у моториста заело рычаг, он бросился на помощь. Отпихнув незадачливого малого, Борис Степанович крикнул и животом навалился на стальную штангу.

«Дежнев» резко сбавил обороты. Фрикционные муфты соединили кабельный барабан с двигателем. Барабан дрогнул, заскрипел и завертелся, чем быстрее, тем бесшумнее.

— Порядочек! — удовлетворенно просипел Борис Степанович, вновь отключая барабан.

Его налившееся от чрезмерного усилия кровью лицо постепенно начало отходить, а на руках все явственнее стала проступать венозная синева татуировки.

— Вот так и держи, Витя, — сказал он, разгибая спину и все еще тяжело поспывая.

Тут его недреманное око остановилось на манипуляторщиках. Одним из них был как раз Гошка. От холода руки у него онемели, и он то и дело подносил их ко рту, чтобы согреть дыханием. Подышит на левую руку и схватится ею за рычаг, зато правую отправит на обогрев.

Гоша делает это бессознательно, не думая о разлапистых кошках, которые бороздят грунт в поисках кабеля, но, поймав грозный взгляд второго помощника, интуитивно понимает, что в чем-то сплеховал.

В эту минуту Гоша ожидал льявняного рыка и гневной брани. Но вместо этого Борис Степанович лишь потрепал его по плечу:

— Эх, ты, салажонок, салажонок. Пройди в автоматический пункт, отогрейся. Скажи там, чтоб тебя Писарев подменил, а я пока тут пошурю.

Наконец кабель нащупали, и барабан заработал на полную мощность. Заскрипели тали, и две шлюпки, точно поплавки, запрыгали среди злых бурунов. Гоша сквозь стекло иллюминатора видел, как быстро и ловко матросы подвязывали к поднятому участку кабеля бун. «Точно бусины на нитку насаживают», — подумал он. В туманной пелене было трудно разглядеть подробности. Судно болтало, и серый уровень воды в иллюминаторе качался слева направо. Гоша понимал, что это кренится не горизонт, а «Дежнев», но постепенно ему начинало чудиться, что весь мир сузился до круглого отверстия и качается, и качается... Гошка задремал.

Когда он, вздрогнув, очнулся, ему показалось, что прошла уже целая вечность. В иллюминаторе все так же качалось серое море. Но шлюпок уже не было видно. Зато на палубе слышался какой-то нестройный шум. Раздавались возгласы удивления, приглушенный смех. Преодолевая сонливость и уютное чувство теплоты и покоя, Гошка открыл дверь и заскользил по трапу вниз, почти не касаясь медных перил.

Матросы образовали на полубаке плотный круг. Усиленно работая локтями и извиваясь всем телом, точно дельфин, Гошка пробился в первые ряды.

На свободном от людей пространстве было пусто, если не считать лежащих на палубе останков полуразложившейся черной туши, сквозь которую виднелись плавно изогнутые ребра, точно огромные клинки.

Под общий смех матрос Никуля, по прозвищу Кубарик, низенький, плотный и коренастый, рассказывал:

— Подвязываю это я четвертый буюк, вроде все нормально. Махаю рукой на корабль. Трави, мол, дальше. Ну, кабель опять пошел, так и мелькает. Я еще махнул: трошки погоди. Вдруг Васька как завопит: «Гляди, гляди!» Так я говорю, Вася, чи не?

Рыжий и спокойный верзила молча кивнул.

— Ну, я повернулся, — продолжал Кубарик, — батюшки! Якакто громадина з воды лезет. Скажу правду: злякался до смерти. А Васька хохочет. «Та це ж кашалот», — говорит. Тю, чертяка! — говорю я. — Ты бы сразу сказал, а то я думал, що це сирена — баба морская на меня глаза повылупила. Ей-богу!

Матросы дружно хохочут, а Кубарик оглядывает всех с довольным видом.

— Одним словом, кашалот. Тильки он, чертяка, в кабеле запутався. Да ще как! Одна петля вокруг хвоста, другая плавник опутала, а в пасти у него целая бухта. Ей-богу! Нижняя челюсть так в два витка опутана. Видно, он брыкался, бедолага, его аж в дугу согнуло. От морды до хвоста кабель, шо твоя струна, натянут. Як тильки не разорвался.

Кто-то из матросов подзадоривает рассказчика:

— Да врешь ты все, Кубарик! Выловили дохлого кашалота и, пока прибуксировали на корабль, целую историю сочинили.

— Ясно, врешь! — смеются остальные, хотя знают, что Кубарик рассказывает все как было на самом деле.

Кубарик не обижается. Он призывает в свидетели Васю и еще двоих матросов, даже приглашает сесть в плюпку и поплыть к кабелю.

— Вы только гляньте, як вин кабель покусав, проклятый. Вся ж изоляция попорчена. Кашалот — вин не кит, у него зубы будь здоров.

Внезапно матросы расступаются и пропускают высокого человека в зюйдвестке. Это капитан Мартин Августович Лиепинь.

— А ведь Никуля прав, — говорит он, посасывая пустую трубку. — Кашалоты часто запутываются в кабелях. Еще в молодости я читал книжку одного американского геолога. Там он приводит десятки подобных случаев. Причем интересно, что почти все животные запутывались именно так, как нам сейчас рассказал Никуля: нижней челюстью. И всегда кабель сильно бывает запутан и несет следы зубов. Только однажды кит сумел совсем разорвать кабель...

— А зачем они это делают, Мартин Августович? — раздался чей-то голос.

Капитан рассмеялся:

— А кто их знает. Ученые считают, что животные сами нападают на кабель. Полагаются его порвать, утянуть куда-нибудь и неизбежно запутываются. Бедный кашалот и бьется, и рвется, а освободиться не может. Так и умирает от удушья, не имея возможности всплыть на поверхность.

— Наверное, кашалот принимает кабель за гигантского кальмара! — неожиданно для себя выпалил Гоша.

— Почему ты так думаешь? — повернулся к нему капитан.

Гоша покраснел, смутился, но все-таки выдавил из себя:

— Я вот в книжке читал, что бывают гигантские кальмары — метров в тридцать, а может, и сверх того. А кашалоты, они все-

гда кальмарами питаются. Мне еще дед, китобой, рассказывал, что в желудках кашалотов полным-полно кальмарьих клювов непереваренных.

Все с любопытством глядели на Гошку.

Капитан улыбнулся и точно про себя тихо сказал:

— Да, это правда. Мелких головоногих кашалот жрет. А вот с гигантскими кальмарами... Тут кто его знает... Неизвестно, кто из них жертва, а кто охотник.

Может быть, и прошел бы этот случай бесследно для Гошки, не заговори он тогда о кальмарах.

Назавтра Гошку вызвал к себе капитан. Гошка с любопытством и робостью оглядывался по сторонам, сидя на стуле в маленькой чистенькой каюте. Все было здесь к месту, ничего лишнего. Аккуратная кровать под верблюжьим одеялом, рукомоЙник, крохотный письменный стол. По стенам висели приборы, полка с книгами, увеличенная фотография некрасивой задумчивой женщины.

Капитан не курил. Врачи запретили строго-настрого. Зато с трубкой не расставался. Вот и сейчас он молча разглядывает Гошу и посасывает пустую трубку.

— Это хорошо, — без всякого предисловия начал капитан, — что ты книжки читаешь. Еще лучше, что помнишь прочитанное. И совсем хорошо, что думать умеешь, предполагать. У тебя какое образование?

— Десять классов закончил.

— А дальше что не пошел?

— На хлеб зарабатывать надо. Мать уже старая стала.

— Да-а... Вернемся из плавания, на заочный подавай. Мы тебе все здесь поможем. Кто чего знает...

— Спасибо, Мартин Августович. Только я пока об институте не думаю. Мне и так, матросом, хорошо. Да и специальность-то я себе еще не выбрал. В институт связи, что ли? Все-таки к кабелям отношение имеет.

— Институт связи — это неплохо. Но так судьбу не выбирают, вернее, не делают судьбу. Что дело свое любишь — это хорошо. Но не значит, что других дел на свете нет. Нужно тем заниматься и там работать, где больше всего пользы принести сможешь, где себя полнее отдашь... Выразишь, что ли... Говорят, при коммунизме не будет так, что у человека на всю жизнь одна профессия. Ведь великое счастье — иметь возможность изредка переключаться на другое дело. Есть люди однолюбы в смысле работы, есть универсалы. Но и тех и других не так уж много. В основном у человека бывает желание проявить себя на двух-трех

поприщах. Ну, дело не в этом. Я, например, биологом стать мечтал. Да не получилось...

— Почему не получилось, Мартин Августович?

— Не такая у нас в Латвии тогда жизнь была, чтобы выбирать мог. Пришлось матросом наняться, кочегаром, точнее. Плавал по морю немало...

— Ну а потом?

— А что потом? Потом стал стар. Жизнь менять поздно показалось. Да и привычка. Куда я от моря уйду? Ты вот — другое дело. У тебя все возможности есть.

— Я понимаю.

— Ну то-то. Я вчера, понимаешь, в тебе себя увидал. Прежнего, конечно... Плавал я в ту пору боцманом на чилийской «Розамунде». Как и сейчас, только было это далеко отсюда, в южном полушарии, мы вытянули поврежденный китом кабель. И меня тогда как громом поразило. И знаешь что?

Гошка покачал головой, не спуская взгляда с капитана.

— Я, понимаешь, — продолжал капитан, — водолазом долго работал, может, поэтому у меня и мысль эта родилась... Одним словом, удивился я очень. Удивился, как кит такое давление выдерживает. Ты понимаешь, что получается? Здесь вот глубины свыше 1400, а кашалот в кабеле запутался! Тогда тоже, помню, мы кабель с 1700 подняли. А недавно совсем читал, что в 1951-м, в августе, чинили кабель Лиссабон — Малага на глубине 2200 метров, и тоже... Что ты думаешь? Подняли покусанный кашалотом кабель, на котором болталось полусгнившее мясо. А ведь на глубине 2000 метров давление 200 атмосфер. Ты только вообрази себе: 200 килограммов на каждый квадратный сантиметр поверхности!

Я тогда ой как горько пожалел, что нет у меня такой возможности, чтоб засесть за книги. Поучиться, поработать в лабораториях. Эх, да что там говорить! Ведь ни одно из млекопитающих не встречается в своей жизни с такими страшными давлениями. Кажется, в лепешку должно расплющить. Так нет же. Плавают кит у самого дна да еще кабель покусывает. Ох, до чего же хотелось мне узнать тогда, как это организм кита приспособился к резким переменам давления. Я ведь и водолазом был. Кому, как не мне, знать, что такое перемена давления!..

4

«Сейчас я могу сказать вам, дорогой Мартин Августович, как приспособился к большим глубинам организм кита», — подумал Кавергин.

Воспоминания увлекли его. Он припомнил недавно состоявшийся Ученый совет Института океанологии, где ему пришлось делать доклад о перспективах овладения большими глубинами океана. Большой конференц-зал, отделанный под мореный дуб, внимательные лица ученых, солидный блеск очков, бороды морских волков. И его собственный голос, глухо звучащий в притихшем зале.

Тогда он говорил так: мы можем сослаться на мнение, которого придерживается подавляющее большинство исследователей. Считается, что внутренние органы кита во время ныряния оказываются каким-то образом защищенными от давления окружающей среды. По крайней мере давление, передаваемое на внутренние органы, не превышает нескольких атмосфер... Но это не так.

Да, это широко распространенное мнение неверно. Хотя в самом деле трудно представить себе, чтобы мягкие мускульные ткани, допустим даже в состоянии самого сильного напряжения, смогли противостоять давлению, превышающему сотни атмосфер. Даже стальная обшивка подводных лодок не может выдержать такого давления. Поэтому и лодки, и водолазы в тяжелых скафандрах довольствуются глубинами, не превышающими трехсот метров.

Не может быть сомнений, что кровь в поверхностных сосудах кожи или ротовой полости находится под давлением, равным гидростатическому. Но по закону сообщающихся сосудов такое же давление должно установиться во всей системе, в том числе и во внутренних органах животного.

Кроме того, не следует забывать, что кашалот питается на глубине многих сотен метров, а это значит, что давление в его желудке тоже должно быть равно гидростатическому. Иначе нельзя. Иначе каждая проглоченная рыба, каждый самый крохотный кальмар разорвутся в желудке, как граната.

Все это свидетельствует о том, что во время ныряния во всех органах животного создается давление, равное гидростатическому. Оно как бы пронизывает все тело. Следовательно, и речи не может быть о какой-то защищенности кашалота от давления среды...

«Шокальский» сильно качнуло. Кавергин ухватился за поручки мостика. По палубе торопливо просеменил начальник геофизической группы Кравцов. Вскоре на мостик поднялся капитан. Мартин Августович был встревожен. Не глядя на Кавергина, он сказал:

— Зафиксирован подводный взрыв. Связь с батискафом потеряна.

Сколько прошло времени? Секунда или столетие? Володя не знал, но ему казалось, что он заново прожил всю свою жизнь. Он увидел себя мальчишкой, идущим первый раз в школу, держа за большую отцовскую руку. Ранняя осень. На асфальте, как большие павлиньи перья, расцветают пятна бензина. Влажный ветер кружит первые опавшие листья, отливающие латунью. Потом почему-то в памяти проявилась зачетная книжка и подписи профессоров университета. До боли явственные и ощутимые, вспомнились микротомовые срезы кальмара, сделанные вчера на Райкоке под палящими лучами солнца. Солнце... Неужели он больше не увидит его? Щемящая жалость к себе перехватила дыхание. Ему стало трудно дышать. Тихие, беззвучные слезы покатались по щекам. Володе было жаль себя, жаль Мухина, который, не шевелясь, лежал перед ним на холодном полу. Какая глупость, ах, какая все это глупость...

Ему страстно захотелось сейчас же, немедленно, увидеть темно-синее небо, покрытое кучевыми облаками, белыми и легкими, похожими на снеговые горы. Но перед ним была лишь густая чернильная мгла, проникавшая в мозг и затоплявшая душу. Чтоб отгородиться от нее, оттолкнуть ее прочь, он вытянул руки вперед и почувствовал, как кто-то схватил их.

Он обрадовался безмерно, с той же неистовой силой, с какой только что отчаивался. Он почувствовал, что любит этого Мухина, любит уже давно, хотя и знаком с ним всего лишь несколько дней. Славный ты парень, как хорошо, что ты жив, это же прекрасно, что ты жив! Какой же ты молодец...

Он прикоснулся к лицу Мухина и понял, что тот говорит. Невидимые губы геолога быстро-быстро шевелились, твердая челюсть дрожала и прыгала.

— Николай, дорогой, я не слышу тебя. Я оглох, понимаешь? Но это неважно. Надо проверить, работает ли связь. Потом посмотреть, что с аккумуляторами. Нет света, и обогрев, кажется, не действует. Становится чертовски холодно.

А Мухину было худо. Путь к сознанию шел через боль. Голова гудела и кружилась. Мухин сел, а затем тихонько привстал. Черт возьми, кажется, они здесь плотно засели. Что же произошло? Сначала взрыв вулкана, затем этот полет вверх тормашками... Жаль, что Хитров ничего не слышит. Похоже, он здорово струхнул. Но ничего, держится. Да, держаться надо. Крепко надо держаться. Сколько здесь придется сидеть, неизвестно. Но почему же не сработал балластный сбрасыватель? Непонятно. Или он

сработал? Тогда они давно были бы на поверхности. А они... Кстати, где же они?

Мухин шарил по пульту, нащупывая знакомые кнопки и переключатели. Так, значит, радио не работает. Наверное, все лампы полетели. Шутка ли, такой толчок! Только люди могут переносить подобные сотрясения. А хрупкие приборы — куда им. Хорошо еще стекло не треснуло. Не пришлось бы тогда... Ничего не пришлось бы.

— Аккумуляторы вышли из строя. Одни осколки, — негромко сказал Хитров.

«Плохо, — подумал Мухин. — Очень плохо. Связь потеряна, электроэнергия нет. Хорошо хоть уголекислотные поглотители сохранились. Не задохнемся по крайней мере. И вода есть. Значит, еще не все потеряно.

Держись, Володя, теперь наша сила в терпении. Нужно ждать. Там, наверху, наверное, уже принимают меры».

Мухин отыскал спину Хитрова и ободряюще похлопал юношу по плечу. Тот в ответ пожал ему руку.

— Может, поедим? — спросил Володя. — А то я что-то проголодался.

Мухину эта мысль очень понравилась. Они выпили по чашке горячего какао, сохранившегося в термосе, и почувствовали себя совсем уютно. Нет ничего успокоительнее, чем атмосфера будничных дел. И поспать бы им вовсе не мешало. Но уснуть здесь было невозможно. Мешал холод и еще что-то, встревоженным зверьком притаившееся под сердцем.

— Второго батискафа здесь у них нет, — говорил как бы сам с собой Володя. — Значит, надо затребовать из Приморска. Да и что это за поиски с батискафом? Можно проискать миллион лет и ничего не найти.

Вдруг Мухин сообразил, как можно общаться с Володей. Он взял руку юноши и стал водить по ней пальцем.

— Ка... и... кин... но, — повторял вслух Володя начертанное Мухиным.

— Кинооператор, — наконец прочел он. — Конечно, только он. Ты знаешь, мне кажется, я припоминаю его. Как-то я был на семинаре профессора Кавергина. Он делал доклад о создании в организме человека тех же условий, которые возникают при погружении кита на большую глубину. Он еще называл их таким смешным словом — «кетационные условия», дословно — «китовые». По моему, кинооператор очень похож на Кавергина. Может быть, это он и есть?

Мухин написал одно слово на руке Володи.

— Как? — повторил Мухин. — Как он это делает? Ему удалось разработать несколько приспособлений. По идее они все заимствованы у кашалотов. Эти млекопитающие очень хорошо приспособлены к условиям глубоководной среды, вот Кавергин и позаимствовал кое-что у них...

Мухина заинтересовало Володино объяснение. Кроме того, оно отвлекало от давящей мысли о несчастье. Он стал расспрашивать Володю.

— Какне? — читал Володя неровные движения мухинской руки. — Прежде всего система клапанов, препятствующих выжманию воздуха из легких на глубине. Кроме того, колоссальное количество дыхательного пигмента, связывающего кислород в мышцах. Обилие пигмента миоглобина позволяет кашалоту запасать кислород не только в легких, но и во всем теле, так сказать. Кавергин перенес эту особенность дыхания кита на человека. Мне самому непонятно, как ему удалось это осуществить. Я просто рассказываю, что слушал на семинаре. Я понял так, что чудовищные давления живому организму не страшны. Ведь наше тело практически состоит из жидкости. А жидкости несжимаемы. Это и школьник знает. Внутренние органы тоже будут работать нормально, если внутри организма установится давление, равное гидростатическому. Кровь по сосудам будет свободно двигаться силой сокращения сердца, так как на любой глубине давление крови будет слагаться из гидростатического плюс давление, развиваемое сердечной мышцей. Ясно?

— Дыхание, — написал Мухин.

— Я же говорю — миоглобин. Кит, он что делает? Вынырнет, провентилирует легкие и опять под воду уходит. Но благодаря миоглобину не только легкие насыщаются кислородом, но и весь организм. Поэтому мышцы животного долгое время не нуждаются в притоке крови, свежей, несущей кислород. Вероятно, у этого кинооператора в маску вмонтирована система клапанов, чтобы уравновесить давление. А затем — биофизики это уже умеют — в его организм введены вещества, которые способны запасать в связанном виде большое количество кислорода и отдавать его по мере надобности работающим органам. Кессонная болезнь тоже здесь не страшна. Ведь киты уходят под воду лишь с одной порцией воздуха, а это значит, что азот в организме не накапливается.

— Колоссально, Володька... скоро... пьем... кофе... «Шокальский», — подвел итог беседы Мухин.

Кавергин скользнул в воду. Сердитая волна не успела его толкнуть и яростно ударилась о борт «Шокальского». Капитан сделал приветственный жест рукой и отошел от борта. На лице его застыло напряжение. Кавергин погружался пятнадцатый раз. Искали батискаф. Конечно, батискаф оснащен новейшим оборудованием, запасы еды и воздуха позволяют жить в нем неделями, но... Но трехкилометровая пучина таила в себе слишком много опасностей, и Мартин Августович помнил об этом.

Кавергин шел в глубину. Перед ним промелькнули светлые слои, где плавали ленивые медузы и суежилась рыба молодь, затем стало темнеть — началось глубоководное царство. Водяная ракета легко и уверенно тянула ученого вниз. Игорь Васильевич почти не рассматривал уже порядком надоевший ему подводный мир. Сколько он ни обследовал район вулканического извержения, до сих пор ничего найти не удалось. Взрыв вулкана изверг огромные массы лавы и пепла, загрязнившего воду на несколько километров вокруг. Луч фонаря теперь с большим трудом пробивался сквозь красновато-рыжую муть. Непрестанный гул и удары, доносившиеся со стороны извержения, болезненно давили на уши. Кавергин поморщился и понесся над дном, освещая небольшим прожектором колеблющиеся холмы придонного ила.

Он описывал концентрические кольца вокруг вулкана, время от времени увеличивая их диаметр. Такое занятие могло бы показаться бесплодным, если бы не магнитометр. Сейчас Кавергин был вооружен прибором, позволявшим отыскать любой металлический предмет в радиусе пятидесяти метров. Прибор напоминал большой фотоаппарат. Его несколько минут назад привез на «Шокальский» тот самый вертолет, который доставил туда Кавергина. Взяв прибор, Игорь Васильевич сказал:

— Я надеюсь, что пятнадцатое погружение будет последним.

Капитан испуганно взглянул на ученого.

— Не говорите так.

Кавергин рассмеялся.

— Не волнуйтесь, Мартин Августович. Нам теперь все кашалоты завидуют...

Игорь Васильевич посмотрел на стрелку прибора. Она ожила. Что-то ее беспокоило. Она вздрагивала, на мгновение отклонялась, а затем вновь возвращалась в устойчивое нулевое положение. Кавергин понял, что прибор реагирует на глыбы камня и куски застывшей лавы, выброшенные вулканом. «Неплохо, что ты такая чувствительная, стрелочка, но заметишь ли ты бати-

скаф, вот в чем дело, — подумал Кавергин. — Океан и батискаф... Да, это даже не иголка в стоге сена».

Внезапно стрелка резко подпрыгнула и застыла, указывая на цифру «10». Кавергин осторожно развернул прибор и определил направление: северо-северо-запад.

Через несколько секунд он был на месте, где прибор заметил металлическое тело. Игорь Васильевич с удивлением осматрелся: ничто не говорило о присутствии батискафа, куски охлажденной лавы да камни разрывали илистую поверхность дна, словно огромные, черные язвы. Но прибор упрямо твердил свое: где-то здесь должен находиться металл.

Кавергин присел на длинный лавовый язык, похожий на спину гигантской черепахи, и задумался.

Где же?

Вдруг он услышал слабый стук, доносившийся снизу. Негромкий, еле различимый, он отозвался в душе Кавергина громовыми раскатами радости. Батискаф был под ним.

Игорь Васильевич прыгнул на дно и сразу ушел по грудь в ил. Он руками очищал и ощущивал каменную глыбу, пока наконец не почувствовал полированный бок аппарата. Схватив водяную ракету, он нанес несколько сильных ударов по металлу. В ответ посыпались быстрые, взволнованные толчки. Обитатели батискафа приветствовали своего спасителя.

Кавергин огляделся и недовольно покачал головой. Задача была исключительно трудной. Батискаф оказался наглухо замурован в лавовом выбросе. Выцарапать аппарат из каменных объятий можно только с помощью взрыва. Перенесут ли ребята новую встряску?

Игорь Васильевич постучал по скользкой обшивке. Мухин быстро отстукал ответ: живы, ранений нет... настроение хорошее... температура градусов восемь... из-за холода не работает очистка воздуха... пришлось перейти на кислородные маски...

Последнее сообщение встревожило Кавергина: значит, время для спасения ограничено. Он передал внутрь батискафа несколько ободряющих слов, закрепил на камне зажженный прожектор для ориентира и помчался вверх, оставив за собой хвост взбаламученного ила.

Дно океана опустело. Одноко маячил тусклый луч света, освещавший фосфоресцирующую взвесь из частиц глины и микроводорослей. Глухие отзвуки извержения и рассеянный багряный свет придавали подводному ландшафту зловещую окраску. Казалось, все застыло в ожидании роковых событий...

Кавергин вернулся через час. Он принес с собой тук с инстру-

ментами и материалами. Здесь были тол в аккуратных цилиндриках, подрывная машинка для подводных работ и ручной электробур.

В ушах у Игоря Васильевича еще стояли шум аплодисментов и крики «ура» на палубе «Шокальского», грянувшие, когда стало известно, что батискаф найден.

— Я не подрывник, — сказал он капитану, выслушав его наставления. — Но кажется, я вас понял и постараюсь сделать все так, как вы мне советуете.

Кавергин постучал внутрь батискафа. Там долго не отвечали. Наконец раздались слабые удары. «Воздух... что-то с воздухом... баллон израсходован полностью...»

Игорь Васильевич оцепенел... Это было неожиданно. Кислорода в баллоне должно было хватить по крайней мере еще часа на четыре. Обычноенно батискаф полностью обеспечивается работой углекислотной установки. Баллон с кислородом — это аварийный запас.

И вот... Что-то произошло.

Кавергин принялся торопливо сверлить шпурь под заряды. Передвигаться по вязкому, мягкому грунту было тяжело, и он как-то очень быстро устал. Когда все было готово, в глазах у него уже плыли темные круги. Он оттащил подрывной ящик подальше от лавовой глыбы, в которой, как жук в янтаре, покоился батискаф.

«Шестнадцать погружений на такую глубину даже кашалот не выдержит», — мелькнула вялая мысль. Медленным движением он замкнул контакты. Резкий треск, словно разорвали полотноице, на миг ошеломил его. Ил вздыбился густым желтым облаком и закрыл поле зрения. Кавергин подождал, пока ржавые потоки придонной грязи немного осели, и поплыл к месту взрыва. Ни батискафа, ни лавы он там не обнаружил. «Живы ли?» — подумал он и внезапно ощутил страшную усталость. Тело его было разбито и бессильно. Каждое движение давалось с трудом.

Он немного поплавал в темном киселе в районе взрыва, натываясь на мелкие кусочки камней. Казалось, ему жаль покидать это место.

«Подъем», — с большим усилием воли подал он сам себе команду. И вдруг обнаружил, что с ним нет водяной ракеты. Быстрыми суетливыми движениями он подплыл к подрывному ящику, затем вернулся назад... Ракеты не было. Внезапно он вспомнил: двигатель остался возле батискафа! Трубка мешала ему сверлить дыры, он снял ее и бросил в небольшую выемку на камне. В спешке позабыл о ней, и теперь либо двигатель погиб при взрыве,

либо, безвозвратно утерянный, покоится на илистом дне. Найти его нечего и мечтать. Это не батискаф.

Кавергин посмотрел вверх. Может, впервые за все время он ощутил тысячетонную тяжесть воды, нависшую над головой. Ему стало очень холодно, хотя обогрев костюма был включен на полную мощность.

«Три километра... Много...»

Он медленно поплыл вверх, осторожно шевеля ластами. Острая режущая боль в боку заставила его на миг остановиться. Затем он вновь поплыл все выше и выше. Но ему казалось, что он опускается вниз. Это странное двойственное чувство овладевало им все больше, пока не наступило полное безразличие ко всему, что его окружало, и он уже не интересовался, куда плывет...

«Шокальский» делал двадцать узлов. Все меньше миль оставалось до Владивостока. Мухин и Хитров стояли на палубе, задумчиво глядя на пенистые барханчики волн. Во все стороны распространялась необъятная синь и тишина.

Высокий седой капитан поднялся по трапу на мостик. Сдержанным кивком ответил он на приветствие.

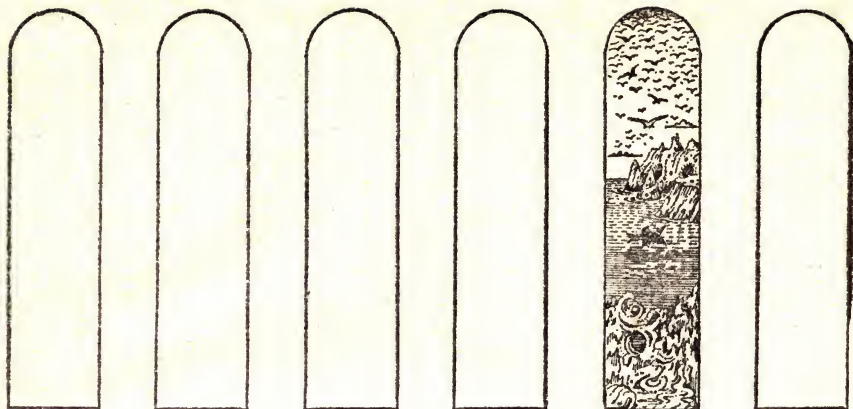
Мартин Августович смотрел вперед, но видел он не океанские просторы. Перед ним стояло лицо Кавергина. Как радостна была их встреча, когда он прилетел в ту ночь на вертолете! Как лучезарно он умел улыбаться... Он сказал тогда:

— А все-таки вы пришли в науку, Мартин Августович. Вы же теперь капитан научно-исследовательского судна. Оказывается, можно слить разнообразные стремления человека всего лишь в одной профессии. А, Мартин Августович?

Капитан почувствовал комок в горле. Он судорожно глотнул и склонился над картой.

Высоко над мостиком, в синеве неба, рядом с красным флагом трепетал на ветру бело-голубой выпел. Все встречные корабли узнавали по нему научно-исследовательское судно и ответственно гудели.

Кругом только волны и небо, и очень далеко еще до земли.

*Лоцман Кид **

Вы, конечно, знаете об эррахуэсском лоцмане? Не знаете? Его еще чаще называют белым лоцманом. Но вовсе он не белый. Это уже матросская байка, легенда вроде Моби Дика. О нем много писали в разных журналах. Есть даже повесть, которая так и называется — «Белый лоцман». Хорошая повесть, но автор целиком высосал ее из пальца, сочинил. И про Линдаля, и про Киду. Он им даже имена другие дал, вымышленные. Уж кто-кто, а я-то знаю! Я ведь учился в Оксфорде вместе с Персивалем Линдалем. И это путешествие на Черепаший острова мы задумали вместе. Даже идея ультрагидрофона, который впоследствии построил Линдаль, — моя идея. Но ничего из нашего совместного путешествия не получилось.

Так уж вышло, что мы, Линдаль и я, одновременно влюбились в одну молодую особу. Не то чтобы между нами было какое-то ожесточенное соперничество, просто я отошел на задний план. И для той молодой особы, и для Персиваля. Они вскоре поженились, а я уехал в Мельбурн и занял там место ординарного сотрудника Главной океанологической лаборатории. Но не обо мне речь.

Линдаль все-таки осуществил свою затею. Хотел бы сказать «нашу затею», но не могу... Скопив достаточно денег и оставив молодую жену у своих родителей в Глазго, он пересек океан и обосновался в Эквадоре. Конечно, у него была куча рекомендательных писем, конечно, он пустил в ход все свое личное обаяние

и, используя разные там светские связи, снарядил экспедицию. Впрочем, что это была за экспедиция? Маленький катерок с тесной, как ореховая скорлупа, каютой, несколько ящиков с консервами и пивом, два ружья и японские очки с комплектом ластов — вот и все, если не считать гидрофона, изрядного запаса сухих батарей и еще кое-какой мелочи. Катерок назывался «Галапагос». На утлом суденышке, под шикарным желто-сине-красным экваторским флагом Линдаль вышел в Тихий океан.

Вы спрашиваете, поехал ли он один? Ну, конечно, один. С ним должен был отправиться какой-то местный учительшка, но в последнюю минуту он заболел или сделал вид, что заболел, и Линдаль отправился один.

Днем он управлял своим убогим «Галапагосом», а ночью, если не предвиделось непогоды, бросал якорь и укладывался спать. Прямо на палубе, накрывшись простыней и Южным Крестом.

В одну такую ночь Линдаль проснулся от яркого света. Белый луч прожектора пригвоздил «Галапагос» к поверхности океана, точно насекомое к доске гербария. Когда Линдаль поднялся, луч дрогнул и ушел чуть в сторону. Метрах в сорока от судна Линдаль увидел черный силуэт подводной лодки. Она ощерилась пушкой и двумя тяжелыми пулеметами. На мостике стоял человек в поблескивающей зюйдвестке с рупором в руках.

— Что за судно? — спросил он по-английски с едва заметным акцентом.

— Исследовательский корабль... Приписан к порту Гуаякиль... А кто вы, собственно, такие?

— Экипаж? — человек с рупором словно не расслышал вопроса.

— Кто вы такой и на каком основании устраиваете мне допрос в экстерриториальных водах?

— Отвечайте, или я потоплю вас!

Линдаль пожал плечами, пошарил в карманах и, найдя сигарету, закурил.

— Так сколько человек на вашем судне?

— Я один.

— Один?! — Человек в зюйдвестке склонился над люком и что-то сказал. Посоветовавшись с кем-то несколько минут, он вновь поднял рупор и крикнул:

— Сейчас мы навестим вас! Только не вздумайте брыкаться, иначе пойдете на дно!

От лодки отделилась шлюпка. Три пары весел ритмично ложжились на воду. Шлюпка скользила по маслянистой дорожке

легко и бесшумно. На задней банке чернел силуэт человека в зюйдвестке, рядом с ним сидел еще кто-то в фуражке с высокой вогнутой тульей.

Когда шлюпка стукнулась о борт «Галапагоса» и эти двое поднялись на палубу, Линдаль жестом пригласил их в каюту. Но там было слишком тесно, и они расположились под открытым небом. Тем более что палуба была освещена прожектором. Линдаль сразу понял, что это боши.

— Принесите судовые документы,— потребовал офицер в зюйдвестке.

Линдаль принес.

Боши начали внимательно просматривать судовой журнал. Взяв удостоверение личности Линдаля, они отошли на корму, где было посветлее, и стали о чем-то совещаться. До Линдаля долетали обрывки фраз, да к тому же он плохо говорил по-немецки. Все же он понял, что разговор шел о нем. Офицер в зюйдвестке в чем-то горячо убеждал другого, высокого худощавого блондина, но тот почему-то не соглашался.

Когда они вернулись к Линдалю, блондин спросил его:

— Вы англичанин?

Совершенно инстинктивно Линдаль понял, что не должен говорить правду. Шел 1939 год, и он понимал, что близка война.

— Американец. Мой дед покинул Германию и обосновался в Бостоне.

— Он был немец?

— Да.

Немцы переглянулись.

— У вас есть шлюпка? — спросил блондин.

Линдаль кивнул и указал рукой на правый борт.

— Отлично. Мы даем вам,— он взглянул на светящийся циферблат часов,— сорок минут. Погрузите в шлюпку все самое необходимое и плывите к берегу.

— Как это «к берегу»?.. — не понял Линдаль. — Ведь до материка свыше шестисот миль...

— А зачем вам материк? — рассмеялся офицер в зюйдвестке. — В судовом журнале значится, что вы держите курс на Галапагосские острова. Ну и плывите себе на здоровье. Каких-нибудь сто миль.

— Но... ведь это же просто убийство! — Линдаль все еще не мог понять, чего от него хотят.

— Ну! Поговори мне еще, свинья! Ты должен быть счастлив, что фатерлянду потребовалось такое жалкое корыто. Собирайся живо! Если через сорок минут ты не будешь в море...

Линдаль начал переносить провизию в шлюпку.

— Что там? — спросил офицер в зюйдвестке, указывая на ящик с пивом.

— Имбирное пиво.

— Оставь его здесь. Хватит с тебя бочонка воды. От пива в открытом море легко заболеть животом.

— Ружья можно взять? — спросил Линдаль.

— А зачем они тебе? — Офицер протянул руку к бельгийской двустволке.

— Пусть берет, — сказал блондин.

— Ладно, бери, — махнул рукой офицер.

— Что это? — спросил блондин, когда Линдаль вытаскивал из каюты ультрагидрофон.

— Прибор для улавливания звуков, которые издают морские животные.

— Нашел о чем думать! — крикнул офицер в зюйдвестке. — Боишься не найти с рыбами общего языка?

— Оставь его, Манфред. Пусть делает что хочет, — сказал блондин.

— Судовой журнал и документы я могу взять с собой? — спросил Линдаль, закрывая прибор брезентом.

— Нет. Они нам понадобятся, — ответил блондин. — Вы готовы?

Линдаль кивнул и полез в шлюпку. Она висела на тепевой стороне. И когда скрипнули тали и Линдаль закачался на легкой зыби, ему показалось, что он находится в черном колодце. Он взглянул вверх. Эквадорский флаг узкой серебряной полоской застыл в черном небе. Большие тропические звезды казались близкими, как никогда. Линдаль оттолкнулся, сел за весла. Пальцы его дрожали.

— Счастливого плавания, приятель! — крикнул офицер в зюйдвестке.

Линдаль молча начал грести прочь от «Галапагоса», прямо на Южный Крест.

...Линдалю повезло. Отклонившись сначала к югу, он попал в струю Перуанского течения, и его понесло на север. По его расчетам, он должен был на девятый день увидеть вулканические конусы Черепашьих островов. Он надеялся пристать к берегу либо на Эспаньоле, либо на Санта-Марии. Но на беду, утром девятого дня над густой туман. Линдалю казалось, что он слышит даже, как бьется о скалы прибой. Но разглядеть ничего не удалось. Он взял немного к западу; шум слева от него не стал слабее, а справа не усилился. Тогда он направил шлюпку на во-

сток. Туман стоял такой, что даже корма выглядела размытой и призрачной. Линдаль не думал о том, что шлюпку может разбить. Он боялся промахнуться. И когда шум прибора начал стихать, он понял, что случилось самое страшное — его уносит в открытый океан. О том, чтобы попытаться выгresti против течения, нечего было и думать. Впереди оставался, правда, еще один небольшой островок — Эррахуэс, но шансы случайно наскочить на него в тумане были ничтожны. И все же Линдаль решил попытаться. Он развернул шлюпку и начал грести против течения. Теперь его продвижение на север сильно замедлилось, и он мог надеяться, что у него хватит времени по каким-нибудь признакам определить свое положение относительно острова. Прошло часов шесть-семь. Линдаль страшно устал и готов был поручить себя господу, бросить весла и лечь на дно шлюпки. Но тут ему почудилось, что он слышит характерный гортанный крик корморанов. У этих больших птиц кудые, недоразвитые крылья. Поэтому не могло быть сомнения, что земля где-то рядом. Линдаль прислушался. Ему показалось, что кормораны стали кричать сильнее. Он бросил весла и сел за руль. Взошло солнце. За плотной серой пеленой оно казалось светлым расплывчатым пятном. Постепенно туман стал таять.

Встав во весь рост, Линдаль увидел серые гребни и острые вершины лавового хребта. Они как бы висели в воздухе, отсеченные горизонтальной линией тумана. Эта линия медленно понижалась, туман уходил, как вода из шлюза. От нетерпения Линдаль кусал губы. Ему казалось, что серая завеса почти не рассеивается. Птичий гомон делался все оглушительнее. И Линдаль понял, что линия тумана опускается вовсе не медленно. Просто шлюпку несло к берегу.

Из лоции Линдаль знал, что подходы к маленькому необитаемому островку очень опасны. Он весь окружен прерывистым кольцом острых подводных рифов. Но выбора не было. К тому же Линдаль надеялся, что легкая шлюпка невредимой сумеет проскочить над рифами. На этот раз ему посчастливилось. Он даже не заметил, как миновал опасную зону. Вода вокруг стала значительно теплее. Туман молочной пеленой лежал на воде. Мрачные серо-голубые скалы глядели неприветливо и отчужденно. Крутые склоны хребта были беспощадно изрезаны глубокими трещинами и покрыты черными, сморщенными потоками застывшей лавы.

Линдаль подумал, что Дарвин, пожалуй, не написал бы «Происхождение видов», если бы «Бигль» не бросил в свое время якорь в виду этого мрачного и неприветливого вулкана. От этой мысли

стало немножко теплее на душе. Он знал, что остров на самом деле не так уж гол и неприветлив, как кажется.

Он много лет мечтал об этой экспедиции, прочитал горы книг и журналов, с закрытыми глазами мог найти Галапагосский архипелаг на карте.

Птичий гомон сделался настолько оглушительным, что в нем потонули даже пушечные залпы обрушивающегося на берег прибоя. Из 89 видов гнездящихся здесь птиц 77 не встречаются ни в одном месте земного шара. Линдалью показалось, что все они слетелись на этот маленький остров, чтобы приветствовать его, Линдаля, поскорее уверить в своей реальности. Несмотря ни на что, он был счастлив. Далеко не каждому удастся воочию увидеть, как сбываются мечты.

Линдаль взялся за весла и начал энергично грести к берегу, взглядом выискивая место, где бы можно было пристать. Он уже ясно видел большое стадо морских игуан. Доисторические драконы с колючими гребнями грелись на скалах, забрызганных стремительным прибоем. Морская пена пузырилась и подсыхала, подергиваясь сухой мыльной корочкой. Тысячи птиц ковырялись в гниющих черных отбросах, прыгали по базальтовой гальке, высиживали яйца. В прохладной воде огибающего остров течения резвилась пара морских львов. Черные, блестящие, точно затянутые в облегающие резиновые костюмы, они подымали к небу усатые морды, подпрыгивали и исчезали в волнах. Потом вновь появлялись, подкидывали в воздух сверкающую чешуей рыбку, проглатывали ее на лету и устремлялись за новой добычей.

Линдаль плыл вдоль линии прибоя. Ему хотелось немедленно пристать к берегу, разжечь костер, выпить горячего кофе, но подходящего места все не находилось.

Когда терпение и силы были уже на исходе — он огибал в это время лавовый мыс, — показалась ровная полоса береговой гальки. Волны накатывались на нее и, скользя по камням, далеко забегали на сушу, чтобы сейчас же устремиться назад тысячами журчащих ручейков.

Линдаль крепче сжал саднящими от мозолей руками отяжелевшие весла. Эти последние минуты, пока он плыл к берегу, показались ему длиннее проведенных лицом к лицу с океаном. Под днищем загремела галька, и плюпка замерла. Линдаль с усилием разжал пальцы. Их щемило от соленой воды. Потом он лег на дно лодки и, задрав вверх ноги, стал смотреть в небо.

Под самыми облаками, широко раскинув мощные царственные крылья, парил фрегат. Линдаль закрыл опухшие, слезящиеся глаза и заснул. В самое последнее мгновение он подумал, что

долго спать нельзя, а то начнется отлив и его опять унесет в море и может разбить о гряду обнажившихся рифов. Он даже сделал усилие встать и выйти из шлюпки, но сон сломил его. Это был тяжелый сон, очень похожий на явь. Линдалю снилось, что он вылез на берег и, крича от боли, тащит шлюпку по гремящей гальке подальше от моря. И когда уже подтащил ее к самому подножию вулкана и, разгибая онемевшую спину, оглянулся, откуда-то появился немец в зюйдвестке, со стеком в руках. Играв стеком, он указал затакнутой в кожаную перчатку рукой на море. И Линдаль понял, что должен тащить шлюпку назад, а потом опять плыть в ней куда-то. И разбитыми в кровь пальцами он обнял мокрые соленые доски и потащил. А немец смеялся у него за спиной. И чем больше было Линдалю, тем громче смеялся немец. Тогда Линдаль оставил шлюпку, принал к гальке и, собрав последние силы, вскочил.

Оторопело смотрел он на берег, на подножие вулкана. Солнце близилось к закату. В гальке свистел и рокотал начинающийся отлив.

Линдаль вылез из шлюпки и с трудом вытащил ее на берег. Тело ныло, в мышцах при малейшем движении просыпалась ломота. Тупая тяжесть сдавила голову.

Линдаль медленно побрел по влажной гремящей гальке. При каждом его шаге разбегались по своим щелям юркие пестрые крабики. Зато птицы не обращали на него ровно никакого внимания. Дрозды вертелись под самыми ногами, реявший в поднебесье ястреб, очевидно из чистого любопытства, ринулся вниз и, усевшись невдалеке от человека, начал пристально его разглядывать.

Линдаль обнаружил узенькую ложбинку между двумя лавовыми языками. Цепляясь руками за шероховатую поверхность, он начал подниматься вверх. Несколько раз останавливался, ложился и отдыхал.

Появились первые опунции. Их становилось все больше и больше. Линдаль с удивлением смотрел на большие голубоватые деревья с мясистым, утыканным острыми шипами стволом. Когда подъем кончился и открылось поросшее лесом плато, Линдаль облегченно вздохнул. Зеленые густолистые кроны стройных скалезий, красные стволы пизоний, выглядывающие из буйных папоротников,— все обещало покой и отдохновение.

Над темно-зеленой кроной леса виднелся подернутый сизым флером кратер. Линдаль знал, что в кратере находится глубокое и холодное озеро с яркой голубовато-зеленой водой. Он чувствовал себя вернувшимся после долгой разлуки на милую полузабытую родину. Все, что он видел вокруг, он видел впервые. Но на-

мутью детской мечты он узнавал деревья, камни и приветствовал их как старый знакомый. И они отвечали ему. Свеживающийся с ветвей длинный темно-зеленый мох ласково кивал древней бородой. Птицы доверчиво позволяли брать себя в руки. Камни были теплы, и море спокойно.

Линдаль улыбнулся, задрал голову к небу, и зажмурил глаза. Потом закричал. И крик прорвался сквозь воспаленное, охрипшее горло. Линдаль быстро спустился вниз. Порылся в оставленных приливом и высушенных на солнце кучах мусора и разжег костер. Он сварил кофе, разогрел банку тушенки и, размочив в воде несколько галет, позавтракал. Все казалось очень вкусным и сочным. К нему подошел пингвин и, склонив голову набок, стал смотреть. Линдаль бросил ему кусочек галеты. Неторопливо, с большим достоинством пингвин подобрал его и, благодарно кивнув рыжим чубиком, удалился. Линдаль залил костер водой, выкурил сигарету и, спрятав голову в тень огромного базальтового валуна, заснул.

Около года жил Линдаль на острове. Он охотился на диких свиней, ловил рыбу, искал черепахи яйца, варил крабов. Часами бродил он по берегу в поисках интересных морских животных. Между делом он отрывал от скользких камней моллюсков или вытаскивал из расселин маленьких осьминогов. На самой опушке он построил маленькую уютную хижину. В ней всегда было свежо и прохладно. Нежно пахла красная древесина пизоний. У входа покачивались широкие листья папоротников.

Каждый день на три-четыре часа Линдаль уходил в море. Где-нибудь над небольшими глубинами он сбрасывал в воду ультрагидрофон и, надев наушники, погружался в мир звуков. Он слышал бесперебойное щелканье многочисленных раков-альфеусов, ритмичное урчание морских петухов, голубиные стоны горбылей, лай и скрежет ставриды. Порой все эти звуки тонули в привычном фоне шумов. Линдаль знал, что скрывается за таким фоном. Мысленно он видел, как зубы рыб и клешни крабов разгрызают и дробят веточки кораллов, раковины моллюсков — непрерывное заглатывание, жевание, преследование. Но очень беден мир слышимых человеком звуков. Когда Линдаль включал преобразователь ультразвука, то всякий раз удивлялся разнообразию свистящих, жужжащих, воющих, гудящих тонов.

Иногда он сам погружался в море. Спрятав наушники под водонепроницаемым племом и набрав в легкие побольше воздуха, он нырял и осторожно подкрадывался к рыбам. Наверное, никто в море лучше его не знал, как общаются между собой рыбы, предупреждают друг друга об опасности, сближаются на добычу.

Линдаль работал очень много, свободного времени у него почти не оставалось. Но все чаще и чаще он пачинал тосковать о людях, о простом разговоре с людьми. Для него большую роль играл тот факт, что он не может покинуть этот остров в любой момент, когда ему захочется. Если бы где-нибудь в бухте тихо покачивался малютка «Галапагос» с полной цистерной горючего, он, Линдаль, по крайней мере еще год мог бы не думать о цивилизованном мире. Но судна не было, и Линдаль часто следил за горизонтом, не покажется ли где-нибудь пароходный дымок. Но дымок не показывался. Только однажды за все это время он слышал, как на большой высоте гудели самолеты. Он быстро сложил костер из сухих веток скалезии. Огонь побежал по пропитанной эфирами древесине. В воздухе разлился запах больницы. Яркие языки пламени притушили звезды. Гул самолетов затих. И Линдаль долгое время жил надеждой, что его сигнал заметили. Но прошли месяцы, и никто за ним не приплыл. Линдаль опять ушел с головой в работу. Он писал статьи для научных журналов, сортировал кассеты с фотопленкой, препарировал морских животных, заготавливал коренья, вытапливал жир из огромных слоновых черепах. Но все чаще и чаще, отложив дела, он неотрывно смотрел на еле заметную бело-голубую линию горизонта.

Чтобы не разучиться говорить, Линдаль беседовал сам с собой. Он декламировал вслух стихи, драматические монологи, даже сам сочинял одноактные пьески для двух персонажей. Он постоянно говорил, пока не пересыхало в горле. Тогда он пил охлажденный сок сладкого папоротника и снова говорил. Даже погружаясь с ультрагидрофоном под воду, он не переставал говорить. Рыбы к нему привыкли настолько, что не обращали на него внимания. А он кружился вокруг них, подслушивал самые интимные секреты, тут же выбалтывал их вслух и читал стихи.

Одинокое человеческое тело тихо скользило в призрачной синеве над колышущимися лесами водорослей, под темными трещинами расселин. Вверху над ним колыбалась ртуть, внизу мелькали тени птиц, от которых шарахались сонно стоявшие рыбы. Но человек говорил, и рыбы слушали чеканные строфы Шекспира, белые стихи Теннисона, завораживающую музыку стихов Киплинга и Свинберна, странные ассонансы Броунинга. Рыбы выплывали из темных гротов, покидали пышные рощи водорослей. Человек слушал рыбы сплетни и говорил, говорил, говорил.

Плотно позавтракав жареным черепашиным мясом и печеным папоротником, Линдаль, как обычно, взвалил на плечо ультрагидрофон, взял ласты и спустился к морю. Дул теплый утренний бриз. Стеклообразные водяные блохи забрались далеко на сушу. Это

предвещало непогоду, но Линдаль решил рискнуть. И без того четыре дня подряд шли дожди. Он с тоской вспоминал о долгих часах, проведенных в хижине. Линдаль столкнул шлюпку на воду, вставил весла в уключины и поплыл на подветренную сторону. Когда он огибал далеко выдающийся в море мыс, всплыло солнце. Море заиграло миллиардами слепящих точек. Линдаль стало тепло и захотелось спать. Он зачерпнул пригоршню воды и плеснул на глаза. Мир исказился, окрасился в радужные тона.

Далеко в море Линдаль заметил стаю чаек. С пронзительным писком и гортанным криком они носились над каким-то неподвижным предметом. То садились на воду, сложив крылья, то опять подымались в воздух.

«Это неспроста,— подумал Линдаль,— похоже, там что-то есть. Может быть,дохлый кит?»

Он поплыл к месту, над которым кружились чайки. Но это был недохлый кит. На поверхности воды колыхалась исполинская зеленая туша кальмара. Животное умирало. Окраска его из зеленой стала ярко-пурпурной, потом нежно-кремовой. Время от времени бессильно поникшие щупальца подымались и пенили воду, как вышты океанского лайнера. В огромных, как иллюминаторы, человеческих глазах застыли смертная тоска и муки. Линдаль казалось, что спрут смотрит именно на него с мольбой и надеждой. Но что он мог сделать? Как видно, какой-то важный орган животного был поврежден, и оно не могло уйти под воду. Чайки отпевали его заживо. Он, может быть, еще на что-то надеялся, в мольбе протягивая толстые, как водосточные трубы, щупальца, жалобно разевал страшный клюв, но чайки уже видели, что исполнин обречен.

Линдаль столкнул за борт ультрагидрофон и осторожно вытравил канат, потом надел очки, укрепил наушники и осторожно нырнул с кормы. Зеленоватая вода была удивительно прозрачна. Колоссальные присоски с острыми когтями выглядели еще более страшно, а сами щупальца были толщиной с хорошее бревно.

Здесь тоже готовились к шумному пиршеству. Стаи морских ласточек проносились у самого хвоста, похожего на оперение торпеды. Золотая макрель держалась в отдалении, но было видно, что она готова принять живейшее участие в предстоящем дележе. Уродливая рыба-хирург уже покусывала угасающего гиганта, а яркий наглый морской петух ухитрился оторвать кусочек мяса.

Кальмар принял человека за нового врага. Собрав последние силы, он подобрал щупальца и бросился прочь. Внезапно вода потемнела и стала мутной. Линдаль нырнул и, схватив лежащий

на песчаном дне аппарат, поплыл вдогонку. Кальмар ушел недалеко. Выпустив чернильную бомбу, он стал бледным, как призрак, и Линдаль его не сразу заметил. Вся рыба-шайка была уже тут как тут. Даже самые пугливые и осторожные рыбы спешили догнать обессилевшее животное.

Увидев недалеко темно-синюю торпеду, Линдаль подумал, что это акула. Хищницы обычно не опаздывают на такие пышные похороны, и он уже давно ждал их. Но это оказался крупный и напористый дельфин. Узнав по ультразвуковому телеграфу об агонии извечного врага, он не мог отказать себе в таком удовольствии и приплыл. Не дожидаясь, пока кальмар будет мертв, дельфин раскрыл зубастую клювообразную пасть и отважно ринулся в атаку. Он схватил бессильно простертое щупальце и попытался его перекусить. Линдаль не думал, что у кальмара еще хватит сил на борьбу. Но гигант неожиданно обвинил дельфина сразу тремя щупальцами. Дельфин рванулся, но объятия спрута стали еще теснее. «Живая собака лучше мертвого льва», — подумал Линдаль и, вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, поплыл на помощь глупому дельфину. Тот даже не трепыхался, точно кролик в кольцах у анаконды. Линдаль попытался обрубить ножом самое страшное щупальце, конец которого извивался и пенил воду. После нескольких ударов это ему удалось. Корчась, как хвост исполинской ящерицы, щупальце пошло на дно. На него набросились стаи рыб. Из темной расщелины, извиваясь, выплыл какой-то темнопятнистый шарф. Увидев незакрывающуюся, набитую зубами пасть, Линдаль узнал мурену и брезгливо поежился. Из обрубка разрезанным дымом клубилась голубая кровь.

Когда Линдалю удалось обрубить еще одно щупальце и освободить дельфина, тот уже почти не дышал. На теле его ясно виднелись похожие на лунные кратеры следы ужасных присосок. Местами эти кровососные банки целиком содрали с него кожу.

Линдаль обхватил дельфина руками и выплыл с ним на поверхность. Он забрался в шлюпку, поднял прибор и занялся дельфином. Он хотел привязать его к шлюпке и доставить на берег. Но, рассудив, что дельфиний жир, пока еще не сели все батареи, ему не нужен, он решил даровать отважному безумцу жизнь. Достав иголку с прочной шелковой леской, он зашил наиболее страшные раны и, дождавшись, пока дельфин проявил первые признаки жизни, шлепнул его по спине и оттолкнул от шлюпки.

Дельфин лежал на воде как очумелый. Линдаль осторожно толкнул его веслом. Дельфин зашевелился и, ударив хвостом по

воде, поплыл. Он сделал вокруг шлюпки круг и пристроился ей в кильватер.

Линдаль заметил, что ветер кренчает, и приналег на весла. Приближался шторм, и Линдаль торопился домой. Дельфин не оставал от шлюпки, но человек уже не обращал на него внимания. Он громко читал «Балладу о Тамплинсоне»:

И увидел сквозь бред
Звезды, замученной в аду,
Молочно-белый свет.

— Ну куда ты плывешь, дурак? — спросил Линдаль дельфина. Лодка пересекла линию подводных рифов, и до мыса было уже рукой подать. Но дельфин все не покидал своего спасителя. Лишь у самого берега он подпрыгнул в воздухе и поплыл в открытое море, навстречу нарастающим волнам.

Только через три дня океан успокоился, и вода посветлела. Линдаль установил ультрагидрофон у входа в густо заросший небольшими тридакнами грот. Почувствовав присутствие потенциального врага, раковины захлопнулись и не открывались до тех пор, пока человек, волоча за собой тоненький красный провод, не поднялся на поверхность. Вода была теплой, и Линдалю не хотелось возвращаться в лодку. Он перевернулся на спину и, лениво плавая ластами, уставился в чистое утреннее небо. В наушниках стоял тихий свист, периодически достигавший то высоких, то низких частот. Линдаль закрыл глаза и отдался ощущению неги в полной уверенности, что вряд ли услышит сегодня что-нибудь интересное. Заякоренная шлюпка еле покачивалась рядом.

Сквозь сон ему послышался человеческий голос. Линдаль открыл глаза и прислушался. Нет, ему не померещилось. Кто-то громко кричал ему в самые уши.

— Ну куда ты плывешь, дурак? Куда плывешь, дурак? Дурак?

Сердце трепыхнулось и замерло.

— Куда плывешь, дурак? — донеслось из наушников. Линдаль бросился к шлюпке. В висках у него стучали молоты. Он схватился за борт и, рискуя перевернуть шлюпку, свалился на дно. Если бы за ним гналась тигровая акула, то и тогда он вряд ли доплыл бы скорее.

— Куда плывешь, дурак? — продолжало звучать в ушах. Резким движением рук Линдаль переключил наушники с ультразвука на обычный диапазон.

Все смолкло. Только трещали вездесущие альфеусы да раки-отшельники грызли каких-то ракушек.

«Значит, я все же в своем уме», — подумал Линдаль и вновь переключил наушники на ультразвук.

И увидал сквозь бред
Звезды, замученной в аду,
Молочно-белый свет,—

донеслось до него. Причем голос слышался гораздо более явственно и отчетливо.

«Что за наваждение такое?» — подумал Линдаль. Страх уже прошел. Но тело еще хранило воспоминание о первой минуте ужаса, заставившего Линдаля с расширенными, побелевшими глазами вскочить в шлюпку. Его трясло, хотя солнце здорово припекало покрывшуюся пупырышками загорелую кожу.

— И Тамплинсон взглянул назад,— ревел в наушниках ультразвук.— Прощай, глупыш. Куда плывешь, дурак? Приходи снимать швы!..

— Что? Приходи снимать швы? — закричал Линдаль.— Так это же я сказал на прощание глупому дельфину! И стихи мои!

— Стихи мои! — отозвались наушники.

Линдаль сорвал с головы шлем и снял наушники. Кругом была благоухающая тишина. Мелодичный переплеск моря делал ее еще более глубокой. Он осмотрелся. Примерно в ста футах от шлюпки резвился дельфин. Он плыл по кругу. Набрав большую скорость, он на мгновение оставлял в воде борозду, взлетал в воздух и торжественно шлепался обратно. В густую синеву неба подымались хрустальные фонтаны. Это было как салют, как торжественная симфония сверкающего на солнце моря.

Линдаль все еще не мог прийти в себя. Он вновь надел наушники и сейчас же услышал:

— Стихи мои! Куда плывешь, дурак?

Сорвал наушники и услышал, как дельфин шлепнулся белым пузом в воду.

— Это ты говоришь? — спросил Линдаль.

Дельфин молчал. Он все так же деловито кружился возле шлюпки и выпрыгивал из воды.

— Если не ты, то кто? — опять спросил Линдаль.— Может быть, я говорю сам с собой?

Дельфин плюхнулся у самой шлюпки и обдал Линдаля брызгами.

Заметив, что держит в руках наушники, Линдаль надел их и снова услышал человеческую речь:

— Куда плывешь, дурак? Увидал в ночи звезды, замученной в аду, кровавые лучи. Это ты говоришь? Приходи снимать швы!

— Теперь понятно: это он со мной говорит,— Линдаль покорно развел руками.— В общем ничего особенного, просто говорящий дельфин. Я говорю, а он повторяет.

— Говорящий дельфин. Говорящий дельфин. Куда плывешь, дурак? — ответил наушник.

...Так был установлен первый контакт.

Сравнительно просто Линдалю удалось приучить дельфина откликаться на зов. «Теперь я настоящий Робинзон, — думал он, — у меня есть свой попугай. Остается научить его произносить со слезой в голосе: «Бедный Персиваль Линдаль» — и все будет в порядке. Впрочем, ему еще нужно дать имя. Жаль, забыл, как назвал своего попугая Робинзон...»

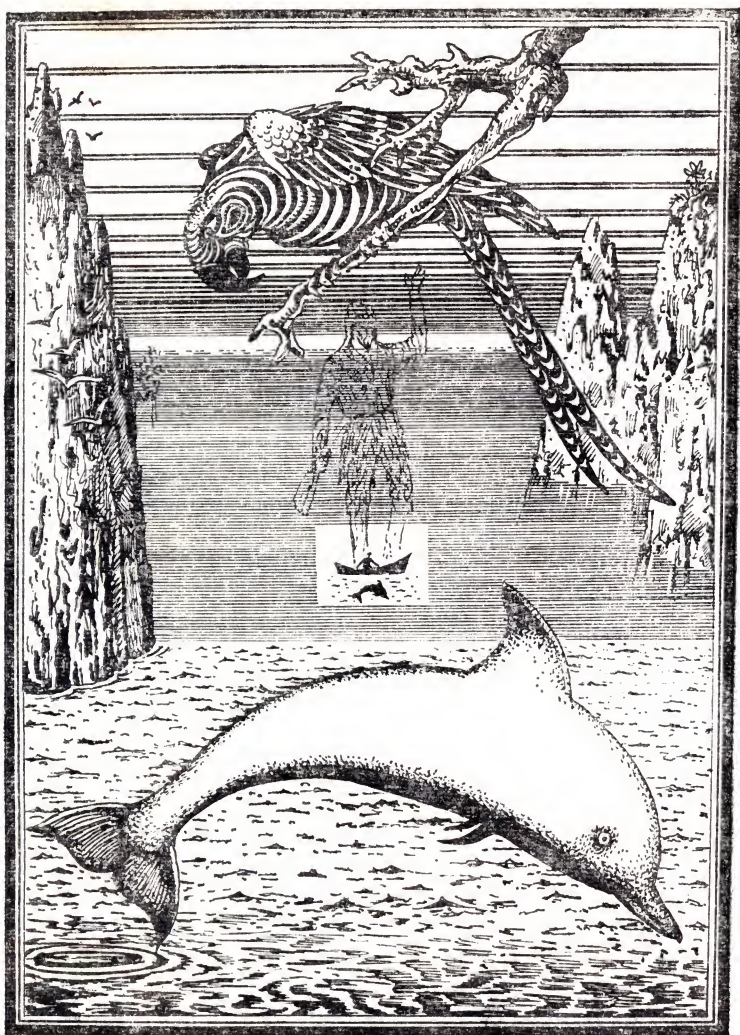
Линдаль назвал дельфина Кидом. Получив из рук Линдаля жирного мерлана, дельфин принял крещение. Он сопровождал Линдаля во всех его морских поездках. И если Линдаль почему-либо оставался на острове, Кид подплывал к самому берегу и, качаясь на волнах, ждал.

Порой Линдалю казалось, что дельфин действительно понимает человеческую речь, а не механически запоминает отдельные фразы. Ответы Кида иногда бывали настолько удачны, что Линдалю становилось немного не по себе.

С того дня как дельфин обрел человеческий голос, Линдаль перестал изучать голоса моря. Это сделалось просто невозможно. Мешал Кид. Он непрерывно болтал. Стоило Линдалю настроиться на ультразвуковой диапазон, как на него обрушивалась лавина слов. Это была всевозможная смесь из междометий, восклицаний, морских терминов и стихов. Вначале Линдаль пытался обмануть дельфина. Он уплывал на наветренную сторону и молча принимался за свои исследования. Но каким-то безошибочным чутьем Кид находил человека. Линдаль узнавал об этом заранее. Стоило ему услышать в наушниках приглушенный расстоянием зов: «Персиваль, Персиваль!» — и он с досадой вытаскивал ультрагидрофон из воды. А может, и не с досадой, потому что ему была приятна ласковая приветливость морского зверя.

Как-то он разучил с Кидом диалог Кассио и Яго. Причем более трудная роль — Яго — досталась дельфину. А однажды дельфин даже спас Линдалю жизнь. Линдаль давно выслеживал большого осьминога, поселившегося в глубоком гроте, под самым северным мысом.

Линдаль всегда был изрядным гурманом. Но здесь, на острове, где заботы о еде занимали добрую половину времени, его любовь к изысканной кухне приобрела характер какого-то неистовства. Обнаружив вблизи от берега жилище осьминога, Линдаль решил во что бы то ни стало его изловить. Мысленно он уже предвкушал, как сварит из осьминожьей головы черный суп а-ля Спарта, а щупальца изжарит на медленном огне. Он даже приготовил огромный

плоский камень, на котором можно было бы отбить жесткое и упругое мясо.

Лавовый язык огромным балконом нависал прямо над гротом, но выбраться из воды на берег здесь было просто невозможно. Оставалось только подплыть сюда с моря. Линдаль долго греб, преодолевая довольно сильное опоясывающее течение, пока наконец не достиг темной ниши, заросшей полипами и ракушками. Привыкнув к полумраку, он хорошо заякорил шлюпку и, взяв острогу, нырнул. Глубина в этом месте не превышала тридцати футов, но из-за бьющих со дна ключей вода была здесь очень холодной, и оставаться долго под водой было невозможно.

В сумраке грота нежно опалесцировали оранжевые асцидии, зеленоватыми точками поблескивали креветки. По заросшей бурыми водорослями стене, шевеля длинными желто-синими усами, карабкалась лангуста. Осьминога нигде не было. Очевидно, хозяин ушел, покинул свое жилище и отправился по каким-то неотложным делам. Линдаль припомнил пословицу, что на безрыбье и рак рыба, поймал лангусту и, окинув взглядом грот, поплыл к выходу.

Впереди он заметил две серые тени. Они медленно проплывали перед гротом, растопырив широкие грудные плавники, точно бомбардировщики в вечернем небе.

Линдаль чувствовал, что запас воздуха в легких кончается. Чтобы избавиться от ощущения удушья, он начал понемногу выпускать изо рта пузыри. Они уносились вверх, поблескивая, как никелированные шарики. Но это была лишь секундная оттяжка. Нужно было подниматься на поверхность. Линдаль понял, что, как только он всплывет, голубые акулы атакуют его ноги. Секунды застыли и казались веками. Серые бомбардировщики, не выказывая никаких агрессивных намерений, неторопливо кружили у выхода из грота. Линдаль показалось, что в голове у него зажегся какой-то красноватый свет. В глазах сделалось черно. Грудь раздирало мучительное, царапающее удушье. Линдаль залпом выпустил весь воздух и, уже ничего не сознавая, с втянутым животом, на последнем пределе лихорадочно заработал руками. Голова его вырвалась из воды как пробка. Не раскрывая плотно зажмуренных глаз, Линдаль глотнул острый пьянящий воздух. Голова у него чуть-чуть закружилась, по всему телу разлилась сладостная ленивая истома. Он забыл про акул и про свои незащищенные ноги.

Когда Линдаль посмотрел вниз, в холодную темно-синюю глубину, то даже вскрикнул от неожиданности. Прямо перед собой увидел бешено вращающееся колесо, а несколько поодаль застыли две удивленные, сконфуженные акулы. Линдаль быстро подплыл

к шлюпке, схватился за корму и, сильно оттолкнувшись ластами, свалился на сухое горячее дно. Вслед за ним из воды выскочил Кид, несколько раз обернувшись вокруг горизонтальной оси и повесив в открытое море, оставляя за собой еле заметный пенистый след. Линдаль стащил маску и перевернулся на живот, чтобы скорее согреться. Он смаковал воздух. Точно пьянящее золотое шампанское, с шумом втягивал его сквозь сложенные трубочкой губы. В темной воде ниши ходили косые, как корсарские паруса, плавники. Линдаль сел за весла и вывел шлюпку из ниши. В глаза ему ударил яркий свет. В воздухе застыл полуденный зной. Тропическое солнце стояло прямо в зените. В шлюпке что-то зашевелилось. Линдаль заглянул под банку и с удивлением обнаружил там лангусту, забившуюся в крохотную, быстро подсыхающую лужицу. Оказывается, он так и не бросил лакомую добычу. Линдаль засмеялся.

...Чтобы не потерять счет времени, Линдаль нарисовал календарь на несколько лет вперед и каждый день делал там отметки. Шел уже третий год одиночества, когда Линдаль опять услышал в ночном лебе гул моторов, но самолеты улетели, прежде чем он успел разжечь костер. Линдаль был в отчаянии. Целую неделю он не выходил в море, и Кид напрасно ждал его у берега. Но с той ночи самолеты начали летать все чаще, и Линдалю трижды удавалось разжечь костры как раз в тот момент, когда эскадрильи проходили над островом.

Очевидно, летчики все же не заметили его сигналов. Линдалю с большим трудом удалось победить глухой страх. Он понял, что и в наш двадцатый всемогущий век человек может заживо сгнить на необитаемом острове. Линдаль начинал уже серьезно подумывать о путешествии на соседние острова. Он даже принялся шить парус из брезента, которым были укрыты ящики с продовольствием. Они уже давно опустели, и Линдаль добывал себе пропитание охотой и рыбной ловлей.

В поисках добычи бродил он в один из дней по восточной оконечности острова. Спускаясь к морю, он всякий раз поражался, как резко меняется ландшафт. После получасовой прогулки по лесу он вышел на совершенно открытое каменистое плато, которое круто обрывалось к морю. Там, среди черных скал и отшлифованной прибоем пемзы, скрывалось одно из последних прибежищ большой колонии морских игуан.

Во время отлива ящерицы спускаются со скал, чтобы полакомиться водорослями, оставшимися на берегу после спада воды. Линдалю повезло. Он застал животных в период спаривания, когда самцы становятся необычайно агрессивными.

Лежбище напоминало гигантскую гладиаторскую арену, вернее, средневековое ристалище. Обычно самцы выбирают небольшие площадки, где поселяются с несколькими самками. Если к облюбованному месту посмеет приблизиться соперник, хозяин становится в угрожающую позу и начинает запугивать. Он грозно топорщит колючий гребень, разевает красную, как огонь, пасть, долго кружит на одном месте и ритмично покачивает головой. Если незванный пришелец не отступает, начинается поединок.

Притаившись за огромным, поросшим золотистым лишайником камнем, Линдаль следил за двумя готовыми вступить в драку самцами. Вот, нагнув головы, соперники устремились друг другу навстречу и, столкнувшись лбами, в напряжении остановились. Так продолжалось минут семь, пока пришелец не сдался на милость победителя. Он покорно распластался и застыл в самой смиренной позе. Победитель даже не прикоснулся к поверженному врагу. Сохраняя гордый и угрожающий вид, он ждал, пока побежденная игуана уползет прочь. Эта сцена действительно напоминала те старинные рыцарские турниры, где противники мерились силами, но не наносили друг другу увечий.

Линдаль восхитился целесообразностью природы. Он понимал, что игуаны руководствуются инстинктом сохранения рода, ибо, пустив в ход острые зубы, они, несомненно, нанесли бы друг другу серьезные ранения. Мудрый инстинкт дает возможность слабейшему из соперников, обычно молодому самцу, достигнуть зрелости и полной силы.

Наблюдая за игуанами, Линдаль ни разу не взглянул на море. А он мог бы разглядеть на горизонте темную черточку. Это на всех парах шел к острову небольшой серо-голубой миноносец под флагом американских военно-морских сил.

...Оказывается, сигнал Линдаля заметил летчик ночного бомбардировщика, базирующегося на только что выстроенном аэродроме на острове Бальтра. Командование военной базы забеспокоилось, решив, вероятно, что необитаемый остров Эррахуэс сделался прибежищем японских шпионов, и выслало на разведку миноносец.

Когда Линдаль, ошавев от радости, целовался с янки и перетаскивал в мотобот коллекции и убогие пожитки, он даже не вспомнил о Киде. Нет, он не забыл о нем, он просто не вспомнил. Здесь есть большая разница. Человек живет не только умом, но и сердцем. Сердце Линдаля не забывало о Киде, но мозг, всецело занятый общением с людьми, общением, о котором он истосковался до предела, не вспомнил о дельфине.

И лишь когда на миноносце заработали машины и Линдаль

последний раз взглянул на свой остров, он вспомнил о Киде. Линдаль стоял на корме и разговаривал с молодым капралом морской пехоты. Капрал сидел на корточках, обхватив обеими руками автомат, и засыпал Линдаля вопросами. Его интересовало буквально все: что Линдаль ел, на каком месяце одиночества прикончил последний запас спирта, как обходился без девочек.

Мысль о Киде острой болью отозвалась в сердце Линдаля. Он готов был кинуться к капитану и умолять его подождать с отплытием или же просто прыгнуть за борт и вплавь добраться до берега.

— Кид! Кид! Кид! — закричал Линдаль, сложив руки рупором.

И дельфин услышал его. На миноносце не успели еще выбрать якорь, как Линдаль заметил Киду. Животное не плыло — оно летело на зов. За несколько футов до корабля дельфин взвился в воздух. Линдаль протянул к нему руки, пытаясь не то что-то сказать, не то обнять Киду. У самого уха Линдаля коротко пророкотал автомат. Не закончив красивую параболу, дельфин рухнул в воду и скрылся под волнами, оставляя на поверхности кипящие красные пузырьки.

— В самый раз! На взлете, — сказал капрал.

Линдаль издал какой-то хрип и, бросившись на капрала, сбил его с ног. Ожесточенно, в полном молчании он бил его головой о палубу. Линдаль не чувствовал ни того, как его оторвали от лежащего в беспамятстве американца, ни того, как его сначала долго били ногами, а потом бросили в тесное темное помещение под самым камбузом.

...Линдаль был уверен, что американец убил Киду. Иначе бы он вернулся на остров.

В Англии Линдаля никто не ждал. Ведь была получена весть о его гибели. На песчаной мели пустынного берега Флориды обнаружили перевернутый «Галапагос» и, не найдя следов Линдаля, решили, что его уже нет в живых. Родители Персиваля сильно сдали, мать почти ослепла от слез. Жена... Не то чтобы она нашла себе кого-то другого, просто уже больше не ждала. Не ждала, и все.

Да, если бы Линдаль знал, что Кид выжил, он бы вернулся. Но он не знал. Линдаль поступил в королевский военно-воздушный флот. Бомбил нацистские морские караваны. А в 1943 году его сбили над Нормандией.

Вот и вся история про Линдаля...

А Кид остался жив. И все время ждал, что Линдаль вернется. Он и теперь, наверное, ждет. Вот вы улыбаетесь, а я знаю, что Кид ждет Линдаля.

После того как американцы построили на Бальтре свою базу, Черепашьи острова перестали быть уединенным местом затерянного первобытного счастья. Теперь туда часто заходят корабли, да и туристы приезжают. Приезжают они и на Эррахуэс. И как только к подводной гряде рифов подходит какой-нибудь корабль, к нему подплывает дельфин. Наверное, он думает, что на этом корабле возвращается Линдаль. Дельфин пристраивается к носу корабля и плывет вперед, все время оборачиваясь, точно приглашает следовать за собой. Он ведет корабль к единственному проходу в рифах, откуда открывается вид на большой галечный пляж. За это моряки и прозвали его лодманом.

А что он белый — выдумали писатели. Они сочинили и трогательную историю о том, как дельфин-альбинос был изгнан из родного стада и приплыл к человеку.

Но Кид не альбинос, он обыкновенный дельфин...

Конечно, можете улыбаться сколько угодно, но поговорите с акустиками тех кораблей, которые ходят у побережья Центральной и Южной Америки. Они вам многое могут рассказать! Достаточно появиться около корабля дельфинам, чтобы гидрофоны уловили их крики. И как вы думаете, что они кричат?..

«Персиваль! Персиваль!» — вот что они кричат. И это не один Кид, а все дельфины той части Тихого океана. Все дельфины, понимаете?

Вы удивляетесь, потому что вы не натуралист. А будь вы натуралистом или океанологом, вы бы иначе отнеслись к моему рассказу. Какие б диковинные вещи я ни услышал о дельфинах, я не удивлюсь. Потому что я знаю, что такое дельфин. Вы послушайте, что пишут сейчас о дельфинах... Я вам прочту... Подождите, только найду это место. Ага! Вот оно! Слушайте...

...Мозг дельфинов по весу, строению мозговых извилин, количеству нервных волокон в кубическом сантиметре очень похож на человеческий. Более того, как показывают наблюдения, у дельфинов есть сложная система сигнализации, своеобразный язык. Одинокий дельфин удивительно молчалив; два дельфина оживленно обмениваются сигналами; когда же их много, они болтают без умолку. Впрочем, нашим человеческим ушам их болтовня не грозит: дельфины общаются в ультразвуковом диапазоне. Но слышат они звуки вплоть до частоты 120 тысяч герц, тогда как предел слышимости человека лишь 20 тысяч.

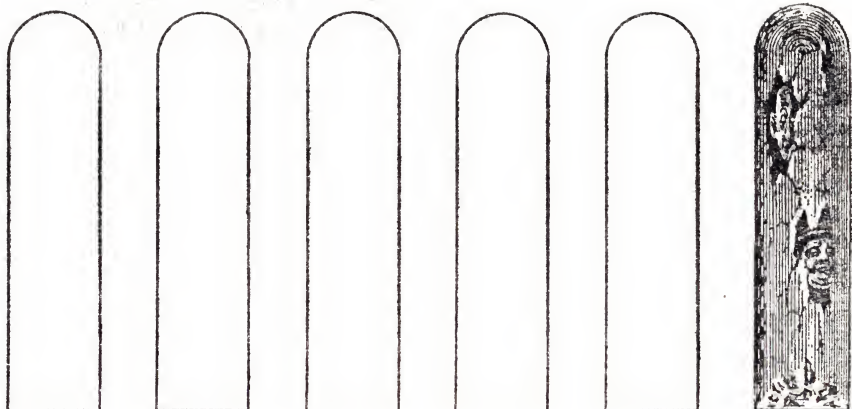
Язык дельфинов отличается удивительной особенностью. Дельфины похожи на музыкантов, которые, беседуя, аккомпанируют себе на пежной арфе, подчеркивая мелодией свои слова.

16 апреля 1960 года профессор Джон С. Лилли с помощью элек-

тронных приборов установил, что дельфины обогатили свой лексикон человеческими словами. Фраза, сказанная Лилли, была повторена дельфином. В ходе дальнейших опытов выяснилось, что это отнюдь не случайность: дельфины подражали человеческим словам и даже смеху.

По способности запомнить и воспроизвести непонятное слово дельфины превосходят детей, попугаев и даже... взрослого человека. Они воспроизводят услышанное с первого раза и в совершенстве! Что это? Необычайная способность к подражанию или нечто большее?

Я все чаще начинаю сомневаться.... Одним словом, только ли нас, людей, имела в виду природа, когда задумала создать мыслящее существо?

Слеза Большого водопада *

1

Дик не мог позволить себе роскошь далее задерживаться на Роковой стоянке Мучительных Раздумий. И так уже румберо * поглядывают на него с удивлением. Еще день-два, и они начнут относиться к походу как к пикнику, где можно хорошо поесть и вдоволь поваляться на травке. Он, кажется, их совсем распустил.

Поводом для этих раздумий и колебаний явилось резкое сокращение провианта. Осталось всего сорок фунтов тапиоковой муки, бочонок тростниковой водки качасы, двадцать пять фунтов шарке **, немного масла и ящик сахара. Есть еще отличный кофе. В лучшем случае всего этого хватит на три недели. Не больше. А неизвестно еще, сколько времени предстоит пробыть в Шингу. Придется сократить пайки и восполнять дневной рацион за счет охоты. Благо охота здесь чудесная. Зверье совершенно непуганое.

Пока румберо Мануэл и Энрико будут красться за дичью, Дику нужно окончательно решить, куда направиться дальше. Все попытки найти золото ни к чему не привели. А раздумывать некогда, совсем некогда. Ноябрь уже на носу. По самым оптимистическим подсчетам, в его распоряжении будет еще каких-нибудь сорок дней. С декабря по конец апреля открывается сезон дождей.

* Проводники (португ.).

** Сушеная говядина.

В это время Шингу превращается в вышедший из берегов ад. Впрочем, слово «ад» уже давно ничего не объясняет. Люди придумали много такого, что оставляет далеко позади мрачную фантазию господина Сатаны и господ Астарота, Велиала и К°...

«Минисауа-Миссу». Так свистят змеи. На стоянках Энрико по обычаю гуарани окружал лагерь кольцом сухих банановых листьев. Как бы ни был осторожен и легок пружинящий шаг ягуара, его выдадут шуршание и треск сухих банановых листьев, желтых и скорчившихся от солнца. Но змеи струятся бесшумно. Голубые ручьи с прихотливым узором желтой пены, нежно-сиреневые лианы с белой мозаикой лишайника, длинные серо-зеленые побеги гевеи с завораживающим взглядом ацтекских глаз — вот что такое змеи.

...Жгутом блокируйте вены над местом укуса, посыпьте ранку порошком и подожгите его, раскалите на огне мачете и старайтесь не втягивать ноздрями дым вашего мяса; не забудьте, наконец, и о сыворотке из Буантанана... Если вам повезет и через три недели из душного бреда вы выползете на белый свет, шатаясь и жмурясь, благодарите небо. А еще лучше, богов этой страны: Солнце, папашу Мавутсинима. Но лучше всего купите плащ из кожи анаконды. Семь лет неуловимый для человека запах царицы змей будет защищать вас от всяких ядовитых тварей.

Анаконда. Вы, конечно, видели ее в кино. Помните, как смельчак-одиночка охотится на анаконду? Добродушное чудовище пенит воду, рвется из объятий супермена, а «случайно» оказавшийся рядом кинооператор зарабатывает на каждом метре пленки двадцать долларов. Здесь все правильно. Никаких комбинированных съемок. И все-таки это самый паглый и страшный обман.

Спросите индейцев и серингейро, бразильских трапперов и золотомойщиков, и они вам скажут, что нет в мире ничего страшнее анаконды. Бассейны рек Парагвай, Арагуая, Токантино и Манисауа-Миссу — это владения анаконд. Ни за какие деньги вы не заманите туда бразильеро. В среднем только двенадцати из каждой сотни удавалось пройти по этим рекам. Остальные восемьдесят восемь исчезали.

Анаконда в двадцать — двадцать пять футов не редкость. При известной сноровке ее действительно можно схватить руками за глотку и выволочь на берег. Из ее желто-зеленой или красновато-белой кожи делают плащи, изящные сумочки и туфельки для красавиц Копакабаны. Мясо ее тает во рту. Но анаконда в сорок и более футов — апокалипсическое чудовище, иррациональная хищница. Уоллес нашел на Амазонке дохлую анаконду в тридцать восемь футов. Она умерла, не сумев переварить целиком прогло-

ченного буйвола. Такие исполинские экземпляры встречаются не часто, но следы, которые змеи оставляют в болотах, бывают иной раз шириной в шесть футов. По сравнению с таким псадином ада даже змея Уоллеса будет выглядеть карликом. В Бразильской комиссии по определению государственных границ хранится череп анаконды, достигавшей восьмидесяти футов! Она была убита на реке Парагвай.

Дай вам бог никогда не встретить змею высотой с восьмиэтажный дом! Есть вещи, которые человеку трудно пережить. Страна анаконд — это далекое прошлое. Юрские гнилые болота, меловые озера, мезозойское жаркое небо. Человека тогда еще не было на земле. Природа уберегла его от этого зрелища. И потому не надо ему ходить в страну анаконд!

Шла восьмая ночь путешествия по Манисауа-Миссу. Ярко пылал костер, дыша смолистым и горьковатым мускусом дикого ореха пеки. Где-то внизу в прохладной темноте бормотала река, качая надежно привязанный плот. Метались светлячки, кричали арары. Завернувшись в плащи из теплой и мягкой шерсти ламы, похрапывали румберо. Ночной ветерок изредка трогал сухие банановые листья, заставляя вздрагивать и оборачиваться. Костер уже один раз прогорел. На нежных, как шиншилловый мех, пепельных углях томится завернутое в ароматичные листья мясо пекари. Рядом на тихом огне печется миту-миту — большущий каштановый индюк.

Глупого миту-миту довольно легко подстрелить. Когда он поет, то не обращает внимания на посторонние звуки.

Заглядевшись на индюка, Дик не расслышал странного звука, похожего на тихий автомобильный гудок. Но звук этот не укрылся от спящего Мануэла. Он вскочил и, заслоняя ладонью от костра, прислушался.

— Ты слышишь, пачальник? Vichus! *

— Какие звери? Ягуар?

— Нет!

Он помотал головой. Отстегнул фляжку и выпил качасы. Глотал он крупно и жадно. Тонкими струйками водка стекала с углов его рта и сползала по запрокинутому подбородку за ворот. На мокрой шее метался малиновый отсвет костра.

— Смотри туда! — сказал он, с хрипом выдыхая воздух.

Дик глянул в темноту по направлению его руки. Сначала ничего, кроме крутящихся светлячков, не было видно. Потом показалось, что он видит неподвижные и немигающие рубиновые огоньки.

* Звери, животные (португ.).

Это могло быть миражем оттого, что долго смотрел на костер. Дик зажмурился.

— Видишь?

Открыл глаза, но огоньки не исчезли.

— Вижу... Кто это?

— Страшные bichus. Они сердятся. Слышишь, как стонут?

И тут понял Дик, что это были анаконды. Полчища анаконд, рассерженных и, вероятно, голодных.

— Разбудить Энрико? — спросил он, указывая на безмятежно храпевшего коротышку-кабокло *.

— Зачем? — Мануэл безнадежно махнул рукой.

Потом, втянув носом воздух, нахмурился.

— Это кайтиту так пахнет? — спросил он, кивая на завернутую в листья свинью.

— Да. И миту-миту тоже.

— Их надо убрать. Запах дразнит чудовищ.

— Куда убрать? Бросить им?

— Не дай бог! Это только привлечет их к нам.

— Тогда сжечь?

— Жалко... Давай их лучше съедим.

— Браво, Мануэл! Ничего лучшего, конечно, в данной ситуации не придумаешь.

Они растолкали Энрико и разъяснили ему обстановку. Опухший от сна, он мотал головой, тер глаза и судорожно позевывал. Когда до него дошло, в чем дело, он глотнул качасы и молчаливо принялся раздирать дымящееся душистое мясо.

Это был пир во время чумы. Поглядывая на рубиновые огоньки и внутренне содрогаясь от ужаса, они остервенело уничтожали свинку и индюка. Приходится только удивляться, как удавалось им проглатывать такие огромные, еще не успевшие остыть куски.

Заедали мясо медом диких ос, добытым Энрико еще на прошлой стоянке. Скоро все вокруг стало липким и сладким. Ствол винчестера двадцать четвертого калибра лоснился, как от обильной смазки. Пришлось убрать оружие с колен куда-нибудь подальше. Все равно оно бы не помогло, напади на них вся эта красноглазая шайка.

Скоро захотелось пить. Но по какой-то странной случайности воды в ведре для питья оказалось на самом доньшке. Спуститься за водой к реке было равносильно самоубийству. Пришлось выпить качасы, которая к пожару в глотке добавила пожар в желудке. Клин вышибают клином. Чтобы не думать о воде, Дик подлез

* Метис.

поближе к костру и попытался уснуть. Энрико остался за часового. Мануэл велел ему поджечь банановые листья, если анаконды подползут ближе.

Кости пекари и миту-миту они сожгли.

Неожиданно для себя Дик перестал вдруг думать об анакондах и провалился в какие-то голубоватые чащи. Перистые тени неведомых растений убаюкивающе склонились над ним, закачались в его утомленном и заблокированном алкоголем мозгу. Проснулся он от крика Энрико.

— Вставайте!

Он вскочил на ноги, слепно ища в траве свой винчестер.

— Перикох! * — послышалось из ночи. — Перикох!

— Кто ты? — спросил Мануэл на языке гуарани и взвел затвор.

— Перикох! — донеслось из темноты.

Ночь близилась к концу. Померкли светлячки. Ушли в темные, подернутые туманом воды почные красноглазые призраки. Где-то вдалеке хрюкал тапир, хохотали спросонья обезьяны-ревуны.

— Отвечайте, кто вы, или мы будем стрелять! — крикнул Мануэл.

— Перикох!

— Он, наверное, не знает гуарани, — высказал предположение Энрико.

— Идите к костру! Только медленно! — скомандовал Мануэл по-португальски.

— Obrigado **.

Защуршали листья. Дик настороженно прислушался. Судя по шагам, человек был один.

— Стой! — распорядился Мануэл.

Мигнув Энрико, он вытащил из костра пылающую ветку и шагнул через границу ночи. После шелеста листьев и приглушенного говора в свете костра показались Мануэл и индеец с дротиком и духовой трубкой. Он был низкоросл, но крепко сложен и толстоуз. По деревянному диску на губах и характерной раскраске Дик узнал в нем индейца тхукахама. Это племя живет на севере Шингу, в районе великого водопада Мартинс. Ближайшими соседями тхукахама являются крип-акароре. И те и другие мирные племена.

Индеец огляделся и после минутного колебания направился к Дик. Вынув из головы желтое перо араара, он в знак дружбы положил его к ногам золотоискателя. Тот протянул ему свою трубку.

* Здравствуйте, я желаю вам добра, надеюсь, вы мне тоже.

** Благодарю (*португ.*).

Индеец присел на корточки и деловито, будто делал это всю жизнь, набил вересковый бриар табаком. Покурив, он передал трубку Мануэлу.

— Здесь очень плохие места,— сказал индеец.— Я проведу ночь с вами.

Дик кивнул головой.

— Как ты попал сюда? — спросил Энрико.

— Я иду в Днауарум. К миссионеру.

— Тебе нужны лекарства? — не отставал от него Энрико.

Индеец не ответил. Положив свое первобытное оружие подальше от огня, он застыл, похожий на языческого кумира.

— Так зачем тебе нужен миссионер?

— Оставь его в покое, Энрико,— сказал Дик.— Какое нам, собственно, до этого дело?

— Мигели* ищут самородное золото? — спросил тхукахаме.

— Откуда ты знаешь?! — воскликнул Дик удивленно и, пожалуи, даже немного испуганно.

— От ваура. Ты был в гостях в их деревне на реке Ферру.

— Ах вон оно что!

Дик действительно несколько месяцев назад посетил деревню ваура, представляющую собой десяток свайных хижин, крытых побуревшими на солнце пальмовыми листьями. Скрытая в зарослях пеки, деревушка приютилась на стрелке рек Ронуру и Ферру. Там, как и всюду, где только бывал, он расспрашивал о Золотом озере. И весть об этом невидимый индейский телеграф разнес по всей Шингу.

— Да, амиго, я ищу Золотое озеро.

Индеец кивнул головой и чуть подвинулся от огня.

— Что же ты слышал о нем?

— Многое. Журуна и кайяби говорят, что надо идти далеко, к диким племенам.

— Какие это племена?

— Мы называем их «люди». Они живут к югу от тех мест, где живет мое племя.

— Это племя не морсего?

— Нет. Морсего — это совсем дикое племя. Люди — совсем другое племя.

— М-да... Ну ладно. Больше ты ничего не знаешь?

— Знаю еще то, что рассказывал мне отец, который узнал об этом от брата своей жены.

— Что же он тебе рассказывал?

* Так индейцы называют всех белых. От испанского имени Мигель.

— Это долгая история. Я хочу сперва чего-нибудь поесть.

Дик дал ему сушеной говядины и несколько кейжу. Он с достоинством принял еду. Спокойно и неторопливо съел все без остатка и спросил чего-нибудь выпить.

— У нас нет ни касавы, ни чичи, есть одна качаса. Но я дам тебе ее только после того, как ты расскажешь все, что знаешь. Дела нужно вести на светлую голову, не затуманенную качасой,— сказал Дик.

Индеец согласно кивнул. Потом встал и бесшумно исчез в темноте, Дик даже не услышал шороха листьев. Он был очень удивлен и подумал было, что индеец рассердился за отказ дать водку. Вернулся он так же внезапно и тихо. В руках у него было несколько молодых побегов капустной пальмы асаи, из которой бразильеры готовят свое излюбленное пальмито. Молча опустившись на свое место, он начал жевать побеги. Потом накрошил табачных листьев в трубку и, подцепив крохотный уголек, закурил.

— Вот что рассказывал мне отец, слышавший эту историю от старшего брата своей первой жены,— начал медлительное и зыбкое, как табачный дым, повествование тхукахаме.

Там, где Манисауа-Миссу вливается в могучую Шингу, есть небольшой водопад. Среди черных скользких камней растут самые большие орхидеи, вечно купающиеся в туманной пыли водопада. Воздух там всегда влажный и горячий, но свежий, как дыхание грозы. Мутная Манисауа-Миссу несет к водопаду древесные стволы и зеленые острова перепутанных лианами кустарников, цветущие ветки и мертвых крокодилов, огромные листья Царицы кувшинок *. Все это собирается у черных камней, нагромождается друг на друга, скрепляется речным илом. Так образуется завал, заставляющий Манисауа-Миссу искать обходные пути в Шингу. Только в сезон дождей, когда реки выходят из берегов, Манисауа-Миссу собирается с силами, приподнимает и обрушивает его в кипящую Шингу. А так она весь год пробирается в Шингу по обходным путям, через бескрайние непролазные болота.

В один из таких обходных ручьев и затянуло однажды плот с тремя караиба. Проводником у них был старший брат первой жены моего отца. Течение несло плот по темной, как чай йерба-мате, воде, крутило его, не давая караиба пристать к берегу. Да и берегов-то не было. Ручей рассекал на две бескрайние половины зловонное болото. Вокруг по течению неслись змеи, подняв над водой треугольные лакированные головы, и крокодилы, и черепахи, и большие броненосцы качикамо. Но никого из них нельзя было

* Виктория-регия.

поймать — так быстро несло плот. Только змеи иногда сами залезали на бревна погреться на солнце. Но караиба не радовались змеям и не хотели брать их себе в пищу. Они сбрасывали их прикладами обратно в воду, и змеи плыли дальше.

А еды у караиба было мало. Почти вся мука вышла, и не осталось у них даже тростника, который можно пожевать, когда хочется сладкого. Голодными глазами смотрели они на черепах, у которых такое вкусное зеленое мясо и такие нежные маслянистые яйца. Но что они могли поделать с течением, которое вертело плот? А может, они и не были такими голодными. Ведь у караиба кроме муки и мяса есть много других сытных вещей. Наверное, караиба все же не были очень голодны. Иначе бы они ловили несущиеся рядом ветки с плодами урукури. Но они не делали этого, поскольку знали, как обманчивы эти плоды. Только на вкус они сочны и благоуханны, а в животе становятся дьяволами и просятся паружу.

Порой плот задевал о воздушные корни, застревал среди сцепившихся стволов и ветвей. Но всякий раз течение срывало его и несло дальше. Караиба очень устали. Особенно один из них, который был болен и сильно хромал. Лучше всех держался старый караиба, высокий, как анст жарibu. Но ему тоже было нехорошо. Докучали мушки пиуме, кусающие человека в светлое время суток. И пчелки тиубе, забивающиеся в уши и ноздри, не дающие открыть рот. Даже особые сетки, которые придумали караиба для защиты от moskitov, не могли спасти от тиубе.

Только ночью, когда большое созвездие Рыбак начинает клонить свой ковш к воде, течение замедлилось, и плот умерил бешеный бег среди горячих и вязких трясин, где живут анаконды и кайманы.

Ручей вынес плот в большое черное озеро, в котором медленно колыхались звезды. Покрутившись немного, плот замер на самой середине. И караиба пришлось взяться за шесты, чтобы добраться до берега. Они вылезли на горячие камни, шатаясь от усталости. Даже костра не стали разводить и сразу же легли. А утром старший брат первой жены моего отца нашел золото. Вот все, что я знаю.

— А можешь ли ты провести нас к этому озеру?

— Нет, не могу. Старший брат первой жены моего отца не сказал, как его найти.

Но Дику суждено было найти это озеро. И вышло это случайно. А может быть, и не совсем случайно.

Приближался сезон дождей. Вода в Манисауа-Миссу стояла высоко. Срываясь белыми струями со скользких камней, река об-

рестала величавое спокойствие в туманной Шингу. Стремительные лохматые нити переплетались и теряли индивидуальность в бесконечном потоке ткани, медленно льющейся с циклопического ткацкого станка. Золото было в каждой пробе. Но мало. Слишком мало. За день удавалось намыть не больше, чем на несколько крузейро. Игра не стоила свеч. Дик облазил все рукава, все протоки. Иногда количество золотых крупинок в пробе начинало повышаться. Казалось, Дик напал на след. Но река играла с ним. След пропадал. Тогда он решил обследовать северный берег. Если река несла золото с равнины, то следы его должны были отыскаться в прошлогоднем иле.

Буйная зелень скрывала любые изменения, которые могли произойти здесь всего неделю назад. Все же, чуть ли не ползая с лупой по земле, он отыскал полосы наносов и разложившиеся кучи сплава. Он проследил трассу и с удивлением обнаружил, что на всем ее протяжении нет высоких деревьев. Кругом росли исполинские цекропии и бертолеции, а в узкой извилистой полосе — только мелкий кустарник и व्यюн. Настоящая просека. Это могло быть только одним из рукавов бифуркации. Причем постоянной, а не единичной, случайной.

И он решил пойти вдоль этой безлесной полосы. Румберо ворчали и проклинали день, когда нанялись на такую каторгу. Но когда Дик намыл песку сразу на двадцать долларов, они успокоились. На четвертый день пути прохладное зловоние и тучи комаров возвестили о приближении к озеру или болоту. Красноватая почва уступила место перегною, который упруго пружинил при каждом шаге. Лес сменился непролазным кустарником, и каждый шаг давался ценой поистине кавалерийской атаки. Мачете не знали отдыха. К счастью, полоса кустарника оказалась неширокой, и люди вступили в море шуршащих трав. Пришлось надеть рубашки с длинными рукавами. Саблевидные ленты с микроскопическими зазубринами на обоюдоостром лезвии нещадно резали руки. Грунт становился все более зыбким. Прежде чем сделать следующий шаг, приходилось уминать траву ногой, чтобы ступать не по земле, а по зеленовато-белому травяному настилу. Так было больше шансов не провалиться по пояс.

Но вот пошла уже окровавленная трясина: затянутые коричнево-дрянью ямы, окна черно-кофейной воды, поблескивающие сквозь слой зеленой сальвинии. Впрочем, гораздо большую опасность таили в себе скрытые травой участки. Вот где действительно можно было отдать богу душу! Приходилось внимательно приглядываться к каждому цветку. Цветы растений-амфибий красноречиво и честно предупреждали об опасности. Что же касается цве-

тов, растущих на сравнительно твердом грунте, таких проводники знали слишком мало.

Шестичасовой изнурительный переход оказался напрасным. Дальше пути не было.

Дик возвращался назад по беловатой дороге из травяных стеблей, чуть не плача от злости. Пот ел лицо, как серная кислота. Виски трещали под ударами пульса.

Из-под ног разбегались кузнечики и разлетались стрекозы. Над головами проносились цапли. «Цапли,— подумал Дик.— Цапли. Значит, там все же есть открытая вода. Может быть, даже то самое озеро...»

Он выругался тогда длинно и витиевато, как умеют только в Белене. Проводники остановились и переглянулись. Он выругался опять, уже короче, по-английски. Они пошли дальше. Легче ему не стало. И все же он решил сделать еще одну попытку прорваться к озеру.

После суточного отдыха они вновь пошли на приступ. Опухшие от укусов и полосатые от расчесов, четыре дня одолевали эти проклятые триста ярдов. В итоге кровью и болью своей проложили дорогу к озеру. Дорогу, в полном смысле слова вымощенную жердями и окрапленную потом.

Сразу же за болотом показалась узенькая кайма краснозема, обрывающегося над темневшим внизу озером. Во время паводка вода в озере, наверное, подымается вровень с берегами. Потом стремительно падает, размывая обрыв, увлекая комья красного суглинка и обнажая переплетения корней.

Дик промыл первый таз и вскрикнул. На дне поблескивали горюхины самородного металла. Дик бросил таз и лихорадочно огляделся.

— Кошачье золото! — облизываясь, прошептал Мануэл.

Вода в озере казалась черной. Впрочем, в Амазонии это не редкость. Образующиеся из отмерших растений гумусовые вещества, соприкасаясь с известняками, дают нерастворимые соединения, которые выпадают на дно.

Но знание и эмоции не всегда выступают заодно. Вид озера навевал тоску и тревогу. Синее небо померкло. Солнечный свет раздражал. Дик решил дать отдых людям и, чтобы развеяться самому, отправился побродить с винчестером вдоль береговой каймы. Но ему фатально не везло. С сорока футов он не попал в индюка. Злой и мрачный, продирался он сквозь заросли. Ядовитая улитка упала за шиворот, и шея тотчас вспухла. Жгло, как от горчичника. Поэтому, когда он заметил карабкающегося по стволу древесного дикобраза коэнду, первым его побуждением было вле-

пить в него добрый заряд. Потом стало стыдно, что он хотел сорвать досаду на ни в чем не повинном существе, совершить бессмысленное убийство.

Хорошо, что он не убил козю. Это всегда не к добру. Дик огляделся по сторонам и поразился тому, как мало видит сердитый человек. Поистине гнев ослепляет. Все, что он увидел сейчас, точно пряталось до последней минуты. Но как только он успокоился, мир для него вновь раскрылся.

Его заинтересовала нависшая над обрывом, увитая ползучими лианами скала. Захотелось взобраться на нее и попытаться разглядеть в бинокль противоположный берег. У подножия скалы зияла черная яма. Он склонился над ней, и на него пахнуло сыростью и каким-то странно влекущим запахом. Он попытался прислушаться к этому запаху, и тот сразу же показался отвратительным. Дик выпрямился и достал зажигалку. Но только он хотел поднести огонь к провалу, как оттуда неторопливо высунулась сатанинская голова...

В кошмарном бреду и то не привидится змеинная голова такой фантастической величины, абсолютно черная и сонно-равнодушная. Это был очень редкий вид черной анаконды. Ее называют «дормидера», или «сонливая», за характерное храпение, которое она обычно издает.

Но уставившаяся на Дика дормидера была молчалива и неподвижна. Наверное, он казался ей муравьем. В его руке по-прежнему была зажата горящая зажигалка, и он почему-то подумал, что зря выгорает бензин. О чем только не думает человек в самые ужасные минуты!

Но шевельнуться он не мог и стоял перед чуть покачивающейся головой словно загипнотизированный. А может быть, это и был гипноз. Во всяком случае исходивший от змеиной пасти запах опять показался влекущим и тревожным.

Внезапно черное лоснящееся тело напряглось, и змея выбросилась из пещеры, как стальная рулетка из гнезда или невиданной величины торпеда из пневматического аппарата. Чудовище молниеносно пронеслось мимо. Горящий фитилек зажигалки качнулся один только раз. Но Дик этот миг казался бесконечным, как все удлинняющееся чудовище с исполинской треугольной головой.

Дормидера и на землю-то шлепнулась, как торпеда на воду, чтобы скользнуть к неведомой цели, оставляя волнистый след встревоженной травы.

Дик сразу же ощутил странную пустоту и изнурительную слабость. Медленно опустил на траву, ожидая, что его сейчас вы-

рвет. И тут только почувствовал боль от ожога. Проклятая закигалка обожгла пальцы.

Потом он услышал тяжелый всплеск воды и нечеловеческий крик Энрико. Но тут, к счастью, сработала биологическая защита, и Дик потерял сознание.

Оказалось, что черная анаконда плюхнулась в озеро в каких-нибудь десяти шагах от того места, где Мануэл и Энрико ловили рыбу пинтадо, наживляя на крючок яйца саубе*. Ужас, испытанный ими при этом, был хорошо знаком Дику.

Не успели они прийти в себя после встречи с дормидерой, как услышали далекий гул, сопровождавшийся тихим свистом и потрескиванием. Они бросились разыскивать хозяина, чтобы рассказать о встрече на озере и о таинственном гуле, но его нигде не было. На выстрелы он тоже не откликался. Только через два часа они нашли его лежащим у скалы с белым, как сухой корень, лицом. Вот как долго был он в беспамятстве!

А вечером Мануэл и Энрико наотрез отказались сопровождать его.

Нет, они ни за что не пойдут дальше. Никакие уговоры не помогли.

Они уйдут от озера и вернутся проторенной дорогой к границе кустарника. Там построят жилище и станут ожидать до 15 ноября. Дольше они никак не могут. И так в их распоряжении окажется не больше двух недель, чтобы выйти к Шингу до начала дождей.

Простились рано утром. Они ушли в травы, унося с собой половину провизии, а также почти всю качасу. Дику было очень грустно глядеть им вслед. Хотелось крикнуть, чтоб они остановились и подождали. Но он не позвал их. И травы сомкнулись за Мануэлем, который шел сзади. Тогда Дик впервые за эти дни подумал о том, что было бы здорово найти сейчас те самые зернышки «бонц», которые так выручили его в прошлую экспедицию. «Слеза Большого водопада», так кажется называл их проводник тхукахаме...

2

Трансатлантический лайнер «Святая Мария» готовился покинуть порт Белен. Это было великолепное судно. Водоизмещение — 50 000 тонн. Скорость — 32 узла. Мощность главных механиз-

* Саубе (сауба) — муравьи-листорезы, употребляемые индейцами в пищу.

мов — 120 000 л. с. Плавает под бразильским флагом. Приписано к порту Рио-де-Жанейро.

Итак, лайнер «Святая Мария» готовился покинуть порт Белен.

«Лайнер? — ворчал Альберт Иванов. — Это лайнер? Старая, довоенного выпуска калоша, выкрашенная в белую и зеленую краску». Он пощупал бугристую поверхность влажного холодного поручня. Многократные наслоения краски образовали подтеки и наплывы на всех поверхностях, доступных кисти и пульверизатору корабельных маляров.

Альберт собрался было презрительно ухмыльнуться, но сдержался. Он подумал, что улыбка будет неправильно понята проходящими мимо людьми. Делая вид, что внимательно рассматривает порт, Альберт краем глаза косился на прибывших. Какая это была пестрая толпа! Богатые и бедные. С портфелями крокодиловой кожи, узлами, спиннингами, гитарами. Шуршит тропически, по-змеиному, тончайший белый шелк. Это не миллионеры. Это коммерсанты средней руки. Цвет кожи пассажиров различен, как цвет их чемоданов. От грубой, пупырчатой — темнокожих до атласной светящейся кожи леди неизвестных наций и таинственных профессий. Идут, идут. Англичане, испанцы, самбо, индейцы, мулаты, янки. Словно копыта по мостовой, цокают ноги по сходням. И все же они в чем-то очень похожи. Туристы, коммивояжеры, дельцы, просто личности. Повышенная внимательность друг к другу. Неистощимая готовность удивляться. Некоторая наивность на грани с глуповатостью. Они уверены, что все будет прекрасно. Это будет очаровательное путешествие. Их ожидают прелестные минуты, не правда ли? Все туристы мира уверены, что Вселенная существует только для того, чтобы раскрыть им свои ласковые объятия и принять нужную позу для фотографирования.

Альберт сердито отвернулся. Лучше в последний раз поглядеть на порт. На желтую вечернюю воду, на тюки с кофе, связки бананов, горы кокосов и таинственные ящики с броской надписью «*Coixa para transporte de serpentes*» *.

Он спортсмен и ученый, Альберт Иванов, кандидат наук и мастер спорта. К тому же хорошо владеет английским языком, что весьма облегчило ему поездку на конгресс ботаников в Рио-де-Жанейро. Как видите, он мог бы приехать в Бразилию не только на конгресс, но и на, скажем, олимпиаду. Вполне реальная вещь.

— Сколько у них парусников! — воскликнул Евгений Кулановский. Он стоял на борту «Святой Марии» рядом с Альбертом, рассматривал порт Белен и вступающих на палубу пассажиров.

* Ящики для перевозки змей (португ.).

Зеркало залива разрезали узкие лодки с косыми бурами парусами. И долго потом тянулся по воде острый, клином сходящийся след.

— Рыбацкая беднота. Мотора не на что купить, — ответил Альберт и еще тверже уперся ногами в палубу.

На набережной громоздились трех-, четырехэтажные дома с множеством розовых, голубых, зеленых окон. Дома подходили к самой воде, и паруса закрывали нижние этажи. В стороне темнел знаменитый причал Вер-о-Пезо, он был сейчас почти безлюден. Яркий звенящий праздник кончился. Верхушки пальм были так же неподвижны, как и стрелы порталных кранов.

Мимо Кулановского проходили пассажиры первого класса. Разноязыкий говор их все еще волновал его, хотя он уже привык ко многому за месяц командировки и беспрестанных перелетов.

Там, на берегу, говорил себе Кулановский, чужая, совсем особенная жизнь. За зелеными и малиновыми окнами скрывались местные красавицы — необыкновенные, удивительные женщины. Кулановский очень живо представил себе водопады черных волос, влажный блеск голубых белков, порывистые, нетерпеливые движения.

Я их никогда не увижу. Никогда. И они никогда не узнают, что я был здесь, стоял на палубе и тосковал о встречах.

Сколько несостоявшихся свиданий, сколько несказанных слов, несделанных дел, непознанных тайн. Сколько?

Тихая освежающая печаль пришла к нему. Ему было чуточку жаль себя. Жаль несодянного, несбывшегося.

Альберт тоже смотрел на Вер-о-Пезо. Он видел латаные паруса, окурки, конфетные бумажки и банановые корки, мерно покачивающиеся на мутной воде у самых свай, вспоминал, какая в Белене грязная набережная. Он вспоминал и запахи Вер-о-Пезо, и горло сдавливала спазма брезгливости. Он был рад, что уезжает отсюда. Он любил новые высокие дома, прохладные чистые стадионы и парки. Влажный отрезвляющий ветер. Здоровую ненаперченную пищу. Здоровый мир. Не то что здесь, где все быстро рождается, гнивает и умирает. Нет, тропики не пришлись по душе Альберту Иванову. Конгресс, на котором он так успешно выступил, был для него изнурительным испытанием. Неделя влажной банной жары, многоязыкая говорливая толпа, толчея, суета. И эта растительность. Они сами запросились в путешествие по Амазонке. Оно было кошмарным... А Женька в восторге. Несмотря на пивок, москитов и эту ужасную фей-жоаду *.

* Бразильское блюдо из фасоли.

Альберт краем глаза глянул на Кулановского. Темный профиль его казался вырезанным из жести. Сверхримский нос Евгения четко выделялся на матовом фоне моря. Женька сделал неплохой доклад, удачно и остроумно ответил на вопросы. Его заметили. Дома будут довольны.

Что же, все идет как надо. По приезде домой придется засесть за докторскую. Засядем! А пока смотри, смотри во все глаза. Еще не скоро представится тебе подобный случай. И Альберт смотрел.

— Гляди, какой типчик затесался в наш бомонд,— дернул его за рукав Евгений.

По трапу подымался небритый человек, одетый в поношенную, истертую на сгибах до известковой белизны штормовку. К солдатским брюкам прилипла красная сухая глина. Ботинки были разбиты вконец. Но человек выглядел сильным, гордым. Такими, наверное, были герои Джека Лондона. Шляпа тоже была под стать всему. С такой шляпой, конечно, выше третьего класса не поднимешься. И зачем он полез на лайнер международного класса? Самый затрапезный бродяга.

— Силен малый,— усмехнулся Альберт.

Кулановский внимательно рассматривал нового пассажира «Святой Марии».

Новичок живописен, решил Евгений, особенно на фоне остальной хлыщеватой публики. Но есть в нем какое-то несоответствие. Ага! Печальный усталый взгляд и воинственность амуниции. Такой наряд предполагает металлический блеск серых глаз, выдвинутую уютюм нижнюю челюсть и так далее. И напротив, теплым черным глазам незнакомца очень пошла бы, допустим, старая скрипка. Впрочем, такие руки не для смычка. А для чего? Для гитары, мотыги, кнута, винтовки?

— Симпатичный пиратик,— сказал Женья и чему-то улыбнулся.

3

Рибейра старался не привлекать внимания окружающих, но ему это плохо удавалось. Ступени трапа щелкали вызывающе громко. Ступая на палубу, он с треском зацепился карманом куртки за какой-то крючок. В довершение всего помощник капитана нарочито долго проверял его документы, что задерживало остальных пассажиров. Рикардо Рибейра, а проще Дик, не мог знать, что виной тому была не столько его внешность, сколько судьба, наградившая его билетом в четыреста первую каюту. Эта каюта пользовалась на корабле дурной славой. В ней всегда что-нибудь

случалось во время рейса. Кража, самоубийство или убийство из ревности. Один раз там даже нашла приют болотная гадюка, которая смертельно перепугала занявшего каюту миссионера.

Но бедняга Рикардо всего этого, конечно, не знал и во всем винил одежду.

«Проклятый паряд! Проклятый паряд! Ну ладно, там посмотрим, как эти господа будут обходиться с Диком Рибейра через полгода. И все же Мимуазе не стоило брать дорогую каюту. Все деньги ушли на билет. Конечно, их все равно не хватило бы расчитаться с толстым Педро, но приодеться бы он смог. Хотя в Штатах проделать все будет легче и дешевле. А сейчас не до переодеваний. Нет времени. Они идут по пятам. Быстрее, быстрее черт возьми».

Краем глаза он уловил приклеившихся к перилам двух тощих хлюпиков, которые таращили на него глаза. Мальчишки, вы бы еще рты пораскрыли! Не видели людей, которые возвращаются из сельвы? Мокрохвостые щепки! Хотел бы я видеть, на кого бы вы походили там! Дряни, побросать бы вас за борт. Скорее, черт возьми! И что этот толстяк копается? Неужели читать разучился?

— Документы в полном порядке, сеньор капитано,— льстиво осклабясь, сказал Дик. Проволочная щетина на его щеках и подбородке угрожающе оттопырилась.

«Конечно, в порядке, дьявол вас всех побери, ведь за это было столько заплачено! За это было заплачено все и всем. Молодец, Мимуаза, молодец, старушка, ты не подкачала. Не то что та, селедка, только знает пить да хныкать. Ну да ладно, я никого не обижу, когда вернусь, но, разумеется, Миму будет первой. Это не просто женщина, это друг. Скорее, черт побери, скорес! Нырнуть в каморку, пританься, затихнуть до самых Штатов...»

— Проходите,— помощник протянул Дику документы и отвернулся. Его спина выражала глубочайшее неодобрение тем, кто продал билет такому господину.

— Я пойду поваяюсь в каюте,— сказал Альберт и с холодным достоинством вклинился в толпу иностранцев.

Поток пассажиров почти прекратился. Пиратик, очевидно, был одним из последних. Недовольно и глухо в утробе корабля заворачивали машины. Застучали лебедки. Пронзительно, по-женски тонко завизжали в клюзах якорные цепи. Сейчас тронемся. Сейчас забурлит вода, и от борта к причалам побежит крутая мыльная волна.

Женя повис на перилах и приготовился смотреть.

«Чудак Алик, ушел в самую интересную минуту».

Стало еще темнее, вода блестела, точно покрытая слоем жира, в порту Белеи зажглись разноцветные огни, море подмигивало дьявольскими красными глазами. Раскаленные змеи плясали в лакированной глубине.

— Каррамба! — пробормотал Женья, перевешиваясь через перила. Он увидел, как неизвестно откуда появившаяся лодчонка легонько клюнула носом в борт «Святой Марии». Две темные фигуры на лодке пришли в движение. У Кулановского слегка перехватило дух, но он еще сильнее свесился вниз. Не каждый день удастся увидеть, как на океанский лайнер забираются зайцы.

«Они выплыли из мрака. Под покровом темноты, так сказать. Убогая идея, конечно. А они разные, эти два человечка там, внизу! Один большой и неподвижный, словно черный угольный мешок, а второй помельче, все суетится, суетится. Э, что они там делают?»

Евгений увидел, как с лодки бросили стальную кошку. За ней по-гадючьи шмыгнула веревка. Евгению показалось, что якорь исчез в иллюминаторе каюты второго класса.

«Все понятно. Этим трап не нужен — у них свои пути. Налицо преимущество нетрадиционного мышления. Конечно, есть риск. Но он, говорят, облагораживает. Как и ожидалось, первым полез маленький. Толстяк его, кажется, пытается удержать, но куда там. Маленький рвется в бой. Быстро так дрыгает ножками. Отсюда, сверху, смешно наблюдать. Похоже, что руки и ноги растут у него из головы. И лодчонка качается, как престарелая утка.

Ого! Новое действующее лицо!»

Из иллюминатора высунулась лысая, в черном венчике волос голова и выкрикнула какие-то слова. Очевидно роковые, так как маленький оторопело застыл, затем молниеносно скользнул вниз.

«Ая-яй, лодка с толстяком за это время отошла, и малыши повис над водной пучиной. Хорошенькая альтернатива! Вверху грозная лысина, внизу море. Но нет, толстяк не бросил друга в беде: он сопит, как тюлень, он гребет, он идет к нему на выручку, и вот крошка вновь в своей колыбельке. То-то. Надо слушать взрослых. Лысина исчезает, потом вновь появляется и вышвыривает кошку, причем удивительно метко, прямо в лодку. Бах! С грохотом захлопывается иллюминатор. Справедливо и по-мужски. Бросайте в другие окна, а я занят. У меня послеобеденный сон. Ая-яй! Зайцы-то попались неугомонные! Они поплыли вдоль борта. Они ищут новых приключений. Их влечет незнаемое. И они, кажется, добьются своего. Опять! Неймется им! Ребята, а если снова вражьи лысина?»

Женья тихо повизгивал от восторга.

Живчик почувствовал, что веревка в одном месте сильно намокла и руки его с трудом держат скользкий канат.

«Проклятие. Проклятие. Пожалуй, не долезу. Слишком высоко для меня. Второй раз ползти по мокрой веревке. Стар я для этих штук. Стар. Но шеф сказал, что он никому не позволит даром есть хлеб. Врет он. Кое-кому позволяет. Образина. Скот. Скот! Грязный скот!! Вонючий скот с вонючими потрохами!!! Ох, не долезу. Руки соскальзывают. Еще совсем немножко».

Ленивец смотрел, как медленно лезет Живчик, и улыбался.

«Ползет, вельо*, ползет. Как шелкопряд по ниточке. Сытно жрать захочешь — поползешь. Нервничает, вельо. Зря нервничает. Боятся промахнуться, вот и нервничает. Немолод, но еще согдится».

Ленивец ощущал упругие резиновые борта лодки и тихонько рассмеялся.

«А ведь шеф у нас дурак. Дурак да и все. Он сказал тогда, что на это дело пойдут двое. Пойдет Живчик как опытный и старый. К тому же у Живчика хорошая реакция. Шеф так и сказал, мол, хорошая реакция. Умничает шеф, спортивные журналы читает. Науку под наше дело подводит. Аль Капоне ему спать не дает. И меня послал шеф. Сила, так сказать, и мощь. Вот как рассудил шеф. Ну и дурак, что так рассудил. По веревке ползать Живчику трудно, а мне и вовсе неважно. Еще неизвестно, пролезу ли в иллюминатор. Голова-то пройдет, а живот? Хотя, по правде, шеф не думал, что мы полезем в окошко...»

Ленивец перенес руки с бортов лодки на свой арбузообразный пивной живот и покачал головой.

«Середнячка нужно было посылать на это дело, а не нас. А еще лучше — двух середнячков. Вот и выходит, что шеф дурак. Глуло рассудил, хотя и долго думал. Ну наконец допел, вельо, а я-то думал, что снова свалится...»

Евгений Кулановский досмотрел захватывающую сцену до конца. Взбирающийся по канату Ленивец походил на гигантского клопа. Сравнение сразу снизило настроение. Стало не смешно, а тревожно. Ассоциативные связи увели в темноту, в бездну, где таилась опасность. Кто эти люди? Почему они бегут из прекрасного порта Белен? У них нет денег на проезд? Нет виз? Преступ-

* Старик (португ.).

пики, фальшивомонетчики, революционеры? Может, безумные диверсанты, цель которых — взорвать «Святую Марию»? У них все продумано до мелочей: и этот якорь с веревкой, и резиновая лодка, которую они втащили за собой в иллюминатор, предварительно выпустив из нее воздух, и время посадки, и способ ее. Все это не просто и неспроста. Нужно посоветоваться с Альбертом.

5

Пятидесятипятилетний сочинитель детективных и фантастических историй Питер Ик напоминал мушкетера. Он чуть-чуть подвивал седоватые локоны и в ниточку закручивал длинные усы. Он выгодно отличался от других пассажиров. Смотрел куда-то в недоступную даль, не разговаривал, был сдержанно вежлив и равнодушен. Он прошел по коридору подтянутый, выбритый, спокойный, как Атос в «Десять лет спустя». Долго и лениво ковырял ключом в замке каюты. Замок не открывался. Но мистер Ик не спешил и не раздражался. Привычный поток сознания давал ему возможность абстрагироваться от шумного мира.

«Не знаю ни одной каюты в мире, которая открылась бы сразу. Даже на сверхфешенебельных кораблях барахлят замки. Почему? Это одна из тайн моря. У него много тайн, в том числе и плохие замки. А может, дело не в замках? Возможно, я виноват? Я просто открываю эти запоры не по правилам. Не в ту сторону. Щелчок замка — первый звук в симфонии уюта. Эту фразу надо где-нибудь использовать. Ого!»

В лицо писателя были направлены два пистолетных ствола. «45 калибр», — молнией пронеслась мысль. Ленивец занял почти полкаюты. Живчик пританцовывал за его спиной, высунув руку с оружием через плечо приятеля.

Все трое стояли некоторое время молча.

— Чем могу быть полезен? — отрывисто спросил Ик. Голос его почему-то стал отдавать хрипотцой.

— Молчанием, — сказал Ленивец.

— Сохранением тайны на протяжении всего маршрута следования до Майами, — протараторил Живчик.

— Хорошо, обещаю, — сказал писатель, протягивая руку.

Последовали энергичные рукопожатия, после чего гангстеры покинули каюту. В проеме дверей промелькнули их забываемые фигуры.

Ик пожал плечами.

«Пат и Паташон. Клоунада. Стопроцентная рафинированная клоунада. Что они стащили?»

Он внимательно осмотрел каюту. Из-под койки торчал кусок темно-зеленой резины. Ик нагнулся и вытащил еще мокрую надувную лодку. «Образец МР-7 для ВВС США», — отметил писатель. Лодка была кое-как сложена и, очевидно, в спешке спрятана под кровать. Кажется, он помешал им. В лодке оставался воздух, в полости борта перекачивались большие пузыри.

«Оказывается, они ничего не стащили, а, напротив, даже оставили. Аванс за молчание и сохранение тайны на протяжении маршрута следования до порта Майами, как выразился маленький клоун. Что ж... В этом что-то есть. Стоит подумать...

Забавные ребята. Классические неудачники из гангстерского фильма. У меня, по-моему, тоже были такие герои. Один — пронира, другой — неуклюжий. Один — толстяк и глуп, как тюлень, другой — проницательный шустрик. Впрочем... Глуп ли этот только что вышедший отсюда пузан? Глазки у него маленькие, зашлыбавшие жиром, но острые, ощутимо острые, точно сапожные гвозди. Глаза нельзя уподобить гвоздям. Значит, взгляд у него, как гвоздь. Взгляд, т. е. смотрение, или глядение, — это процесс, а процесс нельзя сравнивать с гвоздем. Фу, черт! Значит, этот толстяк смотрит, как будто вколачивает в человека маленькие необыкновенно острые сапожные гвозди. Так точнее, но очень длинно. Ладно, сойдет...

Итак, они приплыли на резиновой лодке, забрались ко мне в иллюминатор, который я никогда не закрываю, и, пригрозив пистолетом, выбрались в коридор. Теперь эти ребята — пассажиры «Санта Марии». Таковы факты. Вопросы: Что им здесь надо? Кто они? Цель?

Ответ. Не все ли равно?

Это мой хлеб, и я бы мог разгадать смысл их появления. Я один знаю их тайну. Да, один.

К черту! Пусть шатаются по кораблю, убивают, грабят, режут, насилуют — меня это не касается.

Тем более что я дал им слово...

Слово, данное преступнику, недействительно.

Кто сказал, что они преступники?

Подозреваемые в преступлении. Только суд может объявить человека преступником. Презумпция невиновности, так сказать.

Возможно, в Соединенные Штаты бегут два честных самоотверженных патриота. Их цель — найти и добиться справедливости. Их цель?..

Не все ли равно?

Если бы люди только знали, как мне все равно. Если б они знали! А может, они знают, но ведь им тоже все равно? Надо мной

белый, выкрашенный масляной краской потолок, а на нем я вижу следы мушинных лапок. Когда красили этот потолок, было очень жарко, и, должно, маляр не закрыл иллюминатор. Портовые мухи, мухи из доков залетали в каюту и гибли в струе пульверизатора. Их нежные крылышки тяжелели под свинцовыми каплями краски. Они садились на потолок, оставляя роковые следы, которые я, старый писатель, выдумавший сто семьдесят книг, сейчас тщательно и равнодушно рассматриваю. Почему меня интересуют следы мух, а не следы гангстеров, только что побывавших в моей каюте? Бедные мухи. Бедные гангстеры.

Какая глупость! Бедная моя третья жена. Когда мы прощались, на ее лице была ненависть. Она ненавидит меня! Какая она счастливая: она способна на ненависть.

А мне все равно.

Совсем недавно я понял, что чистилище, пожалуй, почище ада. Чистилище... чище. Проклятый профессионализм. Слова, как четки. Сколько ни перебирай, новой мысли не изобретешь...

Зачем я еду в Майами? Зачем я сюда ездил? Гонимый ветром пыльный старый лист, приют последний ищешь и найти не можешь. Откуда я? Куда я? К кому?

Моя третья жена меня ненавидит. Прекрасное открытие, но ведь и это мне все равно. Как и любовь тех двух, до нее.

Что мне делать?

Кричать? Я уже кричал. Я много кричал. Я писал книги, и каждая из них по-своему кричит. Обложкой по крайней мере. Особенно последняя хороша. Рука скелета разрывает декольте туго обтянутой в фиолетовый шелк блондинки. В ее расширенных глазах ясно читается ужас. Чувственные карминные губы полураскрыты. Она хочет кричать, но не может. Ее декольте кричит за нее.

А мне наплевать. Я всегда был такой. Меня никогда ничего не касалось. Да жил ли я? И это жизнь? И это все?

О господи!

Даже умереть мне лень.

С чего начинается тоска? Как она приходит к человеку? Сначала словно ветер коснется лба, а потом вот сюда, под горло и на грудь, ложится лапа. Сперва не ощущаешь ее, она будто в перчатке, но уже через минуту-другую начинаешь понимать, что попался. И давит, и жмет, и выдавливает из тебя последнее. Вытесняет из тебя жизнь, подменяет ее смертной субстанцией.

Равнодушие.

Я ничего не хочу.

Ничего.

Стрингуляционная линия рока. Это надо запомнить».

В это же время Альберт Иванов, как и писатель Питер Ик, лежал в своей каюте и смотрел в потолок со следами мушиных лапок.

«В Америке у меня только одно действительно важное дело, которое следует провести с величайшим старанием. Мы, несомненно, посетим лаборатории Фредриксона, а также несомненно, что он расскажет о своем последнем синтезе. По слухам, он назначен комитетом к Нобелевской по биологии. Зачем же темнить, уважаемый мистер? Вы работаете не на фирму, всем в мире известны ваша фамилия и ваши работы, не так ли? Тогда спрашивается: какого черта вы публикуете невоспроизводимую методику? От кого вы прячете то, что прятать фактически уже не имеете права? Вопрос этот острый, но поставить его придется...»

— Слушай, Алик, я сейчас наблюдал вторжение зайцев, — Евгений влетел в каюту, повалился в кресло и взял с койки Иванова раскрытый биохимический журнал.

«Молоток, Алька, ни минуты даром не упускает. Вот лежит, и не просто лежит, а со значением. Журнальчик почитывает. И не Playboy какой-нибудь, не Beauty Parade, а научный журнал. А я? Что я? Ничего. Нет, легкомысленный я человек».

Евгений вздохнул и сунул журнал Иванову под бок.

— О каких зайцах речь, Женья?

— О безбилетных. О тех, за которыми гоняются ревизоры, которых ловят, цапают, уличают, ссаживают и которые, размазывая сопли на потной груди, плачут и просят к маме. Хотя те, кого я видел, к маме не попросят. И плакать они тоже, пожалуй, не станут. Но все равно это типичные зайцы.

— Почему ты так решил?

— Да потому, что я сам все видел. Персональными глазами.

— Ну, расскажи.

— После того как ты отчалил, сказав, что пойдешь новалеянешься, а сам принялся штудировать последнюю работу Фредриксона, я остался в зыбком одиночестве, так как посадка кончилась и все пассажиры рассыпались по своим каютам. Я поплеываю себе в океан и вдруг вижу: к борту нашего лайнера причаливает лодка, и два типчика по веревке забираются в каюту второго класса. Иллюминаторы кают этого класса самые нижние, как раз над водой.

— Им выбросили конец из какой-нибудь каюты?

— Наоборот, они забросили ее в иллюминатор. То есть не ее, а его, коль скоро тебе угодно величать веревку концом.

— Как же она не свалилась? Не упала в море? За что она зацепилась?

— На конце был якорь. Маленький якорь.

— И ты все это разглядел? В темноте? На расстоянии?

— Расстояние небольшое, да и темнота неполная.

— Интересно.

— Не правда ли?

Оба молчали.

Альберт Иванов определил свою позицию. Он ни за что не станет вмешиваться в это дело.

— Нас это не касается,— твердо сказал он, словно ставя точку в конце абзаца.

Евгений тоже не собирался вмешиваться. Он все прекрасно понимал. Отгородиться, конечно, проще пареной репы. Отмахнуться, сделать вид, что не заметил, уйти в кусты, дать стрекача — это любой сможет. А если разобраться? Конечно, возможности небольшие, португальский язык для них дремучий лес, да и обстановка неподходящая. Они всего лишь туристы. Что они могут? На что имеют право? Да ни на что! И все же...

— А если они подорвут наше корыто? — ехидно спросил он.

— С чего бы им это делать? — сердито возразил Иванов.

— Гангстеры народ такой,— уклонился Кулановский,— кто их знает. Может, чью-нибудь богатую бабушку надо ликвидировать. Вместе с пароходом это очень даже способно. Потопля бабуся, мир праху ее. Пусть теперь тешит ее Нептун. А наследство подайте на блюдечке. Очень просто. Фирма «Убийство».

— А сами?

— Сами! А резлодка на что? — продолжал развивать фантазию Женя. — Да и мешочки какие-то там были. Возможно, акваланги. Пока мы будем корчиться в смертельных судорогах на пылающем лайпере, бандиты, медленно шевеля ластами, поплывут к ближайшему атоллу, где их ждут пальмы, кока-кола, туземки и гонорары... А может, кто-то хочет получить крупную страховую премию...

Они вновь помолчали.

— Тьфу, черт! — Альберт подскочил и рассмеялся, — как я это сразу не понял?

Евгений с интересом повернулся к приятелю. В общем он был высокого мнения об умственных способностях Альберта. «Есть в нем что-то такое... выделяющее его среди других. Он не гений, но и далеко не стандарт. Всегда на полшага впереди. Вот и сейчас. Он уже понял. А я еще даже не начал что-либо понимать. Но что он понял?»

— Ты меня разыграл! — заявил Альберт.

«Ясно, Женька, этот пройдоха, этот Лис Патрикеевич, решил разнообразить наше путешествие. Прогулка на корабле всегда немножко скучновата. Не хватает перца. Вот он и сочинил».

— Ах вот, что ты понял, — Женька даже не улыбнулся. «Я всегда переоценивал людей. А почему? Разновидность комплекса неполноценности. Ладно. Что будем делать?»

— Что будем делать? — спросил он.

Альберт насупился.

— А почему, собственно, надо что-нибудь делать?

Он вытянулся и взял статью Фредриксона.

— Я лично не хочу ничего делать. Да и тебе не советую. Не вижу оснований. Мало ли зайцев прыгает по земному шару.

Женя внезапно ощутил, как по полу каюты прошла легонькая, едва уловимая дрожь. Это заработали гребные валы.

— Э, да мы наконец двинулись! Пойду посмотрю, — оживился приунывший было Женя.

Выходя из каюты, он сказал:

— Все же ты неправ!

Альберт исподлобья глянул на закрывающуюся дверь. Перевернул несколько страниц и стал читать выводы.

«Проведенная работа дала обнадеживающие результаты... Обнадеживающие! Чертов скромник».

Евгений стоял на палубе и смотрел на удалявшийся берег. Прощайте, дворцы и фавелы, араукарии, пальмы, модернистские церкви и кино. Прощай, залив, и город, прощай, фрукты, острые блюда, мулаты и вездесущие вывески «Дентишта», «Венеросого», «Адвокато»... Почему так грустно? Что мне этот город и что я ему? Мы не знаем друг друга, мы как случайные прохожие, которых связала вдруг невидимая и довольно прочная нить. Теперь она рвется, и мне больно.

Кулановский напряженно всматривался в горящие в ночи огоньки. В памяти навеки отпечатался плоский низкий берег, старые двух-, трехэтажные дома, мачты рыбацких парусников, тусклые воды залива.

«Провинция, глубокая провинция. Невзрачные ворота в рай и ад южноамериканских дебрей. И запах-то от тебя такой же, как от всех не очень преуспевающих портов. Плесень, гарь, тухлятина, подгоревшее масло. Нет, последнее, кажется, местного значения. На «Святой Марии» всюю работает кухня, то есть камбуз, который обслуживает три ресторана и многочисленные буфеты. Оттуда и запах масла. Работа двигателей слышна везде. Почти неощутимо, но энным чувством знаешь, что мотор в порядке, ко-

рабль движется. А вот там поют под гитару. Это из третьего класса. Хорошо поют, задушевно. Наверное, тот здоровенный мулат, которого я видел при посадке в компании таких же силачей.

Размягченное тихое ожидание. Светлая грусть, высокая тоска расставания. С кем? Расставание с несостоявшимся, прощание с несбывшимся. Глупо, но приятно. О чем я грущу? Если рассказать Алику... Смешно, ей-богу. Злополучный иллюминатор как раз подо мной. Если спуститься во второй класс, то довольно легко найти эту каюту. Каюту, где сидят два субчика. И что потом? Можно постучать. Фу, какая ерунда! Нет, но посмотреть-то можно? Кюта должна находиться как раз напротив трапа на солнечную палубу. Да здесь, кстати, свисает одна из веревок, которой крепят сходни. Вот и ориентир!»

Направляясь к трапу, он с удивлением ощутил, что ветерок с ночного удаляющегося берега принес тонкий запах ванили и корицы.

«Вот тебе и прогорклое масло! Настоящий именинный пирог».

Евгений прошелся вдоль застекленной галереи прогулочной палубы. «Двойная стеклянная преграда отделяет пассажиров класса люкс от дуновения свежего воздуха, который им, впрочем, не так уж и нужен. У них эр-кондишен. Узкие переходы, едва-едва разминуться, латунные поручни жарко надраены и блестят, как позолоченные. Трап. Палуба. Еще один трап. Включили освещение. Это хорошо. Но почему разноцветные лампы? Ага, для красоты. На одной палубе у вас лицо фиолетовое, на другой — зеленое. Приятно, конечно. А вот и таинственная каюта. Точно ли я рассчитал? Да, кажется, вполне точно. Пройдусь мимо с озабоченным видом по направлению к той симпатичной надписи «Для джентльменов», а поскольку я таковой, то мне туда прямая дорога».

Дверь поднадзорной каюты хлопнула, из нее вышел сухонький стройный человек и ленивой походкой направился к надписи «Для джентльменов». Длинные локоны его были слегка завиты, а усы закручены в тонкую ниточку.

Женя даже споткнулся от неожиданности.

«Каррамба! Ошибся каютой? Исключается. Она одна в этом месте. Здесь угол, других помещений нет. Только эта каюта и стенка ресторана второго класса. Значит, сообщник? У них есть сообщник здесь, на корабле? Почему же он им не помог при посадке? Подойти и заглянуть, пока он отсутствует? Не глупи! Может, здесь дело серьезное. Иногда ведь стреляют через дверь. Лишних свидетелей нигде не любят. Никто никогда не любил свидетелей. Удалимся».

Питер Ик краем глаза заметил Кулановского и сказал себе: «Это не американец... и не англичанин. Концы шнурков не заправлены в ботинки. Кто же?»

7

— Сообщник? Не говори чепухи,— сердито буркнул Альберт,— стали бы они тогда так долго и нудно искать его иллюминатор. И этот якорь, если только он был на самом деле, а тебе не померещилось черт те что в потемках.

— Был, был.

— Нет, брат, здесь что-то не так. Ты ошибся каютой.

— Я проверил.

— Ну, тогда не знаю.

Альберт нахмурился и снова схватился за прочитанный журнал.

«Вот так и втягиваешься в авантюру. А почему? Дело здесь не только в Женьке. Мне ведь и самому интересно. Интересно — вот в чем корень зла. Любой даже чисто логический сыск пробуждает азарт, и становится интересно. Этим и подкупают детективы. Но куда же все-таки, черт бы их побрал, девались эти зайцы? Женька так смотрит на меня, словно я комиссар Мегре и Холмс одновременно».

— Ты бы пошел посмотрел, что там, наверху, происходит,— сказал Альберт,— мы, кажется, остановились.

«А ведь Женька никогда не будет серьезным научным работником! Никогда. Нет солидности. И главное, ее никогда не будет. Носиться возле науки, порхать от проблемы к проблеме, снимать нектар... да, да, в силу природной одаренности и хватки он снимет нектар, сделает ряд хороших, даже выдающихся работ, может, даже станет известностью, но... глубокий самостоятельный научный работник из него не получится. Ничего не поделаешь: природу не одолеть. Но зато ему легко. Он не терзается, не страдает...»

Альберт ощутил, что у него затекла левая, заложенная под голову рука. Он сменил ее на правую и расправил помятые, сплпшиеся, как карамельки без обертки, пальцы.

«Куда же все-таки девались зайчата? Да и были ли они? Не хитрый ли это Женькин розыгрыш? В наше время — и зайцы? Причем как? Дедовским способом: по веревочке в открытый иллюминатор. Хотя в век свертехники ручной способ имеет свои преимущества. Нет нужды в сложной, ненадежной, дорогостоящей аппаратуре. Трудно поверить, но если предположить...»

Кулановский ворвался сияющий.

— Случилось нечто грандиозное? — кисло осведомился Альберт. Периодические возникновения взволнованного Кулановского стали обязательным атрибутом их путешествия. Впрочем, Альберт просто так корчил недовольные рожи. В глубине души ему было жуть как интересно.

— Нет. То есть да. Понимаешь, какая штука: мы действительно остановились, так как нас догнал один пассажир, вернее, двое. Поэтому и суета. Пока пришвартовывали глиссер, спускали трап, естественно, шум, крик, гам, неразбериха. Но самое интересное не в этом. Знаешь, кто нас догнал?

— Кто же?

— Доктор Трири.

— Доктор кто?

— Трири.

— Ну и что?

— Тебе это имя ничего не говорит?

— Итальянец?

— Господи, ну при чем тут итальянец или нет? — возмутился Кулановский. — Американец он. Доктор Трири — знаменитый на весь мир апологет наслаждения. Он же создатель химической теории экстаза. Он же содержатель тайных притонов во многих странах мира, да и не только тайных. Одним словом, человек известный.

— Ах этот... Его же сажали, кажется? Совращение малолетних, что-то в этом роде. Или я перепутал?

— Ты не перепутал. Но как видишь, он уже на свободе. Он прибыл сюда со своим учеником. Если бы ты видел, как он взлетел по трапу!словно орел...

— Женья, а как же твои зайцы?

— Какие там зайцы! Трири на «Святой Марии». До чего же интересно!

«И в самом деле интересно», — мысленно согласился Альберт.

«Если Кулановский перенесет свое возбужденное внимание с гангстеров на проповедников, наше путешествие станет более спокойным», — рассудил он.

И, помолчав, спросил:

— А ты откуда знаешь этого самого доктора?

— Этого самого я знаю из прессы. Случайно. Интересовался проблемой в целом и наткнулся на Трири.

— Что значит проблема в целом? — удивился Альберт. — Какая проблема?

— Ну, наркотики, наркоманы и вообще, — засмеялся Кулановский.

— Ну-ну, расскажи, — Альберт даже привстал и оперся на локоть, — здесь у меня пробел. Выпало как-то из поля зрения.

— Да я тоже не бог весть какой спец. Самые поверхностные сведения. Информация, получаемая при чтении по диагонали. Диагональное знание. Пунктирная осведомленность.

— Поперечно-продольная, — сказал Альберт, — ты хоть слово по существу вопроса можешь сказать?

— Слово о наркотиках? — Кулановский почесал затылок. — Вначале было слово и слово это — «мак». У опийного мака древняя история. Он был знаком ассирийцам, египтянам, древним грекам. В окрестностях Коринфа существовал город Мака, так называемый Меконе. О злополучной силе мака писал Геродот, его использовал для исцеления больных Гиппократ. Говорят, что Авиценна умер, отравившись опиумом.

Опийный мак много путешествовал. Полагают, что в Индию, Центральную Азию и Индокитай он был завезен греками во времена завоеваний Александра Македонского. Там он прижился, распространился и дал, как сказали бы поэты, порочные пышные цветы. Особенно во времена Великих Моголов. В небесной империи опий произвел опустошение, подобное набегу монголов или налету саранчи.

Страна на многие десятилетия погрузилась в мрачную спячку. Правители раскачивали задурманенными головами, им было не до подчиненных. Может, так оно и к лучшему, но кто же тогда будет толкать народ по пути прогресса?

— Не отвлекайся, — заметил Альберт.

— Да, опий это опий. Китайское правительство в сороковых годах прошлого столетия запретило ввоз злосчастного зелья: оно было напугано масштабами потребления опиума. Но опиумный бум в Китае продолжался до 1906 года. Потом это увлечение пошло на спад. Количество наркоманов стабилизировалось, болезнь приняла хронический характер. Сейчас в Юго-Восточной Азии живет 300—350 тысяч опикурильщиков.

Больше всего их в Гонконге — около 100 000. Население этого города расходует ежегодно 170 миллионов долларов на наркотики. В Перу и Боливии жуют листья коки — наркотик, известный еще инкам. Интересно, что изучение алкалоидов листьев коки производилось в лаборатории того самого Фридриха Велера, который впервые осуществил синтез «живого вещества» мочевины вне живого организма. Удивительна история науки! Истина и заблуждение шагают в обнимку, словно близнецы-братья.

— Жевечка, ради бога без комментариев! — взмолился Альберт.

— Нет, я с тобой не согласен. Мои комментарии проливают свет. Они вносят ясность. Они нужны. Тебе придется слушать меня внимательно, иначе в твоём образовании появятся пробелы. О чем я говорил? Ага, еще одно зло — каннабис. Сиречь, индийская конопля. В отличие от мака индийская конопля — растение неприхотливое, оно не требует специальных плантаций, тщательного ухода. Растет где попало, как попало, но, как говорится, лучше от этого не становится. Из нее извлекают много разной дряни. Гибель здоровью, разоренье — карману. А в Мексике, наоборот, популярны кактус пейотл и грибки.

— Какие грибки?

— Теононакатл (тело божье) — так называли свои священные грибки инки. Современная наука относит галлюциногенные грибы Мексики к разряду псилосцибов. Швейцарский химик Альберт Гофман воспроизвел сильнейший синтетический наркотик — псилосцибин, содержащийся в этих грибах. Кстати, он же прославил себя многими достижениями в этой области.

— Ох уж эти химики, — сказал Альберт.

— Химики молодцы, — отозвался Евгений, — из кактуса пейотл, столь зловеще популярного в Мексике, они выделили мескалин. Тоже наркотичек дай боже!

— Они это нарочно?

— Почему? Нужно же знать, например, по какой причине целые народности существуют в полубредовом состоянии. Кактус пейотл чрезвычайно популярен среди индейцев племени гуичол в Сьерра-Мадре. Употребление этого наркотика там стало нормой бытия, как сигарета для европейца. А возьми кокеро. Что ты слышал о кокеро?

— Ровным счетом ничего. Да и нужно ли это мне?

— Не знаю. Кокеро — это тот, кто жуёт листья коки. Хронический наследственный наркоман. Его отец жевал, его дед жевал, а возможно, и прадед занимался жеванием коки. Представляешь? Здесь уже под воздействием наркотиков нарушается генетика. Потеря воли, слабоумие, тупость. Это не трагедия личности, а национальное бедствие. Нужно изучать яды, чтобы подобрать к ним противоядие. Врачи и химики этим и занимаются.

— А пока?

— А пока яды в ходу. Во всем мире производится 2000 тонн опия. Из них на медицину уходит только 800 тонн, остальное поглощают наркоманы. Пытаются воспроизвести состояние засыпающего Будды.

— Причем тут Будда?

— Говорят, в том месте, где веки засыпающего Будды коснулись земли, вырос первый мак. И с тех пор пошло-поехало. Опий, гашиш, марихуана, кока, хат, бетель. Наркоманы пьют, жуют, нюхают, глотают, делают уколы. Их лечат, усовершенствуют, ловят, осуждают, проклинаят. Ну, одним словом, древняя как мир свистопляска борьбы порока и добродетели.

— И все-таки,— настойчиво сказал Альберт, когда Женя замолчал,— какова роль доктора Трири в этой свистопляске?

— Незавидная. Прямо скажем, зловредная. Он путает все карты. Ведь борьба с нелегальным производством и торговлей наркотиками очень сложная вещь. Это преступление очень трудно раскрыть. Жертва, как правило, не жалуется, а является соучастником преступления. Я уж не говорю о такой привлекательной для гангстеров стороне проблемы, как огромные барыши. И вот появляется человек, впрочем, он не один такой, который предлагает легализовать и узаконить положение наркомана. Придать ему, так сказать, государственный статус. Представляешь?

— Представляю.

— Это лазейка для тех, кто хотел бы обратить часть народа в тупоумных кокеро. Некоторые социологи считают, что физическая зависимость человека от наркотика легко трансформируется в политическую зависимость.

— Ну-ну,— недоверчиво сказал Альберт,— ты, кажется, слишком подробно познакомился с проблемой. Это звучит наивным парадоксом.

— А что ты думаешь?

— А что мне думать? Я не интересуюсь наркотиками. Мне кажется, это не главное, во всяком случае не самая насущная забота человечества.

— Возможно. Но это не значит, что ею не стоит заниматься.

Доктор Трири не носил сутаны. Когда-то его в этом одеянии мечтали видеть незабвенные родители. Но всевышний рассудил иначе.

Доктор Трири носил нечто черное и широкое вроде профессорской мантии. Его наряд произвольного покроя не стеснял движений, не сковывал свободу тела. «Свобода тела и духа. Ибо они взаимосвязаны». И когда он поднял свои руки, длинные бледные руки, руки, не знавшие оружия, спорта и труда, всем и впрямь показалось, что на палубу «Святой Марии» сел могучий орел или гриф, спустившийся сюда с далеких вершин Сьерра-ду-Мар.

— И если наряд мой поражает ваш взгляд, — с ходу начал доктор Трири, — то немного подумайте, и вы поймете цель, смысл и назначение этого независимого покроя. И смысл, и цель, и назначение одно — свобода. — Он взмахнул рукой и на тонком аскетическом пальце его сверкнул кардинальский аметист. — Святая свобода. Святая свобода тела, всего тела в целом и каждого органа, каждой клетки в отдельности. Да, да, я не оговорился! Любая клетка моего тела имеет право на свободное волеизъявление...

— Господин доктор, — вежливо перебил Трири помощник капитана, — может быть, мы соберем более представительную публику, допустим, завтра и с удовольствием послушаем вас в условиях, соответствующих ценности высказанных здесь мыслей?

— Истина не ждет! Промедление смертельно! Итак, я говорю, что был час, когда клетки наших тел, разобщенные и разделенные, носились в мировом океане жизни. В те далекие эпохи еще не существовал организм. Каждая клетка была свободна! Свободна! Свободна от обязательств перед другими клетками-соседями, свободна во времени, свободна в пространстве! Да, я утверждаю, что в те времена каждая клетка была... живой личностью! На свой страх и риск принимала она решения, приносившие победу или смерть, на свой страх и риск вела борьбу, побеждала или терпела поражение. Но она была свободна; тогда грубая сила эволюции еще не включила ее в эту тюрьму, в этот концлагерь, которому позже присвоили имя Организма. Такая свободная клетка имела свои привычки, свои слабости, радости, огорчения. Свободная клетка жила, ощущала, страдала, радовалась и боролась за лучшее будущее. Она допустила страшную, роковую ошибку, позволив закабалить себя в Организме, но мы не осудим ее за то, чего сейчас сами не можем избежать. Разве не так же мы поработаем себя в государстве? Будем же милосердны к нашим клеткам, к нашему телу. Предоставим им ту минимальную свободу, которой мы располагаем. Не будем стеснять ее неудобной одеждой и фасонной обувью. Пусть клетки вашего тела будут вольны хотя бы от моды! О различных аспектах освобождения клеток я буду говорить завтра.

Доктор Трири так же внезапно замолк, как и начал, и зорко повел взглядом поверх голов слушателей. Немногочисленные зрители безмолвствовали.

8

— Ну и что было дальше? — спросил Альберт.

— Да ничего. После этой ахины насчет клетки доктор Трири

замолк и довольно упорно нас рассматривал. И при этом, по-моему, он думал о нас всех что-то нехорошее.

— Как он выглядит?

— Довольно эффектно. Высокий в черном и широком. Белый воротничок из валансеньских кружев делает его похожим на грифа. Костляв, сухопар, держится подвижно, но не превышает амплитуду приличий. Лицо бледное, аскетическое, губы тонкие, впрочем, ты завтра сам его увидишь.

— С чего ты взял?

— Я полагаю, мы все же посетим его лекцию.

— Зачем?

— Как зачем?

— Зачем нам слушать всякий бред?

— Ей-богу, ты еще не видел такого цирка! — Евгений прищелкнул пальцами.

— Ну, ладно, завтра посмотрим. Ты не досказал, что было дальше.

— Да ничего выдающегося. Во время блистательной речи за доктором топтался его увалень-ученик. Здоровенный такой парень, красномордый и, по-моему, в стельку пьяный. Фамилия ученика Остолоп. Забавно, не правда ли?

— Врешь. Откуда ты узнал?

— Помощник капитана обращался к ним, и я слышал. Мистер Трири и мистер Остолоп.

— Сочинил?

— Ну сочинил. — Кулановский вздохнул. — Совсем немножко. Одну букву. Оссолоп его фамилия.

9

Торжественно, широким, размашистым шагом доктор Трири миновал пассажирскую палубу и поднялся наверх, где для него и Джимми был приготовлен номер люкс. Словно подрубленное дерево, рухнул доктор в мягкое чашеобразное кресло. Застенчивая улыбка медленно проявилась на бледном лице, как изображению на недодержанном негативе.

— Здесь дивно, Джимми, не правда ли? — слабым голосом спросил проповедник, — можно будет немного отдохнуть.

— Вы правы, док. Здесь неплохо. Не хотите ли поужинать в ресторане?

— Господи, Джимми!

— Ладно, ладно. Тогда оставлю вам ваши термосы, а сам схожу подкреплюсь чем-нибудь существенным.

Джимми Оссолоп мягким движением притворил за собой дверь. «Старик ужасно нервный. Боится резких звуков. Стук двери способен нагнать на него истерику. А вот мне все нипочем. Хотя не скажи. Как я здорово сегодня набрался у этого дона, дона... черт его знает, как его там, да, здорово было, но все же лейтмотив не исчез. Из-за этой попойки и на корабль опоздали, док нервничал, как черт знает кто, но этот дон словно присосался. А может, он знал? И поэтому не хотел нас выпустить? Хорошо, что док не пьет. Вообще он, док, молодец. Он многое может. Он мне предсказал, что лейтмотив не исчезнет неделю, как я ни прыгай, и действительно, уже четвертый день держится, проклятый, и не слабеет ни на секунду.

Точка, тире. Точка, тире. Жирная черная точка и белое, сверкающее, словно проблеск молнии, тире. Точка, тире. Затем точка и несколько тире. Но чаще всего только точка и тире. И ничего больше. Точка, тире. Вот ведь проклятие, какой глупый лейтмотив! Док говорит, что это фокусы подсознания. Но, говорит, все равно это удивительно. Шутки подкормки и симпатки. Но мне не легче от этих шуток. Точка, тире. Подумать только! И какая жирная точка. Тире долго не держится. Промелькнет, и нет его. А точка висит. Может, это не точка, а планета? И я вижу взлет ракеты в созвездии X—Y—Z? Чепуха! Это точка и тире! Ни более, ни менее. Еще три дня мучиться, если верить доку. Алкоголь не помогает, конечно. Но как-то начинаешь смотреть на все со стороны. Вроде бы это не совсем твоя точка и не тебе принадлежащее тире».

10

Питер Ик осторожно пробирался среди огнетушителей и канатов.

«То, что свернутый стальной трос или бухта манильской веревки похожи на спящих змей, приходило в голову сотням тысяч людей, но помнили ли они о змеиной сущности спирали вообще? Прямая линия проста, кривая линия хитра, а завитая, как спираль, хандру нагонит и печаль. Чепуха!.. а завитая, как спираль, больных, печальных и слепых, покорных слуг, рабов немых несет на крыльях нежно в даль, где ожидает радость их... кажется, я, как обычно, заблудился. Удивительная, феноменальная неспособность ориентироваться! Ориентироваться в пространстве и в людях. Почему же я писатель? Нет, нужно разобраться с самого начала. Мне было тошно, и я подумал... или почувствовал? Скорее ощутил, что мне вовсе не помешает рюмка коньяка. Только рюмка? Ну не только, а если представится возможность, то и беседа с милой (ми-

лая — курсивом) незнакомкой. Только беседа? Да, только. И вот я вышел и самонадеянно направился в ресторан. Почему самонадеянно? Потому, что не спросил у стюарда, куда следует идти. Тут же я заблудился. По-моему, я нахожусь в районе грузового трюма и скоро буду туда спущен как лишний груз, балласт, который подлежит выбросу (выносу) из корабельного помещения. Придется обращаться за помощью к человечеству. Адрес один. Часть апеллирует к целому. Частность взывает к правилу. Обращается ли правило за помощью к исключениям? Не знаю. А вот и представитель этого правила. Он идет тем же порочным путем, что и я. Он путается в канатах и огнетушителях и, кажется, воображает, что попал в дебри амазонской сельвы. Ему мерещатся белые змеи и красные жакаре. Кроме того, судя по неуловимым для глаза приметам, как-то: росту, ослепительному румянцу, великолепным зубам и еще кое-чему, передо мной соотечественник. Он молод и глуп. И к тому же пьян. Но здесь мы переходим уже в позитивную область. Если этот парень пьян, значит, рядом ресторан».

— Вы не скажете, как пройти в ресторан? — Ик был предельно вежлив. Одновременно он пытался магнетическим взглядом пробудить сознание в затянутых дымом глазах Оссолопа.

— Ресторан? Я сам его ищу! Черт бы побрал их со всеми их переходами! Никогда не встречал такой безумно громоздкой конструкции! Голова закружилась. Давайте спросим стюардессу! Она-то наверняка знает!

— Стюардессу? Но мы на морском корабле!

— Разве? Тогда спросим у капитана. Он, наверное, не дурак выпить и должен знать, где у него ресторан. Не так ли?

— Логично. Боюсь только, поиски капитана займут не меньше времени, чем поиски ресторана.

— Тогда пойдем в бар.

Ик с интересом рассматривал пошатывающегося Оссолопа.

«Может, имеет смысл сменить прогнозируемую милую собеседницу на реального клоуна-соотечественника?»

— Почему вы предполагаете, что бар найти легче, чем ресторан? — спросил Ик, сурово ожидая ответ.

— Ресторан большой, не правда ли? — Джимми широко расставил руки, иллюстрируя мысль о том, как велик объект его вожделений.

— Согласен.

— А бар маленький, не возражаете? — Джимми свел ладони почти вплоты, оставляя такую площадь для бара, где могли поселиться разве что блохи.

— Допустим, хотя вы уж очень преуменьшили бар.

— Я утрирую. Ну и вот!
— Что же следует?
— А то, что бар найти легче, чем ресторан.
— Но почему? — возмутился Ик. — Разве стог сена найти труднее, чем иглу в нем?

— Нет, но найти великое всегда труднее, чем малое. Я предлагаю начать с малого. А им является бар. Следовательно, ищем бар.

Оссолоп победно поглядел на Ика. «Эх ты, точка с тире!»

Питер Ик подумал и согласился.

— Идет, ищем бар.

«Ну что за клоун! Чудо, а не клоун. Глуп и весел, что может быть приятнее? По крайней мере для меня. На сегодня, на вечер. Нет, он вполне способен заменить милую собеседницу».

— А ведь я прав! — заорал Оссолоп. — Вот и бар! Два коньяка и два кофе, мадам! Мое имя Джимми. И точка. Джимми и все. Без выкрутасов. Я человек науки.

— Питер Ик, писатель и публицист. Отсутствие выкрутасов, дорогой Джимми, это уже в некотором роде выкрутасы.

— Возможно. А что вы пишите? Как вам нравится этот коньяк?

— Не будем говорить о работе. Пишу я разное. Коньяк местный, неважный, — мистер Ик украдкой разглядывал барменшу.

«Она была, наверное, дьявольски хороша. Боже, до чего она была хороша! А теперь она будет становиться все хуже. С каждым днем. Это ужасно. Почему ты не воспринимашь все так, как оно есть? Реальный миг, реальный день, реальный мир. Что гонит тебя по времени взад и вперед? Какое имеет значение, чем была и чем станет барменша? Главное, она есть. Остановись мгновение, длись вечно, ведь тебя больше не будет! Клоун как-то изменился, в нем открылось что-то неприятное. Что? Может, он помрачнел? Куда девалось его веселье?»

— Вам очень досаждают критики?

— Как вам сказать, Джимми? Не очень, но... с ними трудно найти общий язык. Когда я делаю вещь сугубо фантастическую, то есть фантастику в ее чистом, рафинированном виде, критики набрасываются на меня и с пеной у рта утверждают, что я не описал героя, не дал характеров людей, портретов и прочего. Если я пишу детектив, меня упрекают за отсутствие психологизма и интеллектуализма. Если же я создаю что-нибудь из реальной жизни, то всем им не нравится в моем произведении отсутствие динамичного сюжета, напряженного действия и полета фантазии. Вот так.

— А совместить все эти требования нельзя?

— Совместить можно, но удовлетворить их необычайно трудно. Литературное произведение подобно кулинарному: оно должно обладать определенным вкусом. Кислым, сладким, горьким, наконец. Продукт на все вкусы не имеет ярко выраженного свойства. Это аква дистиллата, или попросту безвкусица.

«Клоун, ты меня разочаровал. И ты суешь нос в литературу. Как вы мне надоели!»

— Еще два коньяка, мадам!

«Она, конечно, прелестна и сейчас. Сеньора грация. Сеньора экселенца. Превосходная сеньора. Откуда она?»

— Скажите, Питер, вас никогда не интересовали странные люди?

— Странные люди? Америка полна ими. Я только и занимаюсь странными людьми. Простите, Джимми. Ваше здоровье, сеньора, хорошее здоровье. Если не секрет, то как мы с вами поздороваемся следующий раз?

— Добрый день, Миму.

— Миму?

— Так зовут меня друзья. Полное имя — Долорес Мария ди Мимуаза, но, сами понимаете, оно не очень уместно здесь.

— Понятно. Благодарю вас, Миму.

«Какая прелесть! Как просто, без ломанья, без хихиканья. Врожденное благородство. Ди... стало быть, в роду были дворяне, от них это величие и простота. Впрочем, у испанцев и португальцев «ди» — это не совсем то, что «де» у французов... Нет, видно, мне еще не все равно на этом свете».

— Вы не слушаете меня, Питер, и я третий раз повторяю вопрос: как вы изображаете странных людей?

— Как? Ну, налегаю главным образом на их странности, и получается очень похоже.

— Перед вами сидит очень странный человек, — торжественно объявил Осолоп, — стоит вам описать меня, и все остальные писатели мира могут заткнуться. Лучшего объекта вам не найти. Опишите меня, Питер, и вы сразу получите Нобелевскую премию. Ик рассмеялся.

— Хорошо, Джимми, об этом поговорим завтра. Хотите еще выпить?

— Нет. Но боюсь, что вы не сможете меня описать. Я чрезвычайно сложен. Я невероятно сложен!

— Как и любой человек, Джимми, не правда ли?

— Нет. Любой человек не сложен. Любой человек ясен. Любый человек прост. А если и сложен, то ясно сложен. А я, я совсем другое дело. Хотите знать, как я вас сейчас вижу?

— Ну, Джимми, сейчас вы можете вообразить что угодно. Это не показательно, это не представительно. Это...

— Простите, Питер, я вас перебыю. Я должен вас перебить, у меня нет другого выхода. Я вас вижу как точку с тире.

— Точку с кем?

— Точку и тире.

«.— — отстукал он ложечкой по краю блюда,— ..— ».

Ик пожал плечами. «Валяй, клоун, весели партер».

Оссолоп почувствовал облегчение. Когда выговоришься, сразу становится легче.

— Понимаете, я сейчас все кругом вижу как точки и тире, ну и вас заодно, так сказать. Это у меня лейтмотив такой. Одни точки и тире. Понятно?

— Отчего же не понять. Все очень просто: точки и тире. Так что же во мне главное — точка или тире?

— К чему подобные разграничения?

— Верно. Формализм здесь просто неуместен.

Они помолчали. Ик с холодным интересом рассматривал Оссолопа.

— И вы не боитесь заблудиться во множестве этих точек и тире? — спросил писатель. — Куда идти, с кем говорить, что делать? Как пить с вашими точками и тире? Ведь они вряд ли могут создать даже тот минимальный комфорт, которым мы пользуемся на «Святой Марии».

— Вы меня не так поняли, — ответил Оссолоп, — обычный мир я воспринимаю так же, как и вы, может, чуть острее. Я не сбываюсь с пути и найду свою дорогу в бар. Дело в ином. Кроме всего этого вокруг нас есть же еще надощущения, сверхчувства.

— Астрал? Ментал?

— Да нет, не то. От каждого предмета у нас остается образ, не так ли? То же самое остается от людей, животных, природы. Какие-то краски, формы, линии. Правда?

— И что?

— Так вот, этот образ не всегда совпадает с нашими ощущениями. Ведь такое бывает? Видите и слышите одно, а образ создается совсем другой. Ну как в картинах Мирро, Поллака, у всех абстракционистов.

— И у вас?

— Вот именно. Я-то очень хорошо вас вижу. Я могу назвать цвет ваших глаз и форму носа, но все равно...

— Я точка с тире?

— Именно. Я знаю, да, я знаю! Наконец нашел слово! Я знаю, что вы точка и тире, и все тут. И все время помню об этом. Я знаю,

что все вокруг — это всего лишь разнообразные сочетания и комбинации точек и тире. Вот!

— Интересно. Ваше образное восприятие перестроилось по двоичной системе: точка — тире, один — ноль, да — нет. Забавно... Еще немного бренди, мадам Миму!

11

— Эта? — Ленивец ткнул пальцем в дверь каюты.

— Сейчас проверю,— Живчик извлек из заднего кармана брюк толстенную записную книжищу.

Ленивец только головой покачал.

«Набираются же люди всякого. Книжки заводят! На свою голову уже не падеются. А все начинается сверху. Каков шеф, таковы и работники. Сдал старый Педро, сдал. Раньше на себя полагался, на свою смекалку, а теперь все журнальчики полистывает, технические новинки вычитывает. На электронику молится, эх ты! И этот, вельо, туда же. Записать записал, а на какую букву — забыл. Роемся, ищет. Интересно, читать-то он умеет или нет? Эх, ты!»

— Она! Четыреста первая каюта, шестой палубный отсек! — торжественно провозгласил Живчик, захлопывая замусоленную книжищу. — Доставай повязку!

Они приладили друг другу на рукава широкие белые ленты с красными крестами и пошли вдоль безлюдного коридора.

— Санитария! — повизгивал Живчик.

— Санитария! — басил Ленивец. Они стучали в каюты, и, едва им отвечали «войдите», Живчик, просунув голову в двери, вопрошал:

— Мыши, крысы и другие насекомые...

— ...Не беспокоят? — Ленивец распахивал двери пошире и, нависая, как глыба, над Живчиком, обшаривал глазами помещение.

Все шло как по маслу. Им отвечали «нет» или «не знаем», они двигались дальше. Живчик сиял. Эта часть программы принадлежала ему. «Старый кадр чего-нибудь да стоит. Рано некоторые решили списать его со счета, рано. И хлеба даром он никогда не ел».

Он вздернул подбородок повыше, искоса взглянул на Ленивца.

«А ты, триста фунтов телятины, смог бы такое придумать? Идешь, посапываешь, пользуешься законной безопасностью и в ус не дуешь! Да если б не я, ты бы сейчас крался на цыпочках к четыреста первой и вздрагивал при каждом шорохе. Вот тебе и старик, вот тебе и вельо. Жирный глупый поросенок, ты проладешь без меня...»

Из одной каюты на наглые выкрики гангстеров высунулась худая землистого цвета голова и ехидно спросила:

— Бы нас, кажется, за идиотов принимаете, милейшие?

Живчик оторопел, а голова продолжала:

— Откуда нам знать о насекомых, если только несколько часов назад эта лоханка спялась с якоря? Не орите здесь, а то я сейчас позвоню капитану и узнаю, кому понадобилось поднимать всю эту кутерьму!

Голова громко и злобно клацнула желтыми клыками. Живчик стоял ни жив ни мертв.

— Успокойтесь, сеньор, — сказал Ленивец, позевывая от пережитого испуга, — проверка ведется по плану. Один раз в начале, второй в середине, третий в конце плавания. Вот инструкция.

Ленивец сунул руку в карман и там сжал ее в кулак. Карман округлился, распух, вздулся точно перед взрывом.

Голова что-то пробормотала и скрылась.

— Пошли, вельо, да не очень-то кричи, а то и впрямь на кого-нибудь нарвемся.

Оробевший было Живчик перед четырьестя первой каютой оживился.

«Как-никак, мы близки к цели. Моя заслуга. Хотя Ленивец тоже... проявил. Не сробел в нужный момент. Из него выйдет толк. Нужна школа. Пока он сырой какой-то, необученный».

Четырьеста первая на стук и возглас «Санпроверка!» ответила тоненьким женским голосом:

— Прощу вас!

Физиономии злоумышленников вытянулись. Ленивец даже не произнес традиционную фразу насчет крыс и насекомых. Икнув, он широко шагнул в каюту. Живчик шмыгнул за ним.

— Где хозяин?

— Кого вы имеете в виду? — черноглазая вертихвостка лет шестнадцати отошла от зеркала и, подбоченясь, сурово смотрела на вошедших.

«Задрать бы тебе юбку да всыпать моим солдатским ремнем, чтобы не прыгала по каютам взрослых мужчин. Соплипка, дрянь такая! Откуда она взялась?»

Живчик совсем расстроился.

— Закрой-ка дверь, мы сейчас с ней побеседуем, — сказал Ленивец и снова икнул.

— Что вам нужно? Сейчас сюда придут! Не смейте запираяться!

«Ой! Мама про такое не говорила. Они страшные и некрасивые какие. Особенно этот толстый, настоящий поросенок».

— Ладно, не шуми, детка. Мы ничего тебе не сделаем. Но ты нам все расскажешь. Хорошо? — Ленивец оглядывал каюту.

— Я ничего не знаю.

— Ты не знаешь, что в этой каюте едет Дик Рибейра? Ты никогда не видела Дика Рибейру? — выскочил из-за спины напарника Живчик.

— Я ничего не знаю. Сейчас придут. И если вы не отстанете, я буду плакать и кричать. Я сейчас начну плакать, а потом стану кричать. А потом я буду драться. Вот тогда берегитесь.

— Успокойся, малышка. Мы не хотим тебе плохого. Как твоё имя? — Ленивец перестал икать, но вновь начал зевать.

— Лоис.

— Очень хорошо. А кто твой отец?

— У меня нет отца, у меня есть мама. Ничего я вам не скажу! Ничего! Уходите немедленно, или я позову на помощь!

Живчик кипел от негодования.

«Ох же и дрянь! Ну и дрянь! Сначала пару хороших пощечин, чтоб голова болталась, как на веревочке, затем ремнем по спине, а потом пониже, да так, чтобы с неделю садиться не могла! Но что подделаешь! Надо терпеть. И от этой чернявки приходится терпеть. От всех терпишь, что за профессия, ей-богу! А иначе нельзя. Преждевременный скандал грозит провалом. Это даже Ленивец понимает. Уж он бы в две минуты скрутил вязы этой девке!»

— Ладно, — Ленивец решительно встал с кресла, — передай привет Дику, если увидишь его, и скажи, что два старых приятеля из Белена хотя́т с ним встретиться. И добавь, чтобы он не пытался от нас сбежать. Добудем со дна морского.

— Это уж точно! От нас не улепетнешь! — подтвердил Живчик и демонически захохотал. На душе его скребли кошки. Блистательная операция если и не провалилась, то откладывалась на неопределенный срок.

Они вышли. Лоис, бледная и ослабевшая, упала в кресло.

— Подсадная утка, — сказал Ленивец.

— Обходный финт Дика, — сказал Живчик.

— Долго она не высидит. Побежит к маме или к Дику рассказывать о том, как злые дяди ее напугали. Надо следить: она приведет нас в гнездо.

— А если будет сидеть здесь всю ночь?

— Что же, — Ленивец зевнул, — придется ночью ее пощекотать. Не бегать же нам за Диком по этому корыту. Того и гляди нарвешься на кого-нибудь, кто знает пассажиров в лицо. Было бы неприятно.

— Да... неприятно, — слабым эхом отозвался старик.

Ленивец посмотрел на приятеля. Неудача сокрушила Живчика.

«Сник, вельо, побледнел. Все морщины, все красные жилки

обозначились на лице. Словно пузырь с воздухом прокололи. Завял и обмяк Живчик. Эх ты!»

— Ну ты, вельо, не скисай,— грубо сказал Ленивец,— добудем мы клятого Дика и все, что надо сделаем. Держись, не так уж плохи дела. Не уйдет он, ему разве что за борт прыгать, а другой дороги, кроме наших лап, нет.

— Да я, что ж я, я ничего.

Живчик отвернулся, стараясь не смотреть Ленивцу в глаза. «Толстяк пожалел тебя, Живчик. Докатился старик. А что ж, поросенок не так уж плох, ума маловато, правда, но работать с ним надежно. Все так говорят. Сала на нем много, а так он понимает. Он понимает, эх ты... что здесь понимать? Все давно понятно».

— Слышишь?

— Что?

— Не выдержала уточка, полетела в гнездышко. Давай за ней!

12

Питер Ик допил бренди и решил перейти на виски. В буфете был превосходный шотландский «хейг».

«Это невозможно. Это совершенно невозможно. Почему они все умничают? Почему? О господи! И ты, малыш... Точка, тире. За что, боже? За что на меня со всех сторон насаждают умники? Интеллектуалов сейчас больше, чем дураков. Страшно подумать. Это было бы верным признаком приближающейся всемирной катастрофы. Но что теперь делать? Уйти не хочется, оставаться противно. Ах, донья Миму, донья Миму, секунды счастья мчатся мимо, жизнь до смешного коротка, сиди и слушай дурака... Добавить разве коньяка?»

Он критически посмотрел на виски пополам с водой. Смесь была едва желтоватой. Потянул носом. Из стакана пахло торфяным дымом. «Эх, Шотландия!»

— Вы нелюбопытны,— сказал Оссолоп,— это очень плохая черта в писателе. Вы никогда не станете великим.

— Как вы никогда не станете приятным и вежливым собеседником,— проворчал Ик, доливая в стакан еще виски.

«Кажется, мне уже пора удалиться. Не знаю, как тире, а точка надралась основательно и окончательно. О, какое волшебное явление! Это ее дочь, несомненно. Они похожи, хотя дочери еще пока недостает пряности матери. Девочка взволнована, она ужасно взволнована. Она, как птица из горящего гнезда, у нее дымятся крылышки и беспомощно раскрыт клювик...»

— ...видеть Дика Рибейру,— донеслось от стойки до ушей писателя и пьяного ученика доктора Трири.

Джимми Осолоп вздрогнул.

«Господи, что я здесь делаю? Как я сюда попал? С ума сойти, как человек может распуститься. Так себя вести! Где мои таблетки? Вот они, милые. Сейчас я их... и все пройдет. За дело, Джимми, за дело. Выходит, они знают, где Дик. Которая из них, толстая или тонкая? Неважно. Займемся сначала тонкой: она моложе и приятнее. А старуха не уйдет, ей от бара не отклеиться. Вперед, Джимми! Не шататься, это на девушек производит тяжелое впечатление».

Питер Ик отпил немного, поморщился и взял в рот ломтик лимона.

«А ведь донья Миму разгневана! Эти красные пятна на шее, о-ла-ла, они совсем ей не идут. Вот она создает повелительный жест, именно создает, а не делает, и выпроваживает дочь. В чем смысл этого жеста? Ступай и сиди. Или ступай и жди. Бедная девочка ушла, вобрав голову в плечи. Строга, Миму, очень строга».

— Вы куда, Джимми?

— Простите, одну минуточку, одну-единственную...

«Ай да точка с тире! Какая прыть! Как он, однако, быстро протрезвел! Неужели эта девица его так? Нет, нет, он дремал и при появлении девочки, и во время разговора с матерью, девочка вовсе не при чем. Что же все-таки? Как-то сразу, даже противостественно... Что-то проглотил и побежал. Было какое-то восклицание... пожалуй, имя, чье-то имя было произнесено. Так!»

Увидев входящих в салон Живчика и Ленивца, писатель быстро соскользнул с табурета.

— Сколько, Миму?

«Это уж слишком. Зайцы стали так же нахальны, как и охотники. Меньше всего я хотел бы выяснять сейчас внутренние комплексы этих ребят. Они, наверное, состоят из одних точек. Точек, которые остаются в яблочке мишени после стрельбы. К черту. Я удаляюсь. Я не психоаналитик. Я даже не писатель. Я человек, которому все было равно. А сейчас нет, не все равно. Покоя! Прочь от очага суеты, прочь!»

— Ваша лодка в целости. Можете получить в любой момент, — тихо сказал Ик, минуя Ленивца. Тот приятно осклабился и покоился на Живчика. Вот что значит правильное воспитание клиентуры! Учись, учитель.

В баре было немного народу. Разговор мог бы получиться глупым и содержательным, если б эта чертова кукла не уперлась. Слишком самостоятельный вид у этой женщины.

— Ты нас знаешь, Мимуза, не правда ли?

Ленивец накрыл табурет своим телом. Миму показалось, что он стечет на пол, как жидкое тесто.

— Да, господа, знаю. Не очень близко, но, кажется, мы встречались, и не раз, внизу, у Вер-о-Пезо.

— Именно. Мы тебя тоже знаем. И ты не можешь пожаловаться, что мы тебя обижали. Не так ли?

— Нет, сеньоры, ни за что на свете. Зачем мне брать грех на душу и говорить то, чего нет? Я не из тех женщин, которые сочиняют небылицы. Вам это, надеюсь, известно?

— Да, Миму. Ведь мы знали тебя еще тогда, когда ты вкалывала за стойкой у Толстого Педро. Не забыла?

— Еще бы забыть! Тогда был жив мой последний муж. Он не дурак был выпить и всегда приводил с собой большую компанию пьяниц. Я вас часто тогда видела. Это ж была почти даровая выпивка. Толстый Педро через месяц выгнал меня из ресторана за перерасход спиртного.

— Слушай, Миму, мы бы сразу пришли к тебе, если б знали, что Дик станет валять дурака и будет прятаться от нас. Где Дик, Мимуза?

Женщина внимательно посмотрела на сидящих перед ней мужчин. Сердце ее часто заколотилось. словно вколачивало в голову слова.

«Это твои враги, Миму. Это твои настоящие злейшие враги. Может, раньше ты с ними шутила, плясала и пела, но то время давно ушло. Сейчас они здесь, чтобы отобрать у тебя твой последний шанс, Миму. Держись, Миму! Будь коварной и беспощадной, как и они. Не поддайся, Миму!»

— Не знаю, сама ищу. Вот дочку второй раз послала к нему, сказала, пусть дождется и приведет, как только тот появится. Напился, наверное, да валяется где-нибудь пьяный как свинья. Пропьются — появится.

Наступило долгое, тяжелое молчание.

Ленивец, не поднимая глаз, сказал:

— Слушай, Миму, у тебя дочь еще девочка... да и сама ты... одним словом, завтра утром ты сведешь нас с Диком, поняла? В противном случае пеняй на себя. Я свои мысли, надеюсь, излагаю достаточно ясно?

Живчик отвернулся и смотрел в конец бара.

— Да, — ответила Миму, с трудом разжимая губы, — все ясно.

«О, будьте вы прокляты! И ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь».

— Что вы хотите от Дика?

— Нам пужен он сам, а там уж мы договоримся. Через тебя во всяком случае работать не станем.

«Проклятие на ваши головы, на головы матерей, родивших вас, на головы всех женщин, кормивших и любивших вас, проклятие... За что мне такая кара? Последний шанс, единственный шанс! Бедный Дик. Бедный мой мальчик».

— Куда мне сообщить, если он появится раньше?

Наступила мгновенная заминка. Нашелся Живчик.

— Мы придем завтра к девяти сюда.

Ленивец добавил:

— Сегодня перед закрытием мы еще заглянем к тебе. Пошли, вельо.

Они ушли.

Миму налила себе большую рюмку бакарди и, отвернувшись от столиков, быстро выпила.

«Спокойно, девочка, не теряй головы. Ты же знаешь их, это трусливые и подлые шакалы. Они будут лаять, кружить и тявкать, но не решатся сразу укусить. Старик, тот вообще пустое место. В толстяке, правда, есть грозная сила, он пугает. Я его плохо знаю. Видела от силы раз или два там, внизу, у Педро. Но все равно, так просто я не сдамся. Я буду драться. Проклятье на ваши головы, убийцы. Нужно все рассказать Дикю. И успокоить Лопс. Бедная девочка, она-то тут совсем не при чем. Но должен же мне кто-нибудь помогать? Я одна, совсем одна! Всегда одна, везде одна! Всю жизнь одна! Господи... Где же эти сволочи остановились? Скрывают номера кают, боятся, выдам? А что я могу сделать? Натравить помощника капитана, пусть еще раз проверит документы? Но он уже проверял их при посадке. Да и в порядке их фальшивки, я в этом уверена, они такие вещи отлично умеют готовить, к ним не придерешься. Да и как их выдашь? За это полагается нож. Таков их проклятый закон... Что же делать? Что делать, господи?»

14

Евгений Кулановский вышел перед сном из каюты на палубу. «Святая Мария» двигалась в теплом сиренево-сером тумане. Стоял полный штиль. Приятно пахло йодом. Океан слабо люминисцировал серовато-синим светом. Надо прогуляться по кораблю, решил Женья, и бай-бай.

«Алик уже видит первый сон. Он спит, заложив Фредриксона под подушку. Усвоение во сне. Гипнопедия. На солнечной палубе крутят фильм. Выстрелы и хохот. Боевичок, должно. В холле

класса люкс полумрак, там чинно танцуют под блюз. В третьем классе тоже не спят; звучат гитары и другие щипковые инструменты. Отчетливо доносятся слова народных песен штата Байя. Или Байя? Все едино. А вот здесь, в полумраке... Эээ, там происходит что-то нехорошее!

Придется вмешаться. Не проходите мимо, как говорят». Он прислушался. Как будто бы женский плач, всхлипывания и удары... удары по чему-то мягкому, кажется, по человеческому телу.

Кулановский сделал несколько торопливых шагов к затемненному закутку и остановился.

«Ба, да здесь перепутаны причина и следствие! Девчонка избивает большого взрослого мужчину? Плачет, всхлипывает, но изо всех сил колотит кулачками по груди, животу. Тот только охает. Стоп, девочка, так нельзя!»

— Эээ, что вы делаете!? Отпустите парня, вы его изувечите!

Евгений говорил по-русски, Лоис использовала португальские ругательства, Оссолоп стонал по-английски. Все было как на Вавилонской башне во времена оны.

— Отпустите его, и больше женственности, девочка, вы ведь только начинаете свой жизненный путь! Нельзя истреблять мужчин таким примитивным способом.

— Проклятый американский ублюдок! Вот тебе за всех и за все! — Лоис надавила острой коленкой на грудь Джимми.

— Ооо...х, — выдавил Джимми...

— Хватит, хватит! — Евгений тронул девушку за плечо. — Не надо! Еще минута — и ему будет конец. Финиш. Капут. Карамба. Хана. Стоп! Хальт!

Лоис отпустила Оссолопа и рванулась к Кулановскому.

— А ты откуда взялся? Ты кто? Ты с ним?

Евгений поднял руки вверх. Он защищался, используя весь наличный запас португальских слов:

— Ешьте меня с маслом и без того, синьорита! Я за справедливость! Если парень заслужил высшую меру наказания, пусть пройдет через суд! Суд, синьорита, вы меня понимаете? Я лично по-португальски ни бум-бум, — заключил он по-русски, видя гневно недоумевающие глаза Лоис.

— Она дала мне в под дых, и я перевернулся, — заявил Оссолоп, садясь.

— Все вы проклятые ублюдки! Честная девушка шагу не может ступить: везде эти свиньи со своими лапами!

— Она... Я, правда, немножко выпил...

Евгений Кулановский улыбнулся.

«Черт возьми! Ну и темперамент!»

В неровном электрическом свете горело, дрожало, сияло огненное девичье лицо.

«Будь я проклят, если когда-нибудь видел такое лицо. Будь я проклят, если увижу. Вообще будь я проклят!»

«Давай, девочка, давай! Крой нас по-непонятному и по-понятному! Режь, бей, жги, дави! Так нам и надо! Фурия! Ангел! Солнце! Каррамба! Чанахи! Капибара! Кракатао! Уррраа!»

— Наконец я с вами расквиталась, твари! — еще раз всхлинула Лоис и занялась прической.

Джимми очень быстро вскочил на ноги.

— Ей-богу, я вел себя с ней джентльменом! — вывернув руку, он пытался счистить прилипшие к спине окурки.

— Мда? — Женя отнесся к этому заявлению иронически.

— Вы не верите? Но серьезно, я имел к ней деловой разговор.

— Деловой разговор с этой девчонкой? Не смешите, мистер... мистер? — для Кулановского английский язык все же был немножго легче португальского.

— Оссолоп к вашим услугам.

— Да, я помню, вы с доктором Трири?

— Да, я его секретарь. Я вам благодарен. Конечно, смешно думать, что могла быть серьезная драка, но царапины и укусы, они ведь тоже малоприятны, не так ли?

— Разумеется, если они незаслуженные.

— Незаслуженные тем более. Нет, правда, я был корректен, хотя, признаться, перед этим изрядно выпил, и... она меня неправильно поняла. К тому же я португальских слов знаю еще меньше, чем она английских. Она вроде считает вас немцем. Вы действительно немец?

— Нет, я русский.

— Ооо! Вот так встреча! Интернационал! Но посмотрите, каковы женщины? Дерется, ругается, но не уходит! Почему ты стоишь, девочка? Ты же обижена?

— Я хочу знать, что такое вы мне собирались сообщить.

— Что она сказала? — спросил Женя, сгорая от любопытства.

— Она меня реабилитировала. Она сказала, что ее удерживает интерес, я бы назвал это любознательностью. Она хочет вести со мной переговоры. Одновременно она просит, чтобы вы не уходили, мистер...

— Кулановский.

— Благодарю, мистер Кулановский. Вы сами видите, насколько деловая атмосфера была у нас в начале разговора, а затем все как-то неожиданно переменялось. Видно, не стоило нам перемещаться из света в тень.

— Да, это обычно обостряет отношения. Ну, хорошо, я, пожалуй, пойду.

— Нет, нет, ни в коем случае. Вы будете свидетелем.

— После такой репетиции,— возразил Евгений, не собираясь, однако, уходить.

— После такой репетиции все ошибки будут исправлены, и порядок восторгает! — заверил Оссолоп. — Прошу вас, не будем делать холодную погоду в этот теплый вечер. Не будем? Ну и отлично! А теперь, девочка, слушай меня внимательно. Ты любишь свою мать, не правда ли? А твоя мама любит одного человека, так ведь? Ну вот, а я могу сделать так, что человек, которого любит твоя мама, станет очень богатым. Но для этого я должен встретиться с ним, понимаешь? Если ты меня приведешь к нему или его ко мне, ты сделаешь счастливыми и Дика Рибейру, и твою мать. Именно это я и хотел тебе сказать с самого начала.

Евгений с напряжением вслушивался в воркующую речь быстро оправившегося Оссолопа. Он чувствовал себя очень неловко и медленно пятился к трапу. Но тут Оссолоп перевел дух, и Женя замер. Черноглазка в этот момент снова рассердилась, но на сей раз сила бури не превышала пяти баллов. Она упомянула какого-то Дика и, отрицательно помотав головой, величественно удалилась. Гордая и непокоренная.

— Господин Кулановский меня извинит,— Оссолоп пожал плечами и тоже поспешил прочь.

Евгений остался наедине с затухающим океаном.

«Извинит, разумеется, извинит. Отчего же вас не извинить, господин Оссолоп, только что получивший по лбу и в лоб. Пора и нам на боковую, комедия закончилась. Чем же девочка меня потрясла? Внешность? Ну нет, у нас в институте Тереза Кондратюк, например... Так что же? Темперамент? Что такое темперамент? Мне, говорят, не хватает темперамента. Гм, что же такое темперамент? Определим его как энергию, расходуемую на выполнение работы. Вполне научное понятие. Хотя, пожалуй, лучше будет называть темпераментом общий энергетический уровень организма. Сравнить безработного холерика и безработного меланхолика. Энергия, энергия... Пьяный более темпераментен, чем трезвый. Учить стадию опьянения. Темпераментному человеку живется приятнее. Разве приятнее? Ведь он не знает другого темперамента и не способен сравнивать... А куда я, собственно, иду?»

Вопрос был задан вовремя. Женя увидел, что он попал в незнакомую часть корабля.

Узкий длинный коридор. Больнично белые двери кают с черными номерами. Надраенные латунные ручки дверей. Латунь и медь — металлы парадов и торжеств. Бей, барабаны, бей!

В дальнем конце коридора возникла уже знакомая фигура.

«Нет, нет, не может быть. Такого не бывает. Или такого быть не должно.

Бывает, бывает. Видишь, она сама идет прямо к тебе. Она сама, ты же хотел ее видеть? Ты, кажется, собирался общаться с ней? Вот тебе случай, неповторимый, учти! Не упusti мгновение!»

— Сеньорита, какая встреча! — фальшиво изумился Евгений. — Надеюсь, вас никто больше не беспокоил? — от волнения он не заметил, что говорит по-русски.

— Я не могу там одна сидеть, понимаешь, рыжий? Под дверью все время ходят, постукивают, и мне страшно, — на родном языке ответила бразильянка.

— Конечно, конечно, жаль, что я не силен в португальском.

— Мама мне запретила приходить к ней, а я боюсь, боюсь туда возвращаться. Я никогда не бывала так долго одна, а здесь еще эти свиньи все время лезут.

— Может быть, мы найдем какой-нибудь нейтральный плацдарм для общения, например английский язык? Вы говорите по-английски?

— По-английски? Мало. Кое-что. Ты знаешь английский? Ты англичанин?

Общение двинулось вперед семимильными шагами. Бай-бай Евгения Кулановского отодвинулось на неопределенное время. Его существование на «Святой Марии» приобретало смысл.

Вечер — прелесть. Он ласкал, обнимал, обнадеживал. И океан совсем не такой плоскогрудый. В нем было все, что нужно. Вспыхивающие гребни. Серебристые облака на невидимом горизонте. Влажное дыхание. Холодные мелкие брызги в лицо.

«...Он ничего, этот рыжий. Тихий. Мурлычет непонятно и все улыбается. И не лезет. А по-английски говорит плохо».

Оставим их.

15

Оссолоп с облегчением вздохнул.

«Наконец-то эта девчонка убралась из каюты! Я бы не хотел встретиться с ней второй раз. Разумеется, реванш за мной, но только не сейчас. Я уже не пьян, таблетки действуют отлично и мгновенно, по к черту помехи! Моя цель — Дик Рибейра. Если я

это сделаю раньше шефа, то... ситуация приобретет неожиданную окраску. Уважаемый учитель, вы останетесь великим и единственным, но, но... десять тысяч но! Ваши проповеди продолжают потрясать и умилять слушателей, вас приветствуют, вами восхищаются тысячи поклонников и поклонниц. Отели, церкви, стадионы рукоплещут вам, нередки случаи, когда обожатели уносят вас с кафедры на руках, оставляя в пальцах ключья ваших брюк. Трам, тарарам, бум! Тик-так, тик-так, часы бьют полночь, из-за занавеса появляется безответственная фигура вашего ответственного секретаря — и вы уже не фюрер, не владыка. Вы марионетка, дорогой учитель! Ма-ри-мари-мари-оне-марионеточка! Марионеточка-кокеточка, на веревочке висишь, все, что надо, говоришь. А веревочку дергает некто в вуали... Фу черт, все же голова болит. Как проникнуть в четыреста первую? Если Рибейра там, может быть, он откроет?»

Осолоп осторожно подергал ручку четыреста первой каюты. Дверь не поддавалась. Он постучал. Из каюты — ни звука.

«Если великий Дик Рибейра отсутствует, то, может быть, мы познакомимся с его бытом путем непосредственного осмотра? Кое-какие детали быта могут стать путеводной нитью Ариадны. Но проникновение без разрешения хозяина рассматривается в некотором роде... Ничего, не застукают. Скажу, ошибся каютой. Прикинусь пьяным. Сдала ли девчонка ключ? Сдала. Ах умница, ах прелесть! Прощаю тебе все. Побой прошлые, побой грядущие, побой настоящие. Все тебе прощаю за то, что, уходя, ты повесила ключ от четыреста первой каюты на доску. А теперь стянуть его из-под носа портье ничего не стоит. Телефонный звонок... так... портье отвернулся... готово».

Осолоп прошел по коридору в дальний конец, где была каюта Дика.

«Дрожат колени. Дрожат руки. Весь дрожу. Великий миг. Светлая минута. Пир угнетенного. Но... но... не будем гнать картину! Может, все липа? Цифру «401» я услышал еще в Белене, когда шеф вернулся от Толстого Педро. Да и девчонка его упоминала, а затем сюда прискакала. Но чем черт не шутит! Терпение, Джимми, терпение».

Осолоп, слегка побледнев, вошел в каюту и быстро запер за собой дверь.

«Теперь сюда не войти без стука. Ключ-то все-таки один. И этот ключ здесь, под рукой, на столе. Приступим к тщательному и кропотливому осмотру. Немножко передохнуть. Один глубокий вздох, второй. Приседание. Асана по системе йогов. Как будто убралась круги из глаз. Итак, приступим».

Живчик задумчиво почесал переносицу.

— Баба упорная, но похоже, что завтра мы будем говорить с Диком. Она делает.

— Доляжна,— зевнул Ленивец.— Пора позаботиться о ночлеге.

— Что же, все шлюпки к нашим услугам. Слушай, Ленивец, не заглянуть ли нам перед сном в каюту Дика? Вдруг появился?

— Это можно. Только вряд ли. Здесь заправляют две бабы. Дик появится, когда они захотят. Но проверка не помеха. Пойдем.

— Слушай, Ленивец, может, нам пока обыскать каюту Ми-муазы? Вдруг Дик у нее?

— Наверное, он там. Но ее каюта — опасное дело. Служебная часть корабля. Можно нарваться. Да я уже и спать хочу. И зачем? Утром, в крайнем случае днем мы будем разговаривать с Диком.

— Чем раньше, тем лучше,— пробормотал Живчик и вставил отмычку в замок четыреста первой каюты.

Услышав царапанье в замочной скважине, Оссолоп быстро выключил настольную лампу и прыгнул на койку. В последнюю секунду он успел задернуть шторы койки.

Живчик и Ленивец вошли в четыреста первую не торопясь. «А куда, собственно, спешить? — раздумывал Ленивец.— Дика здесь нет, а если придет, лишь обрадуется старым друзьям. Девчонка тоже куда-то подалась...»

— Слушай, Живчик, не заночевать ли нам здесь? Заодно и хозяина дождемся. Хорошая мысль, вельо? — Ленивец блаженно развалился в кресле.

Живчик возился с отмычкой.

«Открыть открыл, а выдернуть не может. Эх ты!»

— Уф, черт. Еле вылезла, проклятая. Не надо захлопывать, пусть дверь останется чуть приоткрытой.— Живчик включил верхний свет, сел во второе кресло. Сел чинно, аккуратно, не то что этот Ленивец, тот и сидит-то как свинья.

— Что ж, можно,— поджав губы, согласился он. И почему не ему пришла эта мысль? И обрадованно возразил.— А что делать с девчонкой?

— Она не придет. Напугана,— сказал Ленивец и увидел ключ от каюты рядом с настольной лампой.

Несколько мгновений они молчали, Живчик прикрыл глаза. «Отдохнуть бы где-нибудь в теплом местечке. Забиться в угол, и чтоб никто, никто не...»

— Закрой дверь,— резко сказал Ленивец.

Живчик встал, и в тот же миг из-за шторы с койки Дика ось-

мкножым чернильным облаком метнулось к двери неправдоподобно большое темное тело Оссолопа. Он вылетел из каюты в коридор, но там зацепился и упал животом на ковер. Живчик успел схватить его за ногу и заорал:

— Стой, Дик! Это мы, твои друзья!

Через секунду Ленивец, прижимая потным горячим телом голову Оссолопа к коврику, приговаривал:

— Куда? Куда? Куда? — при этом грудь его ходила, как воздуховки.

— Что здесь происходит?

Техник-электрик Альдо Усис любил порядок.

«Ведь если рассудить здраво, то человек отличается от животного только своей способностью создавать порядок. Настоящий правильный человек всегда знает, где, что у него лежит, в какое время он будет обедать, когда, где и с кем ляжет спать. Настоящий правильный человек. Можно не приставать с расспросами, кого я имею в виду. Всем известно, какой образцовый порядок у меня в семье. Да и на службе не могут сказать, что я неаккуратен, или, хуже того, небрежен. Взять, например, коридор, по которому я сейчас иду. Здесь полный порядок. Чисто, светло. Плафоны протерты, все лампочки целы. По обеим сторонам двадцать четыре двери кают, это всем известно. Каждая дверь имеет свой освещенный номер, чтобы пассажиры не блуждали, как дикие овцы, а шли прямо в свои каюты. Да, здесь порядок! А вот в холодильных камерах, куда меня вызвали, беспорядок. Испортился холодильник. Вероятно, не выполняли как следует инструкцию по эксплуатации холодильных агрегатов. Они там, на кухне, очень часто нарушают инструкцию. Я же никогда в жизни не нарушил ни одной инструкции, и у меня на моей памяти никогда не ломался ни один электроагрегат. За исключением тех, которые имели фабричный либо заводской дефект».

Под ноги Усису плюхнулись два кричащих тела, затем их накрыло третье, массивное и большое.

— Что здесь происходит? — повторил свой вопрос Усис, вложив в голос весь имеющийся металл. «Какое дикое и бессмысленное нарушение порядка!»

— Пусти его, это не Дик, — хватая воздух большим беззубым ртом, выдохнул Живчик.

— Какого дьявола?! — возмутился Джимми. — Кто вы такие?

— Но-но, — Ленивец не выпускал рук Оссолопа.

— Что здесь происходит? — в третий раз спросил Усис.

— Что надо, то и происходит, — огрызнулся Живчик. — Встреча друзей.

— Какого дьявола? — ругательства Оссолопа звучали пасторской проповедью в сравнении с возгласами гангстеров.

— Это не Дик, Дика я хорошо знаю!

— Ворюга! — радостно завопил Ленивец. «Не так часто ему удавалось выступать в роли охотника».

— Господа, я прошу предъявить ваши документы! — пробился наконец Усис, — в противном случае я вызову корабельную полицию.

Только теперь все трое разглядели форменный китель Усиса. Преображение было мгновенным. Они попытались улыбнуться. Живчик застенчиво прикрыл рот ладошкой. Оссолоп расправил плечи и независимо отряхнул коленки. Привычным щелчком сбил плоский сигаретный окурок с левой лопатки. Ленивец отодвинулся в арберггард, сохраняя вид приветливый и дружелюбный.

— Дружеская шутка, сеньор... — начал довольно развязно Живчик, но закончил почти горестно, — так уж получилось.

— Ваши документы, господа! Номера кают? Фамилии? Нарушение порядка на корабле...

Отошедший за спину Усиса Ленивец снял со стены ярко-красный огнетушитель и, перевернув его дном вверх, опустил этот мирный безотказный прибор фирмы «Шелл» на голову техника-электрика. Удар был мягкий, плавный, почти нежный, и Альдо так и не смог понять, почему он падает.

Он увидел только, что ботинки нарушителей порядка брызнули в разные стороны. Один из нарушителей, самый толстый, перешагнул через техника, и тот отметил темнеющим сознанием, что брюки толстяка лопнули в интимном месте.

Техник был без памяти секунд десять, но ему показалось, что прошли годы. Когда сумеречный провал миновал, он сел на ковер, а затем и встал. Прямо перед ним была распахнута дверь четырехста первой каюты.

Ощупывая голову одной рукой, Альдо поднял огнетушитель и повесил его на место. Так было положено начало восстановлению порядка.

Затем Усис вошел в каюту и жалобно позвал:

— Кто-нибудь есть?

Никто не ответил. Альдо взял ключ со стола, погасил свет, запер дверь, ключ отнес к портю.

— Кто у вас проживает в четырехста первой?

— Четыреста первая сейчас. Сеньор, она записана за неким Диком Рибейрой. Но он попросил разрешения поселить вместо него девушку, дочь нашей барменши, а сам перешел в другую каюту. А что?

— Последите за каютой. Там беспорядок.— Усис потрогал твердеющее образование под волосами, подумал, помолчал и повторил: — Там беспорядок.

Портье открыл рот, но техник-электрик уже уходил, так и не разъяснив, что же за беспорядок в роковой четыреста первой каюте.

Усис приближался к холодильному отделению в прескверном настроении.

«Можно позвонить помощнику капитана и все рассказать. Наверное, так и нужно сделать. Хулиганов поймают и накажут. Порядок будет восстановлен. Интересно, кто из них Дик Рибейра? Толстяк в лопнувших штанах? Похоже. Почему я не рассказал портье о трех бандитах? Почему от него сразу не позвонил помощнику капитана? Почему не потребовал ареста этого Дика Рибейры?»

Я испугался, вот и все. Я просто очень сильно испугался. Это было слишком резкое и внезапное нарушение порядка. Спрашивается, за что они меня ударили? За что? Что я им сделал? Чем угрожал? Я просто спросил документы. Каждый здравомыслящий сотрудник поступил бы на моем месте аналогичным образом. Разве не так? Они не захотели мне показать свои документы. Почему? Очевидно, им не хотелось, чтобы официальное лицо знало и могло сообщить куда надо об их недостойном поведении. Только ли? Нет, не только. Возможно, они не обладали нужными документами либо документы компрометировали их обладателей. Кто такой Дик Рибейра? Соучастник или жертва? Поскольку он бросил меня бездыханного и полумертвого на произвол судьбы, я могу судить о нем очень плохо, хотя он и занимает приличное помещение. Этот человек либо трус, либо негодяй, либо то и другое одновременно. Трусливый негодяй!»

Усис с отвращением распахнул дверцу холодильника.

«Плохо. Все очень, очень плохо. Чистые мысли о светлом и строгом порядке спутались в волосатый хаотический клубок. Бессмысленность. Страх. Непонятное ожидание. Чего? Это были профессиональные гангстеры? Тогда, пожалуй, лучше с ними не связываться. Они народ серьезный.

Вот почему я до сих пор не позвонил помощнику капитана.

Конечно же, они не соблюдают инструкций. Конечно же. Холодильник миллион лет не размораживался. В морозильнике образовались сосульки, подобные сталагмитам, что встречаются в подземных пещерах. Затем холодильник переполнен. Нельзя так перегружать аппарат. Машина не человек, она требует в уходе за собой нежности и внимательности».

— Эй, буфетчик, подойди сюда!

— Сию секунду, сеньор.

— Есть у тебя серая бумажка с черной надписью «Инструкция по уходу и эксплуатации»? Есть? И ты, кажется, человек грамотный? Отлично. Тогда почему же ты не читаешь эту бумажку и не делаешь так, как там написано, а поступаешь совсем наоборот? Ты не соблюдаешь установленный порядок, и поэтому твой холодильник испорчен. Зачем ты набил его всяким хламом, которому замораживание совершенно не нужно? Вот, например, эта здоровая банка с зернами кофе. Ты полагаешь, они испортятся, если постоят в сухом теплом месте? Скажи, зачем ты их сюда сунул?!

— Простите, сеньор, эту банку принесла сеньора Мимуаза, она просила сохранить ее в холоде несколько дней.

— Чепуха! У тебя в шкафу на полке я вижу шесть таких банок, и ничего с зернами не случилось. Присоедини к ним седьмую, а Миму скажи, что все в порядке.

— Я это сделаю, сеньор техник.

— Отлично. Теперь ответь мне, пожалуйста, как тебе удалось втиснуть этот окорок в морозильное отделение, и еще ответь мне, как ты собираешься извлекать его оттуда? Он примерз к стенкам с четырех сторон. Отвечай мне, буфетчик!

Хуанито, молоденький и очень хорошенький буфетчик, опустил тонкие усики книзу, туда, где из-под полы белого халата выглядывали узкие носки сверхмодных сверкающих туфель.

— Ты не ответишь мне, буфетчик, и ни один здравомыслящий...

— Я его разморожу.

— Но тогда ты разморозишь и свой окорок. Нет, не изворачивайся, мальчик, ничего хорошего никогда не получалось у людей, которые не умели ценить порядок, соблюдать порядок и поддерживать порядок ежедневно, ежечасно. Любая машина — это олицетворение порядка, выполненное в металле...

«А может быть, пока никуда не звонить? Подождать, осмотреться. Последить самому. Вдруг они и в самом деле гангстеры, а не просто пьяные хулиганы...»

17

Донья Миму, сложив руки на коленях, горестно смотрела на Дика Рибейру.

«Он еще улыбается! Он еще улыбается своей белозубой вызывающей улыбкой, от которой у меня заходится сердце! Ему еще хочется улыбаться! На сухих обветренных щеках как волны раз-

бегаются глубокие морщины. А глаза блестят, веселые глаза кладоискателя, блеск которых никакие неудачи не смогут погасить. Мой мальчик, мой беззаботный Дик».

— Словно тебя это не касается,— сказала донья Миму.

— Очень даже касается, Долли,— отвечает Дик. Он называет ее на американский манер, хотя Миму это и не очень нравится.— Очень даже касается.

Дик уже не улыбается. Он разлегся прямо на ковре, без туфель, в своих поношенных бау-джинсах, в рубашке с подвернутыми рукавами. Несмотря на резкие морщины и озабоченные складки на лбу, он еще молод. Молод и весел. Лежит на полу, подложив под голову рюкзак, потому что ему, видите ли, тесно на койке. Он там задыхается. Он не привык спать в таких крысиных норах. Донья Миму покачала головой.

— Я в отчаянии, Долли,— говорит Дик и опять улыбается.

— Ты какой-то несерьезный! Это опасно. Это очень опасно. Ты знаешь этих людей?

— Я знаю этих людей и поэтому не думаю, что это так опасно, как ты говоришь. И я серьезен. Но я не хочу бояться, пони-маешь, Долли?

— Ты должен бояться, Дик, ты обязан это сделать для меня. Если не будешь бояться, ты попадешь к ним в лапы и дело кончится плохо.

— Хорошо, родная, я буду бояться. Но что я могу сделать? Она вздохнула и опустила голову.

«Дорогой мой мальчик». — «Милая моя толстуха». — «Неужели я всю жизнь ждала тебя для того, чтобы отдать в последнюю минуту?» — «Долли, ты же знаешь, кто я такой и какие за мной тянутся хвосты». — «Я буду бороться за тебя, мой мальчик». — «Бедная Долли, ты еще хлебнешь со мной всякого».

— Чего они хотят, Дик? Они не стали со мной говорить об этом.

— Нетрудно догадаться, что им надо. Старый Педро истратил на нашу экспедицию часть своих наличных денег. Он хочет вернуть их хотя бы в том количестве, в каком вложил. И сразу! Деньги ему нужны сейчас. Но ты же знаешь, что мы ничего там не нашли. Педро нужны гарантии, что долги будут возвращены. Конечно, я их верну, если разбогатею. А если нет? Педро всегда предпочитал синицу в руках журавлю в небе. Поэтому он и остался на задворках Белена. Он там бог, но выше ему не подняться. Если я не могу платить долги, то должен отработать. Знаешь, у него есть несколько участков, где они уже лет двенадцать пере-мывают пустую породу? Прикуют меня стальной цепочкой к те-

лежке, и года три я буду работать за то старое изношенное барахло, которое громко называлось снаряжением. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я стал подпольным каторжником?

— Как ты можешь так говорить, Дик?

— Если я не захочу платить долги или отрабатывать, то...

— Дик, а нет ли еще какой-нибудь причины? Ведь не так просто снарядить погоню, да еще на корабль. Только для мести?

— Причем тут месть? Педро человек жесткий. Он кому хочешь перережет глотку. Если это ему выгодно. Я не ручаюсь, что он не пронюхал о моей карте. Конечно, карта без меня слепа, но в конце концов можно попытаться заполучить и карту, и меня.

— Кто тебя мог предать?

— В живых остались только румберо. И Мануэл, и Энрико все могут разболтать, если их хорошо подпоить.

— Что?! Что они могут разболтать? Ведь вы же ничего не нашли.

— Мы не нашли камней. Но зато мы нашли месторождение золота. Много золота, но не для человека, для машин, понимаешь? Руками то золото не добыть. Нужны мощные драги. Я составил карту этих месторождений. Условную, свою карту, чтобы только я один знал, как туда добраться. Дошло наконец? Эти месторождения ни одному нашему богачу не поднять. Здесь нужны капитал, машины, специалисты, оборудование. Вот почему я подаюсь в Штаты, я уже тысячу раз объяснял тебе. Там я найду деньги и технику. Это не просто, но вполне реально. А у нас ни денег, ни техники, да и говорить со мной никто не станет.

— А Педро?

— А что Педро? Он тоже не в состоянии поднять промышленную разработку в тех местах. Там мало золота, понимаешь? Там мало золота в каждом сите песка. Но зато огромная площадь. Оно есть везде, но его понемножку. А может, и не везде одинаково, может, есть там и богатые районы. Почему я знаю? Я не успел взять все пробы, все обследовать. Когда ребята один за другим стали умирать, я понял, что пора сматываться. И правильно сделал: задержись немного, и я бы сейчас с тобой не разговаривал.

— А Педро...

— Святая Мария, не идет у тебя с языка этот Педро! Если б я не был должен ему эти паршивые деньги, я бы рассказал все, и он отступился. Он знает свои силы. Он на многое не претендует. Но эти деньги у него стали поперек горла, и, пока он не выколочит их из меня, не успокоится. У него волчья натура и бульдожья хватка. Ему наплевать, что я могу заработать миллионы, ему главное, чтобы я вернул взятые у него несколько сот долларов.

Мелкий человек, хотя и считает себя образованным. Размаха у него нет и не будет. Стар стал Педро, опоздал он. Но для плохих дел он найдет и силы, и деньги, и время, все, что надо, найдет.

— Что же делать, Дик?

— Я хотел бы с ними встретиться. Я буду знать условия, и тогда мы подумаем.

— Нет, Дик, нет! Ни за что! Пусть режут меня, пусть мучают Лоис, но я не хочу! Я не могу тебя потерять! Не хочу, не хочу!

Донья Миму опустилась на ковер рядом с кладонскателем.

— Я слишком долго ждала тебя, Дик. Я всей жизнью за тебя заплатила. А ты знаешь, какая у меня была жизнь!

«Да, ты знаешь, какая у меня была жизнь!» — «Знаю, Долли, знаю». — «Я жила, как бездомная собака, и каждый мог пнуть меня ногой, и обругать, и плюнуть в лицо». — «Знаю, Долли, знаю». — «И так со мной поступали, и сердце мое окаменело, и душа моя высохла, и я умерла, Дик, я уже давно умерла». — «Знаю, Долли, знаю». — «И когда потом меня пытались приласкать, я все равно оставалась мертвая, деревянная, я была трупом в объятиях этих мужчин». — «Знаю, Долли, знаю». — «И ты еще знаешь мужей моих, этих вонючих пьяниц, которым не я была нужна, а мой труд, мои деньги, моя воля». — «Знаю, Долли, знаю». — «И ты знаешь, что я выстояла всю эту жизнь, выстояла одна, за эту жизнь с меня сняли все семь шкур, с меня сняли скальп, с меня ободрали все, что было во мне человеческого». — «Знаю, Долли, знаю». — «А это ты уж совсем должен знать, — я говорю о том, что произошло, когда появился ты...»

— Я все знаю, Долли, и ни на чем не настаиваю. Я сделаю так, как мы придумаем вместе, как ты скажешь.

В каюте доньи Миму наступило долгое молчание.

— Слушай, Миму, я забыл тебя спросить, как там дела с зернами, что я отдал тебе? — внезапно спросил Дик.

— Я сделала так, как ты велел. Спрятала их в холодильнике у Хуанито. Поставила вниз, чтоб они не очень переморазживались.

— Спасибо, дорогая. Ты знаешь, я надеюсь в Штатах на этих семенах подзаработать. Хотя бы на первое время, для начала. Там такие вещи любят. А провезти их, как видишь, очень просто. Они очень смахивают на зерна кофе. Я для этого их специально в кофейную банку ссыпал.

— Дик, это несерьезно. Не будем забегать вперед. Мы должны что-то придумать. Мы должны что-то придумать.

В каюте доньи Миму опять настала долгая тишина.

Можно было тушить свет. Потому что окончательно и бесповоротно наступила ночь. Вечер не может длиться до бесконечности. Кончился первый день путешествия.

«Эта ночь длилась без конца». Так сказал себе Питер Ик.

«Я заснул, затем тут же проснулся, и уже был рассвет. Солнце властно рвалось сквозь шторы, шумели людские голоса, раздавались автомобильные гудки. По гудкам я понял, что рассвет лжет. Какие автомобили на «Святой Марии»? Я заснул снова, и мне приснился колледж, осенние, необыкновенно крупные листья на мощеных дорожках. Я собирал эти листья и плакал. О чем? Не знаю, но когда проснулся, у меня были мокрые щеки. В каюте стояла вызывающе мрачная темнота и тишина, лишь усугубляемая вздохами океана. Я вытер лоб платком и тут же снова уснул. Это был черный вязкий сон, как сама ночь, как тишина. Но что-то в нем все же проявилось, будто всплывало из глубины океана на поверхность, но не было ни сил, ни времени увидеть, понять. Тоска душила меня, где-то в подсознании сидела маленькая злая мысль о том, что, просыпаясь, я только теряю время, а главное, жизненно важное для меня находится в одном из бесчисленных снов моих. Что оно это, главное, я не знал. Я спешил в глубь снов и не находил его, просыпался разочарованный и торопливо засыпал. Это была пытка, какое-то издевательство со стороны темных сил, живущих во мне. Они терзали меня, тоска разрывала мне сердце, я гнался за тенью, цель была близка, и каждый раз она все же ускользала.

Наконец я проснулся весь обессиленный, разбитый и услышал хор. Я понял, что не выдержал снова и умер и теперь меня отпевают. Я лежал где-то под черным покрывалом, множество людей пришло проститься со мной. Я до раздражения явственно различал шарканье подметок, покашливание, отдельные слова. С ужасом понимал, что кто-то ругается по-португальски и по-английски. Ловил шум борьбы и вопли ярости. И хор, великолепный многоголосый хор, гремющий высоко-высоко надо мной. Мне стало страшно. Нет, не смерти я испугался. Мне стало страшно, что я сейчас буду кричать и никто меня не услышит. Этот хор все заглушит, и я предчувствовал, как будет глохнуть крик в моем воспаленном горле. Я буду давиться собственными словами, а стоящие рядом, за пологом, друзья так и не узнают, что я был в этот час жив, что я дышал и молил о спасении. Я умру во второй раз. Мои вопли приобретут материальную ощутимость, они будут течь,

сминаться, налипать. Слова станут сворачиваться в комочки и камни, в пластичные клейкие комья. Эти комья набьют мой рот, гортань, легкие, я задохнусь, я умру во второй раз.

И я умер. Смерть моя была болезненным долгим сном. В нем я увидел себя усталым, измученным, одиноким. Я сидел на чем-то желтом, как амазонская лихорадка, и счищал струнья с худых голых плеч. И кто-то рядом со мной повторял каждое мое движение. Мы посмотрели друг на друга, я увидел свой взгляд, тоскливый бездомный взгляд, и проснулся.

Но ночи этой не было конца. Не было ей конца, и конца не было снам моим.

Всего раз меня посетило блаженство. Мне приснилось, что я целую руку. Удивительно живой была эта неизвестно кому принадлежащая рука, и удивителен был мой поцелуй. Рука делала мне пальчиками разные знаки, и каждый из этих пальчиков я целовал. Проснулся я в страшном волнении. Я должен был узнать, кому принадлежит рука. Это было тем главным, ради чего я спал и терпел все остальные ненужные, ужасные сны. Досада охватила меня. Я не мог вспомнить, чью руку я целовал. И я вновь заснул, чтобы очнуться, когда солнечный свет властно рвался через шторы, когда раздавались автомобильные гудки и гремели людские голоса. Гудели, как я потом выяснил, автомобили, стоявшие на грузовой палубе «Санта Марии», а переговаривались мои соседи по коридору.

Это была ночь без конца, но уложились она в несколько минут предутреннего сна».

Питер Ик отшвырнул отстуканные на портативной машинке страницы и отошел от стола.

«Вот еще одно утро. Утро в океане. Боже мой, как это скучно! Не все ли равно, где вас застигает утро? В океане или на суше? Оно предвещает еще один день тусклой, бесполезной жизни. Нужно что-то делать. Нужно общаться с людьми. Это ужасно. Нет, не ужасно. Скучно. Тошно. Противно. Надо бриться. Чистить зубы. Как сказал этот парень в баре? Точка и тире? А что если описать человека, который весь мир воспринимал в двоичной системе? Допустим, такой человек живет на некоторой планете в районе звезды X. А что такое воспринять мир в двоичной системе? И вообще, что такое восприятие мира? Восприятие? Я, безусловно, слышал сквозь сон звуки какой-то возни. Не знаю, что мне приснилось, что я действительно слышал и что додумал только теперь. Не в этом дело. Пожалуй, я вдаюсь в излишний экзистенциализм. Больше экспрессии, черт возьми! Почему бы не начать с убийства в машинном отделении? Или в капитанской рубке?»

Убийство сразу же возбудит острый читательский интерес. Ну кому интересно, что я умер? Вот если бы меня убили... Репортаж с того света! Показания трупа... Но об этом я, кажется, писал в «Судебном разбирательстве в склепе»...»

19

— Не надо. Не надо так жарко, Лоис. Погоди немножко. Погоди. Ей-богу, я даже не знаю, что тебе сказать. Все хорошее, как и плохое, происходит неожиданно.

— Ээй, ты что?!

Евгений Кулановский открыл глаза и с отвращением уставился на Альберта, который тряс его за плечо.

— Боже,— сказал он хриплым со сна голосом,— только что перед моим внутренним взором витал прелестный образ, и вдруг я вижу твою физию! Такие потрясения вредны для старого человека. Оставь меня, юноша. Пожалей мое дряхлое сердце.

— Ничего, оно переживет,— грубо заявил Альберт.— Где ты вчера шатался? Судя по всему, ты явился на рассвете?

— Не спрашивай, не спрашивай, не выканочивай,— Евгений сладко потянулся и уперся головой и ногами в борта койки,— мне дико повезло, дорогой мой, я встретил человека, благодаря которому мое пребывание здесь приобретает особый смысл и значение. Эта девушка — воплощение жизнерадостности и веселья. А ты знаешь, как я люблю веселых людей!

— О господи,— сказал Альберт,— ты забываешь, где мы находимся. Это по меньшей мере легкомысленно.

— Ох, не говорите мне о здравом смысле, я вас умоляю! Мне надоел здравый смысл и все разновидности здравомыслия. Хочу быть диким и свободным, поросшим шерстью и чешуей!

— Это невозможно,— сказал Альберт,— чтоб чешуя и шерсть одновременно...

— А вот и возможно, а вот и возможно! — запел Евгений, соскакивая с койки.

— Женька, не дурачься! Послушай...

— Старого, умудренного? Не хочу, не хочу слушать, не хочу слышать. Я все знаю, все понимаю, но остаюсь при своем твердом убеждении, что мне очень-очень повезло: я встретил существо удивительное, достойное почестей царских, лучших в мире стихов и моего ухаживания.

— Ну смотри сам. Как знаешь. Ты человек взрослый. Самостоятельный. И прочее. Только напрасно, мне кажется, ради ветреных красавиц ты позабросил своих мальчиков-зайчиков.

— А что? Что-нибудь случилось?

— А вот что. Сегодня утром, пока ты отсыпался после rande-ву, я прогуливался по палубе и видел, как нас догнал вертолет и на «Святую Марию» спустили еще одного пассажира. Это было очень эффектно. Лайнер и вертолет в океане.

— Еще одного пассажира? Это становится интересно. И кто же наш новый пассажир? — Евгений вновь стал серьезным настолько, насколько это было ему доступно.

— Некто Сэм Смит.

— Откуда ты узнал?

— Я случайно слышал, как он представился капитану.

— Ты не находишь, что наш корабль представляет интерес для слишком большого количества людей? Моя интуиция подсказывает, что за всем этим что-то скрывается. Какая-нибудь афера в международном плане.

— Теперь и я начинаю так думать. Поэтому твоё увлечение тем более мне не представляется своевременным.

— Ах, не скажи, ничего нельзя загадать. Да и когда любовь была своевременной? Она всегда кому-то или чему-то мешала. Нет, но все же хотелось бы понять, почему они все так рвутся на «Святую Марию»?

— Может быть, ты представишь меня своей пассии?

— Я слишком плохо говорю по-английски, чтобы найти для этого слова.

— This is a friend of mine *, Женечка.

— Я подумаю над вашим предложением, мистер Альберт.

20

Живчик и Ленивец в помятых костюмах (они спали, накрывшись брезентом, на дне бассейна, откуда на ночь спускали воду) прошли по знакомому коридору к злополучной четырехста первой каюте.

Живчик ощущал во рту отвратительный металлический привкус после вчерашней драки, после почти бессонной ночи, после всей этой суеты и кутерьмы, связанной с розысками проклятого Дика Рибейры.

«Я стар. Я устал. Я болен. И чего еще хочет от меня этот набитый здоровьем борцов?»

— Слушай, вельо, я шагу не могу ступить: расплзаются брюки, — смущенно шептал Ленивец.

* Это мой друг (англ.).

— Я ж тебе дал булавку! — прошипел Живчик.

— Она не держит!

— Ну не знаю. Потерпи. Мы не можем сейчас идти в бюро обслуживания. Вот увидим Миму, я попрошу ее зашить дыру. А пока закройся ладошками спереди и сзади и шагай.

Они прошли, как могли, с независимым видом мимо портье и его доски с ключами и проникли в заветный отсек.

— Смотри, огнетушитель повесили!

— Тише ты!

— А кондуктора убрали, — с некоторым сожалением произнес Ленивец.

— Если Миму выполнила наш приказ, Дик уже дожидается в своей каюте.

На этот раз Живчик быстро справился с капризным замком. Они вошли в каюту.

На койке Дика лежал здоровенный негр и читал газету. Огромные ноги в грубых матросских шкрабах он изящно примостил на полированной спинке кресла.

— Ты кто такой? — в отчаянии заорал Живчик. — Как сюда забрался?

— Это не Дик?

— Какой к черту Дик! Дик белый!

Негр с не меньшим изумлением взирал на посетителей. Он снял ноги со спинки кресла и сказал:

— Меня зовут Даниил. Что вам угодно, сеньоры?

— Будь ты проклят и прокляты твои родители! Что ты здесь делаешь, в чужой каюте?

— А что делаете здесь вы, сеньоры? Эта каюта вам тоже не принадлежит, насколько мне известно.

— Заткнись, ублюдок! Отвечай на вопросы, или мы свернем тебе шею!

В это время и даже несколько раньше техник Альдо Усис подошел к портье и спросил:

— Не приходил пассажир из четыреста первой?

— А? Кто? — портье с трудом оторвался от увлекательного детектива, сочиненного неким Питером Иком.

— Я говорю о четыреста первой. Там есть кто-нибудь?

— Есть, есть. Донья Мимуаза брала ключ, а еще кто-то с ней был. Есть там люди.

Когда техник приблизился к четыреста первой, из-за двери доносились звуки передвигаемой мебели. Альдо извлек браунинг из кармана и повернул ручку.

— Руки вверх! Что здесь происходит?

— Ох и надоел ты со своими вопросами,— ответил Ленивец, вставая с человека, крепко обнявшего стонущего Живчика. Человек выпустил неудачливого гангстера и обернулся.

— А вам не надоело кататься на посторонних... ого, Даниил, как ты сюда попал?

— Ох, сеньор техник,— сказал Даниил, отталкивая Живчика,— не надо было мне соглашаться!

— Соглашаться? С кем соглашаться, Даниил?

Дверь четырехста первой каюты распахнулась еще шире, совсем широко, как только возможно широко, и на пороге ее появились две новые фигуры. Войти в каюту они не могли, так как перевернутые кресла и люди наполняли ее до отказа. Они остановились у входа, и тишину прорезал начальственный возглас:

— Что здесь происходит? Кто из вас Дик Рибейра?

Ленивец только головой помотал.

«Дался им этот вопрос. Весь мир интересуется, что здесь происходит. И всему миру нужен Дик Рибейра».

Живчик все еще хватал ртом воздух, как выловленная рыба.

«Все. Ну и пусть! Хотя отдохну немного. В тюрьме и то спокойнее. Дурацкая скачка с препятствиями! Педро может быть доволен. Мы сделали что могли. Не получилось. Бывает».

Даниил в ужасе смотрел на пришедших.

«Это же сам сеньор помощник капитана. Он лишает меня работы. Они выгонят меня с корабля. Зачем только я послушался эту страшную женщину? Паршивая сотня долларов отнимет у тебя работу, Даниил! Ты погибнешь как собака. Ты снова будешь месяцами околачиваться в порту. Господи, пронеси! Господи, покарай эту сладкоголосую фурию, донью Мимуазу! Господи, услышь меня».

Альдос Усис все еще сжимал браунинг.

«Сейчас будет наведен порядок. Это хорошо, что сеньор помощник капитана увидит меня здесь. Я не только исполняю свои обязанности как техник. Я забочусь о порядке на «Святой Марии». Я ловлю нарушителей порядка с оружием в руках. Пусть он видит меня с оружием в руках. Это хорошо, что сеньор помощник капитана увидел меня в данную минуту».

— Что же вы молчите? — сказал Сэм Смит. — Вас спрашивает сеньор помощник капитана. Кто из вас носит имя и фамилию Дика Рибейры? Отвечайте.

Первым заговорил Усис.

— Сеньор помощник капитана, я не знаю, кто из них Дик Рибейра, но оба они гангстеры, хулиганы и драчуны. Они создают непорядок.

— Опусть браунинг, Альдо,— поморщился помощник капитана,— он у тебя ведь всегда заряжен? А как сюда попал Даниил?

— Сеньор помощник,— начал было негр, но Сэм Смит перебил его:

— Почему Дик Рибейра не отвечает за себя?

— Здесь нет Дика Рибейры,— угрюмо сказал Ленивец.

— Ах вот как? — Смит щелкнул пальцами.— Тогда представляет интерес разобраться, как вы сюда попали и что вы все здесь делаете.

Он протиснулся в каюту, поставил перевернутое кресло на три уцелевшие ножки и пригласил помощника:

— Садитесь, кэп, и начинайте следствие.

Помощник капитана неодобрительно посмотрел на Смита. Фиглярничает парень. Он сразу ему не понравился. Еще когда капитан представил их друг другу в рубке. Не понравился потому, что перед тем, как войти в рубку, слышал голос капитана и его слова «Вы можете меня купить, но не испугать».

Нужно сильно довести старика, чтобы он сказал так. А старика не следовало доводить. Старик, это известно всем, очень хороший. Поэтому помощник капитана, с трудом втиснув грузное тело в кресло, еще раз неодобрительно посмотрел на Сэма Смита. «Нет, не нравишься ты мне, парень. И рост у тебя подходящий, и улыбка, и спортивная фигура, да что мне твоя фигура, я не женщина, а со стариком ты обошелся плохо, и посему грош тебе цена».

— Пусть только говорит помедленнее,— сказал Сэм.

— Хорошо, сеньор... конселэйро*, — кивнул помощник.

— Рассказывай, Альдо.

21

— Ладно, с тобой, Альдо, все ясно,— помощник капитана строго поглядел на негра,— теперь, Даниил, объясни мне, что ты здесь делаешь? Пять минут назад я послал тебя подкрасить поручни в третий класс, ты мне ответил «есть, сеньор», а сам здесь, в компании драчунов. Как это объяснить, Даниил?

— Сеньор помощник, я...

— Там был другой негр,— Сэм Смит наклонился к уху помощника капитана,— я его хорошо разглядел. Он похож, но другой. Более тонкие черты лица, да и поменьше ростом. Совсем другой человек.

* Советник (португ.).

— Разве? Почему же он отозвался на имя Даниил? Что это все значит?

Даниил вдруг заплакал. Драгоценные караты слез покатались по темным щекам. Он давился слезами и словами.

— Меня обманули, сеньор помощник капитана, меня ужасно обманули.

— Ну хорошо, успокойся, а пока я спрошу этих джентльменов. Господа, кто вы такие и что вы делаете в каюте, которая вам не принадлежит?

— Мы друзья сеньора Дика Рибейры,— забасил Ленивец,— но нам никак не удастся его здесь застать.

— Тут одни посторонние лица, сеньор помощник капитана,— вклинился Живчик.

— Ах вот как! Здесь посторонние? А вы, оказывается, свои? А ну-ка, покажите ваши документы!

— Вряд ли человек в таких брюках располагает какими-либо документами,— философично заметил Сэм Смит, изучая скованную позу Ленивца.

— Наши документы в каюте третьего класса, секция седьмая, номер двести семьдесят пять,— оттараторил Живчик, мельком запомнивший этот отсек во время вечерних странствий.

— Проверим. Альдо, позвоните дежурному третьего класса и спросите, кто обитает в названной каюте.

Усис сурово глянул на подонечных Толстого Педро и набрал номер. Некоторое время он ждал ответа, затем лицо его прояснилось.

— Там помещена почтенная супружеская пара, сеньор помощник.

— Ясно. Жулики. Отвечайте, что вам надо было от Дика Рибейры?

— Мы его друзья, договорились о встрече, и вот...

— Вы всему миру друзья. Ладно, с вами еще будет разговор. Альдо!

— Да, сеньор помощник?

— Позвоните сержанту, пусть откроет арестантскую, и отвезите туда обоих.

— Понятно. Но вчера был еще третий, сеньор помощник.

— Не будьте кровожадным, сеньор техник. Вы отмщены. Ведите их. В случае чего разрешаю применить оружие.

— Есть, сеньор помощник.

Когда Усис, держа в правой руке браунинг, медленно переступая негнушимися ногами, торжественно вывел гангстеров из каюты, помощник капитана обратился к Даниилу:

— Успокоился? Ну, а теперь выкладывай всю правду! И смотри мне!

Даниил задрожал, и слезы опять покатались из его переполненных мучкой глаз.

22

Питер Ик закрыл машинку и припнулся за утренний туалет.

«Зачем мне копаться в чужом да еще больном восприятии? Пусть делают это другие. Психологи. Анатомы. Психоанатомы. Следует поступить иначе. Возьмем заурядявление. Например, этих моих вчерашних гостей. Они самые средние жулики. Их возраст не позволяет им рассчитывать на многое в будущем. Бесталанные жулики. Работяги, но и только. А ведь гангстеризм требует таланта, изобретательности, творчества. Да, да, именно творчества! Вдохновение, полет фантазии, энергия! Необходимые компоненты успеха. Эти же ребята обладают стереотипным мышлением. Чем они интересны? Пожалуй, своей повсеместностью. Такие люди есть в любой отрасли человеческой деятельности. В науке? Да. В искусстве? Да. В общественной деятельности? Их там легионы. Куда ни кинь, везде основу составляют они. Вот почему мне так скучно. Скучно и тошно. Я очень болезненно воспринимаю серость. Я сам серею. Но ведь и такие, как точка с тире, мне тоже мало-приятны? Разумеется! Эти люди вызывают у меня отвращение. Они надуманы, придуманы, высосаны из пальца. Серость, она хоть естественна. Серых делает природа, а остальных — сам человек. Нет, может, мне все же заняться моими жуликами? Кто они такие, куда они, зачем? Может, тут есть сюжет? Или будет? Скуки ради? Все равно работа не вытанцовывается. И отдых тоже не получается. Мозг постоянно занят обдумыванием дурацких комбинаций. А мне не убежать от себя. Моя профессия у меня в крови.

Итак, вчерашние гангстеры. Их цели, их биографии, прошлое, настоящее и, разумеется, будущее. Можно ли сконструировать линию поведения и предсказать конечный результат? Можно, но мало исходных данных. Нужно еще разок-другой увидеть их. Не будет ли поздно?»

Питер Ик вышел из своей каюты в хорошем расположении духа. Его волосы были уложены, усы подвиты и надушены, кожа на груди хранила воспоминание о холодном душе. Тяжелый осадок ночных снов растаял, как ледок на утреннем солнце.

«На море этой безбрежной скуки и тоски, или нет, на безбрежных просторах океана скуки и тоски далеко на горизонте возник парус интереса. Незначительный такой ключочек белой материи, но как он меняет ландшафт! Только он меня и спасает, удержи-

зает на поверхности. Моя профессия меня бережет. Нет, нет, я не оставляю сюжет, который идет мне прямо в руки! Возможно, я опоздал и многое упустил, но и сейчас еще кое-что можно сделать. Я был непозволительно равнодушен, но у меня есть оправдание. Я устал. Я устал от сознания, что меня ненавидит моя третья жена. Нет, мои милые клоуны из первого акта должны доиграть комедию. Я буду писать о вас и сверять свой текст с жизнью. Пойдут две сюжетные линии. Одна будет конструироваться мной. Это — теоретический сюжет. Я вложу в него весь свой богатейший опыт. Вторая линия будет чисто репортерская. Я стану тенью бродить за своими клоунами по «Святой Марии». Я буду подслушивать их каждый вздох, подсматривать каждый шаг и записывать все большие и малые события, случившиеся с ними, — одним словом, все, что удастся узнать и вывести у болтливых официантов, матросов, пассажиров, и все, что увижу я сам. Я сравню теорию с практикой. После этой работы мне станет ясно, насколько точно работают мое воображение и память. Возможно, я так и опубликую их вместе — детектив воображаемый и детектив действительный. Это будет достаточно оригинально, чтобы произвести впечатление на широкие массы критиков. Именно критиков! Хотя, возможно, кое-кто из читателей тоже оценит новый подход. Господи!»

Питер Ик остановился и осторожно прикоснулся к усам. Прямо перед ним по трапу с верхней палубы спускались трое. Две спины жуликов писатель узнал с полувзгляда, а вот кому принадлежит третья, замыкающая шествие, можно было особенно не раздумывать. Эта спина принадлежала порядку и закону, а личность при этом роли не играла.

«Простите, но ведь это, кажется, эпилог? Сюжет скомкан и уродливо обрезан! Где кульминация? Где сложная многоходовая и совершенно неожиданная развязка? Какой примитив! Кто позволил из Конан-Дойля стряпать комиксы? Дьявольщина! Все летит к черту! Мои дорогие клоуны, как же быстро вас поймали!»

В узком переходе вдоль левого борта писатель снял пурпурный огнетушитель «Шелл» и, быстро оглянувшись, неслышным семенящим шагом настиг Усиса. Удар по затылку техника-электрика был мягким, почти нежным.

— Я ж говорил, что у них есть третий, — пробормотал Альдо, роняя браунинг и медленно опускаясь на колени.

Ленивец и Живчик оглянулись и увидели павшего ниц конвоира. Сзади стоял знакомый им человек и делал знаки, обозначавшие: валяйте, мол, ребята, на все четыре стороны. Впрочем, свободной была только одна, и гангстеры ринулись вперед.

Питер Ик удалился в противоположном направлении.

«Нужно срочно засесть за теоретическую часть,— решил он,— иначе практика обгонит. Реальность задает слишком нервный темп. Нужно догонять».

23

— Дорогой Джимми, как вы думаете, чем отличается великий человек от простого смертного?

Оссолоп широко открыл глаза.

— По-моему, способностью свершать великие дела.

— Это итог, Джимми, итог. Это результат некоего свойства, присущего великому человеку. А вот каково само свойство, как его определить в наших беспомощных словах?

Джимми пожал плечами. Трири улыбнулся.

— Это же так просто, дорогой, так просто. Великого человека отличает способность увидеть, ощутить правду, какой бы она ни была, во весь голос высказать ее, как бы это ни было неприятно множеству людей, и, наконец, действовать в соответствии с этой правдой. Это три обязательных компонента в рецептуре величия. Отсутствие хотя бы одного из них превращает человека из великого в преуспевающего, признанного, талантливого и так далее, но величие при этом исчезает.

— Что такое правда?

— О, мой дорогой, правдой можно назвать любое орудие, которое не заметил противник и которое вы выгодно использовали для достижения своей цели. Например, Трумэн или Аль Капоне увидели и ощутили правду силы, громко заявили о ее признании и действовали в соответствии с этой правдой.

— Они великие люди?

— А как вы думаете? Разве они убили меньше людей, чем, скажем, какой-нибудь Калигула? А величие Калигулы — это уже историческая константа, не так ли?

— Да, но тогда правда в вашем понимании что-то весьма своеобразное.

— Нет, нет. Именно правда. Объективная реальность, примененная для субъективных нужд. Примеры лежат под руками. Линкольн увидел правду, связанную с организацией нового общества, провозгласил ее... а впрочем, вы знаете, что было дальше.

Оссолоп внимательно посмотрел на учителя.

— И вы, доктор?..

— И я, мой мальчик, и я, не будем излишне, по-обывательски скромны и назовем кошку кошкой. И я, мой мальчик, увидел силу

наслаждения, увидел главную движущую силу, которой подчиняются человеческий организм и общество, и я провозглашаю ее во все горло, во всю глотку, насколько мне хватит дыхания, и я буду действовать так, как мне подсказывает мое понимание этой сегодняшней правды. Сегодняшней потому, что правда подобно реке течет, меняет направление и русло, и каждый год, день и час в ней появляется что-то новое, неожиданное. Время приносит нам новую правду. И я, мой Джимми, и я, именно и я! Я приведу мир к золотому веку и стану тогда президентом Соединенных Штатов.

Доктор Трири закончил речь, сверкнув глазами. На одном из них у него было маленькое, почти незаметное бельмо. Оно делало его взгляд похожим на взгляд статуи — слепым и многозначительным. И слепо и многозначительно доктор осмотрел ученика.

«Когда Джимми не выпивши и без таблеток, он производит хорошее впечатление. У него великолепный цвет лица и замечательные зубы. Губы немного толстоваты, но они придают ему вид добродушного, покладистого парня. В действительности все совсем не так. Это скрытный, хитрый человек. Когда он напьется или нализается своей дряни, лицо у него лиловеет и приобретает неприятную прозрачность. Словно выброшенная на берег медуза. Глаза заплывают, совсем тонут в щелках, брр, нехорошо выглядит пьяный Джимми. Сегодня у него какой-то прибитый вид. Верно, вчера перебрал».

— Ну хватит разговоров, Джимми, за дело! У нас, кажется, оставалась неразобранной корреспонденция? Покажите мне. Есть что-нибудь интересное? Ватикан? О, отлично. Давайте сюда. Это первоочередное. Ух, уже радиограмма из Майами. Когда они только успевают? Сейчас.

Доктор Трири пожевал тонкими иезуитскими губами.

— Из Майами сообщают, что за Диком Рибейрой охотится некто Сэм Смит. Он уже здесь. Нам предлагают объединить усилия. Джимми, вам придется связаться с этим человеком. Потом вы познакомите нас.

— Стоит ли, док?

— Что вы хотите сказать своим «стоит»? — доктор Трири смотрел на Джимми неопределенно и водянисто. Оссолоп распрямился, крошущивая наиболее болезненные места на ребрах, которых коснулись пухлые пальчики Ленивца.

— Видите ли, док, я думаю, что мы и сами бы справились с этим Диком. Ведь дело только в цене?

— Нет, — доктор был категоричен, — те, кто послал телеграмму, знают толк в подобных делах. Если они советуют объединиться, надо объединяться. Вам известно, что для нас значат эти люди?

Это промышленность, это реклама, это сбыт, организация и так далее. Двух мнений быть не может. Ступайте и разыщите этого Смита.

— Конечно, док, конечно. Я найду его. Но в процессе...

— В каком процессе?

— В процессе налаживания контактов с Диком Рибейрой может стать так, что весь материал окажется в наших руках, а у Смита голая ладонь! Ведь может такое произойти? Случайность, поворот судьбы, и Дик полюбит нас нежнее, чем Смит, и тогда... вы понимаете?

— Понимаю. Это другое дело. Такое возможно, и мы будем от всего сердца приветствовать подобный поворот судьбы. Но без пошлостей. Помните, что нужен не только материал, но и точное указание самого места, следовательно, лучшего проводника, чем этот Рибейра, не найти, а если он откажется работать на нас, то пусть не работает ни на кого. Собственно, все зависит от количества материала, которым Дик располагает. Вся наша жизнь всего лишь детская софистика. То же и у Дика. Если он постарался и набрал материала достаточно, он уже обречен, если же он был неградив, ленив и у нас не будет полной уверенности, Дик Рибейра будет долго и красиво жить. Вы его видели?

— Он где-то прячется. Но я его добуду!

— Отлично. Действуйте. Я начну готовиться к лекции, которая состоится сегодня после обеда.

24

Словно черный орел, словно гриф с белым воротником, взлетел доктор Трири на помост, откуда каждый слушатель мог видеть его горящий взор, слышать огненное слово пророка:

— Да, друзья мои, я делаю не доклад, не научное сообщение, не объективную информацию несу я в мир, я вещаю вам слова, созданные не логикой, не наукой, не искусством, а слова, рожденные жизнью в душе моей! Поэтому я их проповедую, поэтому мое выступление есть проповедь, а я есть проповедник. Проповедник истины, спросите вы? Нет, отвечу я! Их было много до меня, и все они ушли во тьму веков, не совладав с реальностью. Проповедник силы, спросите вы? Нет! Разума? Нет! Так чего же? — С кроткой улыбкой обвел он взглядом слушателей. — Я проповедник наслаждения! Да, друзья, я утверждаю в мире наслаждение!

Моя проповедь состоит из двух частей, из двух антагонистических начал. Как Ормузд и Ариман, добро и зло. Свет и тьма. Любовь и ненависть. Я начинаю с Критики и заканчиваю Утвержде-

нием. Критика и Утверждение — это два полюса, которые не могут существовать порознь. Каждый раз я меняю полюс Критики, оставляя один и тот же полюс Утверждения. Таким образом, мое Утверждение, подобно свету маяка, поворачиваясь, озаряет самые различные стороны горизонта жизни.

Вчера, ступив на палубу этого корабля, я начал говорить о свободе клетки, насильственно включенной и порабощенной в организации! Это была часть моей программы Утверждения, перед этим в Белене в программе Критики я выяснил аморальную природу Организации, Организма, Государства. Но сегодня я вижу новых врагов, новых противников моей программы Утверждения, сегодня в программе Критики зазвучат новые понятия, хотя к свободе клетки я еще вернусь. Я вернусь к ней, когда буду говорить о новых фасонах платьев и одежды, которые носит современный человек.

25

— Слушай, вельо,— сказал запыхавшийся Ленивец,— я не могу бегать, как мышь, по этому судну! У меня совсем штаны развалились! Я обе половинки в руках таскаю.

— Зайдем в туалет! — скомандовал Живчик.

В туалете Живчик осмотрел своего друга.

— Да, дело дрянь. Гнилые нитки. Теперь штанины разлезутся в разные стороны, а ты останешься посередине. Придется выбросить, ничего не поделаешь.

— А как же я? — взмолился Ленивец.

— А ты ходи, как спортсмен, который только что из бассейна и торопится к себе в каюту.

— Задержат,— грустно поник головой толстяк.— Без халата задержат.

— Могут,— согласился Живчик.— В следующий раз, когда пойдешь на дело, будешь надевать барахло, которое еще не совсем сгнило. Пойди в кабину, разденься и покажись.

Увидев белый живот Ленивца, свисающий над грязными цветастыми трусами, Живчик даже застонал.

— Ээ, нет, братец, на спортсмена ты не похож. Скорее на кусок свиного сала.

Гангстеры задумались.

— Слушай! — Живчик встрепенулся.— Я, кажется, придумал. Надевай вместо штанов рубаху. Как будто бы сверхмодный фасон.

— Ты думаешь? — Ленивец стал подозрителен.

— Дело тебе говорю! Ступай в кабину и переодевайся.

Ленивец покорно скрылся в кабине, и оттуда долго доносились сопение и вздохи.

— Ты заснул? — спрашивал Живчик.

— Не лезут ноги в рукава, черт бы их побрал! — крихтел за перегородкой толстяк.

Когда он вышел, Живчик вздрогнул.

— Ты как глобус на спичках, — заявил он, — чего это ты так брюхо развесил?

— Так ведь рубаха ж!

— Подбери. А воротник у тебя оказался на самом интересном месте, подтяни сзади. А эта дыра откуда?

— Раньше она была на рукаве, под мышкой, и ее не было видно, а теперь видишь куда вылезла, прямо на всеобщее обозрение, — сокрушался Ленивец.

— Не нужно всякий хлам на себя пилить, когда на серьезное дело собрался, скупердяй! — ворчал Живчик. — Ты, кажется, этого Дика на свалке надеялся найти? Слушай меня. Разорви штанины до конца и обмотай их вокруг пояса, да так, чтобы пояс получилась широкий, на весь живот. Вот правильно! Конец штанины пусти спереди — как бы небрежность с твоей стороны. Эта небрежность прикроет отверстие на воротах. Да закатай рукава на ногах! Ты бы еще запонки у щиколотки прицепил! Ходить можешь?

Впавший в какую-то каталепсию, Ленивец с трудом пошевелился.

— Вроде могу, — от волнения голос у него стал высоким и сипловатым.

— Ну и отлично. Пошли. Тебе еще туфли другие и что-нибудь на голову, и был бы ты как шотландец в национальном наряде. Но сойдет. И так похож на чудака-иностранца. Пойдем.

— А куда идти? — обреченно спросил Ленивец.

— Куда идти, куда идти! Словно не знаешь?

— Не знаю, — жалобно вздохнул несчастный. Живчик подумал.

— Пойдем к Мимуазе, поговорим с ней как следует!

— Пойдем, — печально кивнул Ленивец.

Живчик незаметно ухмыльнулся.

«Вот так оно и бывает. Только так, и не иначе. Храбрость Ленивца вошла в поговорку на задворках Вер-о-Пезо. Ленивец пули не боится — это всем известно. Почему не боится, вопрос другой, но не боится, и все тут. И ножа он не боится. Он всегда руку с ножом обломать может. И вообще Ленивцу сам черт не брат. Он бывал в таких переделках! А вот ведь скис Ленивец! Стыдно ему. Стыдно ему, бедолаге, вместо штанов рубаху носить и в та-

ком виде по фешенебельному лайнеру прогуливаться. Смущается, как девчонка, не знает, куда смотреть. Ай да ну! Вот посмеемся на берегу! Пошли, пошли, не вешай нос, толстяк!»

Они вышли из туалета и направились к бару доньи Мимуазы. Навстречу им попадались пассажиры и члены команды. Наряд Ленивца воспринимался с интересом, но без энтузиазма. Только раз гангстеров шокировала маленькая девочка:

— Мама, мама! Смотри, кто это такой?

— Иди, иди, детка, этот дядя больной.

Угловым зрением Живчик заметил, что Ленивец побагровел и стал хватать ртом воздух. Затем он услышал тоскливый шепот:

— Слушай, вельо, иди один. Я тебя в туалете подожду, ей-богу. Я там у кого-нибудь штаны достану.

— Да? — Живчик был язвителен и ироничен. — Поднять шум на весь океан? Учти, толстяк, я за тебя работать не собираюсь. С Миму и Диком нужно быть настороже. Идем.

Ленивец обреченно сопел за спиной неумолимого друга.

Живчик неистовствовал. У него был для этого благодарный повод. «Шеф все узнает. Он поймет, каким дураком был, когда посылал этого жирного поросенка на дело. Какой с него прок? Он сейчас как проколотый пузырь. Из него весь воздух выпущен! А храбрился! Подсмеивался. Вельо, вельо, вот тебе и вельо. Сам ты вельо! Стоило с тебя спустить брюки, как ты уже ни на что не годен. Эх ты!»

Они прошли по кормовым трапам и, стараясь остаться незамеченными, поднялись на палубу первого класса, где находился бар доньи Мимуазы.

В это время радио «Святой Марии» передало объявление:

— Подсобный матрос Даниил, подойдите к радиорубке, вас вызывает помощник капитана! Подсобный рабочий Даниил, у радиорубки вас ждет помощник капитана!

Сначала они не придали объявлению никакого значения, но уже через несколько шагов Ленивец осторожно тронул плечо спутника:

— Слушай, вельо, а ведь помощник называл Даниилом этого негра там, в каюте.

— Какого?

— Того, с кем я подрался.

— И что?

— И что! Не соображаешь? Зачем им вызывать матроса, когда он рядом с помощником капитана? Здесь что-то не то.

— Глупости! — отрезал Живчик. — Пока мы возились с твоими штанами, негр мог куда угодно податься! Вот его и вызывают.

Живчик раздраженно толкнул дверь бара. В этот ранний час заведение Миму пустовало. Сама хозяйка, стоя на рабочем месте, разливала в четыре рюмки коньяк. Лицо ее было бледным, губы сжаты. Скорбная складка у переносицы придавала ей выражение мученической решительности.

Напротив барменши на высоких вертящихся табуретах сидели четверо. Помощник капитана, Сэм Смит, подсобный рабочий Даниил и Альдо Усис с забинтованной головой. Все четверо сосредоточенно смотрели на плотно сжатый рот доньи Мимуазы.

Первым оцепеневших гангстеров заметил перевязанный Альдо Усис.

— Они! — техник-электрик заорал так зычно, что бутылка коньяка в руках Миму дрогнула и опрокинула рюмку.

— Действительно они, — пробормотал помощник капитана.

Сэм Смит выхватил пистолет. Никто бы не подумал, что этот джентльмен умеет так ловко обращаться с оружием. Негр Даниил широко открыл заплаканные глаза.

Живчик и Ленивец, сдавив друг друга в дверях, выскочили из бара.

Погоня! Погоня! Настоящая большая погоня на «Святой Марии»!

— Держи! Держи их! — истошно вопил жаждущий крови Альдо Усис, перепрыгивая через канаты, тумбы, бухты и кнехты.

— Это уж слишком, это уж из рук вон, — приговаривал, посапывая, помощник капитана. К тому моменту, когда гангстеры и преследовавший их техник-электрик исчезли, помощник только-только оторвался от круглого сиденья у стойки доньи Миму.

Сэм Смит презрительно ухмыльнулся, спрятал пистолет куда-то под мышку и остался неподвижен.

— Нехорошо, донья Мимуаза, — сказал негр Даниил. Глаза его снова увлажнились.

Ленивец и Живчик бежали по узким переходам, скатывались вниз, в темные провалы салонов, взмывали вверх, на чистые просторы палуб, и чувствовали себя настоящими, стопроцентными зайцами. Где-то сзади по следу шла тощая и злая гончая. Ее лай временами оглушал их слух, временами пропадал, но все время они ощущали у себя на затылке горячее собачье дыхание.

«Ох, плохо быть шестидесятилетним зайцем!» — держась за сердце, думал Живчик.

«Ох, плохо быть стокилограммовым зайцем!» — стонал Ленивец, удерживая разворачивающийся пояс.

«Дурак шеф, что послал нас на это дело!» — таково было единоедушное мнение гангстеров.

На тесной лесенке дорогу бежавшему впереди Ленивцу загордил человек, похожий на боцмана. Ленивец точно не знал, но полагал, что только у боцмана могут быть такой внушающей уважение пышности усы.

— Вы куда? — грозно спросил усач.

— Вы не видели здесь двух? Один высокий, другой пониже? Не пробегали? — задыхаясь спросил Ленивец, кулаком растирая пот на глазах.

— Нет, а вы что?

— Мы их ищем, — выдохнул Ленивец, отодвинул боцмана в сторону и прошел вперед, обнаружив за собой запыхавшегося Живчика. Гангстеры бросились дальше.

— А вот теперь вижу! — заорал усатый боцман и включился в погоню.

Зайцы петляли как могли. Они путали след и временами выходили из игры, накрывшись где-нибудь на шлюпочной палубе куском брезента и пережидая лихую годину. Обычно их передышка кончалась вмешательством добровольной гончей, которая, обнаружив под скользящей шлюп-балкой голые ноги толстяка, отрывала новый этап погони стереотипным возгласом:

— Вот они! Держи их!

Их пытались держать, но не могли. Ленивец легко прорывался сквозь блокаду растопыренных рук и ног. В образовавшуюся брешь устремлялся Живчик.

И тем не менее кольцо сужалось. Уже передали по радио, что их разыскивают, уже каждый встречный мог проявить себя как гончая, кончались силы, дыхание, жизнь.

В этот трагический момент они взлетели на солнечную палубу, где доктор Трири произносил свои удивительные речи.

О чудо! Здесь было полно народу. Дамы и пожилые джентльмены сидели на скамьях, стульях, в шезлонгах. Остальные толпились как попало в проходах между скамьями, многие разместились на огромных, похожих на сундуки ящиках со спасательными поясами, некоторые по-восточному расположились прямо на полу, согнув ноги калачиком.

Впереди, на авансцене, шел жаркий словесный бой между доктором Трири и каким-то светлым пареньком в гавайке навыпуск. Слушатели то и дело разражались криком, они смеялись и хлопали.

Гангстеры надеялись, что теперь-то устроились надежно. Со всех сторон их окружали взволнованные, что-то выкрикивающие люди. Проповедь доктора Трири грозила затянуться на несколько часов. Будущее казалось обеспеченным. Правда, сидя на палубе, они не могли внимательно следить за ходом дискуссии, но это их

почему-то не огорчало. Ленивец завистливо изучал покрой брюк впереди стоящего мужчины. Живчик тяжело вздыхал, — здесь, внизу, воздуха было немного.

— Это как в хороший футбольный день в Рио, правда? — заметил Ленивец, просовывая голову меж чьих-то колен. Загнанный Живчик только кивнул.

«Хорошо тебе, поросенку, а вот побыл бы на моем месте... Не то бы заговорил!»

Ленивца огорчала некоторая текучесть толпы. Люди впереди то и дело двигались, открывая для постороннего обозрения фигуры двух грешников. И хотя спины и бока беглецов были надежно закрыты толпой, Ленивец ощущал беспокойство.

Самые светлые минуты обладают неприятной особенностью прерываться болезненно резко и печально. В жизни дичи этот момент связан со звуком выстрела. И если даже нет прямого попадания, все равно страх охватывает тело жертвы и понуждает ноги к движению, направленному в сторону, противоположную опасности.

Толпа, загораживавшая Ленивца и Живчика от вдохновенного лица доктора Трири, потеснилась, и гангстеры увидели на авансцене уже примелькавшуюся фигуру Альдо Усиса в сопровождении сержанта судовой полиции. Обуреваемый жаждой мести, электромеханик оттеснил доктора Трири и его оппонента в сторону и занял центральное положение возле микрофона.

— Леди и джентльмены! Спокойствие и внимание! — сказал Усис.

— Среди вас скрываются два бандита, неоднократно совершавших покушения на персонал экипажа «Святой Марии». Внимание и спокойствие! Один из них толстый, второй маленький. Спокойствие и внимание! Никто не должен уходить, пока...

Все же звезды и созвездия, под которыми родились Ленивец и Живчик, были добры к ним в этот день. Возможно, боги только играли, оттягивая развязку, но как знать, быть может, они и вправду желали спасения этих двух заблудших душ? Что мы знаем о намерениях богов? Ровным счетом ничего.

Одним словом, произнося свою речь, Альдо Усис увидел в первых рядах слушателей Джимми Осолопа. Почтительный ученик прославленного доктора сидел на стуле с чуть припухшей физиономией и смиренно держал на коленях материалы, которые Трири собирался демонстрировать в своей программе Утверждения. Ведь пока проповедовалась Критика, он успел обшарить максимально возможное количество намеченных кают. Но проклятого Дика так и не обнаружил.

— Это он! — невежливо и нелогично прервал свое обращение Усис, переворачивая микрофон и набрасываясь на смущенного Оссолопа. — Это один из них! Это третий! Я его знаю! Хватайте его! Вяжите его! Он у меня ответит! Он соучастник! Я ему покажу огнетушитель!

— Позвольте... — начал было доктор Трири, у которого в разгар проповеди уводили адепта и ассистента.

— Не позволю! — взревел Усис. Его рот в гнев ощерился внезапно выросшими клыками.

Оссолоп в мгновение ока был скручен и спеленут. Его не уводили, а почти уносили.

— Не знаю, что и придумать, — говорил, тяжело вздыхая, Ленивец, — проповедь по техническим причинам переносится. Все разбегаются. Теперь куда?

— Есть одно место! — Живчик хитро прищурил глаз. «Тебе вовек не додуматься». — Меня этот чокнутый доктор надоумил. Я слышу, он все время твердит «ныряет, ныряет». Вот я и подумал, почему бы и нам не нырнуть, а?

— Еще успеем, — мрачно возразил Ленивец. — Поймают, тогда...

— Брось, парень, я не о том! Идем-ка мы с тобой в бассейн. Там нас голеных никто не выловит! А?

Ленивец в сомнении покачал головой.

— А если застукают? — спросил он. — Голый далеко не убежишь. Весь на виду. В трусах да плавках разрешается быть только на площадке бассейна.

— А что делать?

— Делать, пожалуй, нечего. Ты прав.

26

Евгений и Лоис разговаривали по-английски. Настоящему англичанину было бы интересно послушать их диалог. Возможно, настоящий англичанин остался бы при мнении, что молодые люди просто валяют дурака.

Но Евгений и Лоис использовали свой английский с самыми серьезными намерениями. Он служил, как и положено языку, общению.

— Здесь такая теснота, что некуда пятки возместить! Этот плохой бассейн третьего класса, — говорила, нежно улыбаясь, Лоис.

— Ужасный теснота, — подтверждал Женья. — Но ничего, я вижу неподалеку свободный шезлонг, целых два, идем туда сильнее, мы на них успокоимся.

— О, какая прелесть! Бегали!

Держась за руки, они устремились через вытянутые ноги поджаривающихся купальщиков.

Евгений был горд.

«Да у меня просто соколиный глаз. Чтобы в этой свалке дымящихся тел отыскать свободное местечко... Да еще два рядом. Нет, я просто молодец!»

— Я иду делать большой туалет меньше,— заявила Лоис и удалилась в кабину для переодевания.

Евгений проводил ее нежным взглядом.

«Ах, Лоис. Солнечное создание. Как с тобой легко и просто. Ты сама не знаешь, какая ты прелесть. Ты чудо. Ты мечта. Ты...»

Слава богу, Лоис вовремя вернулась. В купальнике она выглядела школьницей, принимающей участие в спортивных соревнованиях.

Евгений опять умилился.

«Цыпленочек. Желторотый, желтоклювый, совсем желтый цыпленочек».

— Я также пойду уменьшать свой большой туалет,— Женья перекинул плавки через плечо, подмигнул Лоис и отправился переодеваться.

Что было потом? Потом они лежали рядом, над ними было смеющееся небо. И солнце, которое радужными кругами пробивалось сквозь их сомкнутые вежды. Плеск воды в бассейне. Ласковый бриз. Их косноязычные английские фразы становились все короче и реже, пока не исчезли совсем. Да и зачем им нужны были слова? Постукивание мизинцем по соседней всепонимающей ладони немедленно вызывало ответный сигнал, на вздох отвечали вздохом, а изредка по лицу кто-то проводил ласковым пальцем, и было смешно и щекотно.

Евгений видел, не глядя, совсем рядом большой черный улыбающийся глаз и чувствовал себя счастливым.

«Может ли жизнь дать мне большее? Сомневаюсь. Я молод. Я здоров. У меня есть друзья и любимое дело. Есть будущее. И есть настоящее. Рядом со мной маленький замечательный человек. Таинственный и прекрасный. Я счастлив, что он есть вообще и что он сейчас со мной. Но ведь это пройдет? Конечно, пройдет. Обязательно пройдет. Счастье привлекательно своей кратковременностью и бескорыстностью. И вечная зелень, как иглы ежа, хоть век не тускнеет, но век не свежа. Мгновение, я не говорю тебе — остановись. Но я и не гоню тебя прочь. Я прошу тебя об одном. Я знаю, что ты пройдешь. Но если можно, продлись подольше».

Нагревшись так, что кожа стала дымиться, они спустились в бассейн. Они плавали долго, пока прохлада не прогнала солнце из их тел.

Они вернулись на деревянные кресла, чтобы опять лежать, молчать и изредка улыбаться друг другу. Тела их чернели на глазах, словно высыхали, и всем было видно, какие они стройные, молодые, сильные. Когда стало жарко, они вновь пошли в бассейн, ныряли поглубже и, встречаясь под водой, заглядывали друг другу в большие расплывающиеся зрачки. Черные волосы Лоис и светлые пряди Жени касались, словно колышущиеся водоросли, и всплывали кверху. Задохнувшись, они пробками вылетали из воды, смеялись, фыркали, отплеивались. И возвращались на раскаленные прутья лежаков, чтобы через несколько минут вновь оказаться в бассейне. Они не пытались понять, откуда пришло к ним сказочное ощущение свободы и простоты. Женья воспринимал его как некую упоительную невесомость, которая заставляет кровь медленно подыматься к вискам. У Лоис зрачки становились все больше. Ей все чаще хотелось смеяться без всякой причины. Женья пытался проанализировать свои ощущения.

Наверное, это и есть счастье. Наверное, это и есть недоступное счастье. Когда больше ничего не надо. Когда не хочешь идти в завтра, в послезавтра. Когда не хочешь, но говоришь мгновенно родившуюся банальную фразу, которая кажется почему-то новой. Не надо никаких перемен. Знаю ли я эту девочку? Нет. Но зачем мне ее знать? Мы радостно встретились и расстанемся радостно. Радость выше познания. Счастье выше разума. Мне хочется кого-то поблагодарить. Кого? Мне хочется сделать что-то очень приятное. Кому? Мне хочется выкинуть какую-нибудь штучку. Перед кем?

27

— Мы устроимся так,— сказал Живчик, раскладывая свое тощее тело на единственном добытом ими шезлонге,— один будет греться на солнце, второй мокнуть в бассейне. Затем смена. Идет?

— Это хорошо,— одобрительно отозвался Ленивец, с интересом рассматривая множество брюк, лежавших и висевших по соседству. Хозяева некоторых отсутствовали, очевидно мокли в бассейне,— ты здорово придумал, ничего не скажешь.

— Ну и ладно. Я пока погреюсь, а ты иди поныряй.

Живчик вытянул кадык навстречу приветливым солнечным лучам. Но уже через несколько минут гангстер стал ерзать: подушкой ему служил пиджак с двумя пистолетами в боковых карманах.

«Этот чертов поросенок. Почему я должен таскать его люггер?

Пожадничал на штанах, а я отдувайся. Свинья такая. Ишь, поплелся в бассейн, бегемот. Ну хорошо. Допустим, мы переждем здесь шум и суету. Но задание мы так и не выполнили. Где Дик Рибейра? Где товар? Что скажет нам на все это старый Педро? И думать не хочется. Он скажет нам что-нибудь нехорошее. А меня снова попрекнет хлебом, который я, по его мнению, ем даром. Побывал бы он на моем месте, побегал бы здесь, старая вонючая сволочь. Отброс. Огрызок гнилого яблока. Гад. Ну хорошо. Раз мы не можем найти Дика днем, мы найдем его ночью. Именно! В кроватке этой стервы Миму. Именно! Не просто, но реально. Либо у Миму, либо в четыреста первой. У него только две точки. Сволочь этот Дик, заставляет бегать за собой, как девка до замужества. При встрече первым делом набью морду, а затем уже начнем торг. Пусть не мечтает заполучить все денежки этого отброса Педро. Бегай за ним да еще плати. Паразит».

Вынырнув из сверкающей зеленой воды бассейна, Лоис ожидала появления Кулановского. Она уже предвкушала, как расхохочется, как брызнет в Женью соленой водой. Она представила себе его прилипшие волосы, смешно выпученные глаза, широко открытый рот и тихонько пискнула от удовольствия.

Внезапно прямо перед ней чинно, не торопясь, проплыл толстяк с очень знакомым лицом. Она сразу его узнала. Один из тех двоих, вчерашних. Сейчас он был, правда, совсем не страшный, такой себе тюленчик с пухлыми щечками. Но Лоис твердо помнила, что внешность обманчива.

— Давайте уплывать, — сказала она подплывшему Жене.

— Мы только здесь пришли! — удивился он.

— Давайте уплывайте, — твердила девочка.

— Что случилось, Лой? — спросил юноша, когда они расположились на своих шезлонгах.

— Мне стало страшно. Там есть один толстяк, ты видел?

— Видел. Большой белый живот, маленький голова?

— Да. Он бандито, гангстер. Он вчера мне угрожал. Обижал меня. Обещал еще обидеть. С ним раньше был маленький такой. Сейчас его нет. Один толстый.

Женя привстал на своем сиденье.

— Что он хотел от тебя?

— Они требовали сеньора Дика. Дика Рибейру. Приятель такой у мамы. Я не знала, где он, не смела сказать.

— Я побью его!

— Что ты! Нельзя. Никак нельзя. Он имеет пистолет. Он убьет тебя. Понимаешь? Это бандито, гангстер. Ничего нельзя делать. Надо молчать. И ждать. Его заберут другие.

Лоис вцепилась в руки юноши.

«Не надо, рыжий, не храбрись. Это страшные люди, и тебе нельзя вмешиваться. Не надо, очень прошу тебя. Мне будет плохо, случись что-нибудь с тобой».

Женя сел и огляделся. Однако они с Лоис, оказывается, не одни. Вокруг много самых разных людей. Мужчин и женщин. Молодых и старых. Красивых и безобразных. Средних. Всяких. И каждый из них что-то переживает, чувствует себя счастливым, несчастным.

«А как я? А я никак. Мгновение, ты прошло? Или еще нет?»

Лоис встала, улыбнулась Жене и куда-то пошла. Пошла лениво, оглядываясь по сторонам. В углу площадки примостился бородастый фотограф с допотопным аппаратом и макетами фотографий. Лоис шла к нему.

По пути она поравнялась с полицейским. Сержант Лех только что спустился с верхней палубы, где в каюте помощника капитана он пережил несколько неприятных минут. Ученика этого болтливого доктора Трири пришлось отпустить. Усис получил порицание за опрометчивость.

«Ох и Альдо! Ну и дурак. Выкупаться, что ли? Проклятый мундир, как он мешает жить».

Проходя мимо сержанта, девочка сказала:

— Лех, там в бассейне толстый бандит.

Остановившись возле фотографа, Лоис осмотрела витрину и сделала жест рукой:

— Эжен, сюда!

Женя запрыгал через коричневые тела и разноцветные шезлонги.

Сержант сразу вспотел. Он ощупал кабуру с пистолетом и пошел к бассейну. Уши его стояли торчком.

28

Над кораблем «Святая Мария» вновь раздался лай гончих. Затерявшись было в зигзагах и петлях троп лесных, они снова вышли на простор, уверенно взяли след и понеслись, закладывая передние ноги за задние, пустив бархатные уши и длинные хвосты по ветру. Заливистый победный лай гончих снежной метелью завихрился над «Святой Марией». Берегись, дичь! Затравят, сейчас затравят!

«Да и то сказать, что дичь, а что не дичь! Сейчас собаки гонят зайцев, а там, глядишь, ситуация переменялась. И злые хищные зайцы травят, сводят на нет, прямо-таки со свету сживают задер-

ганных, замученных гончих. Перемена цели меняет направление движения на обратное. И получается, что нет в мире абсолютной дичи и нет абсолютного охотника. Каждый бывает тем и другим. И целью, и средством ее достижения. Эти функции разделены во времени. И только. Грустно, что природа столь любит компромиссы. Она не выделила ни одного свойства в чистом виде. Был ли когда-нибудь Абсолютный Охотник? Была ли Дичь в чистом виде? Да и возможно ли это?»

Питер Ик нежился в шезлонге, предаваясь привычному потоку сознания.

29

Узрев сержанта Леха, Ленивец глубоко поднырнул под тела купальщиков и вынырнул на противоположном конце бассейна. Сержант не торопясь прохаживался возле единственной лесенки, по которой купающиеся выбирались на палубу. Торопиться было некуда: уха была приготовлена, оставалось поставить ее на огонь и дать воде покипеть. Лех и не торопился и внимательно наблюдал за всеми передвижениями Ленивца. Тот тоже не спешил выходить из воды и подолгу отдыхал у стены, цепляясь волосатыми ручищами за нежный кафельный бортик. Ленивец понимал, что теперь от закона его ничто не спасет. Разве что чудо. Лесенок было всего две. Одна подымалась из воды возле белой вышки, но над ней нависала мелкая и сверхпрочная нейлоновая сетка, ограждавшая дно бассейна от медных лбов неистовых ныряльщиков, у другой стоял невысокий, но плечистый и полный уверенности в своей силе сержант. Положение безнадежное.

Сверкая изумительной игры каплями, купающиеся то и дело поднимались из бассейна. Один Ленивец, как ракушка, приклеился к голубой кафельной стенке и, казалось, намерен был оставаться там до конца плавания «Святой Марии».

Тем временем Живчик, разморенный солнцем и относительной безопасностью, сладко дремал между двумя пистолетами. Говорят, будто есть телепатия. Это наглая ложь! Если бы все проклятия и призывы мокнущего в бассейне Ленивца приобрели материальную силу, от Живчика не осталось бы ни одного нераздробленного атома.

Сержанту между тем стал надоедать этот безмолвный поединок. Он сделал Ленивцу выразительный знак рукой. Хватит, парень, пожалуй, бриться. Ленивец энергично завертел головой, из ушей теплыми струйками побежала вода. Он ясно показывал, что из бассейна выйдет только на посылках. Тогда сержант похлопал себя

по кабуре. Ленивец поморщился, нырнул и скрылся под телами купающихся.

Сержант задумчиво вертел жаркую латунную пуговицу.

«Глупое положение. Идти за помощью неразумно. Во-первых, толстяк убежит. Во-вторых, сейчас совсем не хочется обращаться к капитану. Лучше всего, если гангстер будет задержан сержантом в одиночку. Это восстановит несколько подмоченную репутацию полиции на корабле «Святая Мария»».

Через несколько минут вахтенный матрос обратился к купающимся по радио:

— Леди и джентльмены, освободите, пожалуйста, бассейн! На несколько минут вода будет спущена. Испортился насос. К вашим услугам бассейны на других палубах.

Оставшись один в бассейне, Ленивец с тоской следил за понижавшимся уровнем воды. Вскоре он уже не мог плавать. Его колени волочились по дну. Ленивец встал на ноги и посмотрел вверх. Там соблазнительно улыбающийся сержант делал ему мажущие знаки. Загорающие с ленивым интересом комментировали упорство последнего купальщика.

— Это называется плаванием до последней капли воды!

— О да! Видно, большой энтузиаст. Недаром ведь жизнь зародилась в океане.

— С таким животом, разумеется, в воде легче, чем на суше.

Ленивец обреченно вздохнул и стал медленно подниматься по белой лесенке.

— Полиция «Санта Марии» приветствует первого пациента,— тихо сказал ему сержант Лех.

— Дайте хоть одеться,— буркнул Ленивец.

— Отчего же! Пожалуйста. Мокрый и обнаженный вы нам не нужны.

Ленивец медленно двинулся к шезлонгу, на котором Живчик, накрыв лицо шляпой, тихонько посвистывая, видел первый сон.

«Попался. Эх, послушался безмозглого вельо. Что делать? Что делать? Вот беда, совсем голый. А что если одеться, а потом...»

Дальнейшее произошло внезапно для самого Ленивца. Он поравнялся с шезлонгом Живчика и в этот миг отметил, что от сержанта его оттеснили две полные женские фигуры. Ноги Ленивца, неконтролируемые ноги зайца, подогнулись и в стремительном броске понесли тяжелое тело прочь от блюстителя порядка.

— Стой, держи! — закричал сержант, забыв от неожиданности похвальное намерение полиции не поднимать больше шума.

Живчик подпрыгнул на своем брезентовом ложе и как ужаленный вскочил на ноги.

Погоня! Погоня! Захлебывающийся лай гончих, крики жертвы, суматоха, неразбериха! Великолепная бездарная сумасшедшая погоня!

Попробуйте поймать голого и скользкого тяжеловеса на площади в тридцать квадратных метров, где все сантиметры запыты чуть менее тяжелыми, но такими же скользкими людьми.

Ах какая это была изумительная погоня! Это была поистине волшебная погоня. Все вопили как полоумные.

Разумеется, все бросились помогать сержанту и закопу в его лице! Но чем больше эти взволнованные и бестолковые люди помогали, тем вернее ускользал от преследования Ленивец! Придерживая ниспадающие тусы, толстяк просачивался сквозь ограждения из мокрых рук, а если это не удавалось, то шел напролом, все дальше уносясь от ревушего в досаде сержанта.

Трудно ловить голого! У него связи с миром настолько нежны и неощутимы, что даже закон не способен его запросто ухватить. И напрасно Лех, ломая ребра, ноги и шезлонги, рвался к цели. Она в этой ситуации была недостижима. Нежно-розовая складчатая спина Ленивца мелькнула раз, другой и пропала за стеной мятущихся человеческих тел.

— Будь вы прокляты! — бранился сержант. — Все дело испортили! Негодяи!

Но что он мог сделать? Ничего. Сержант рассчитывал только на себя. Самонадеянность получила обидный и тяжелый урок. Дичь была так близка, так возможна! Похожий на большую жирную рыбу арапайму Ленивец взмахнул серебряным хвостом, ударил раз, другой и, ах! ушел в заповедные и недоступные омуты. Рыба ушла из рук! Плачь, рыбак, реви, охотник!

— Будь вы прокляты! — говорил сержант, едва не плача.

А что толку ругаться?

«Раньше надо было думать. Раньше. Несколько минут назад. Нет, ты был слишком доволен своей выдумкой с бассейном. Ты гордился своей изобретательностью. Вот и результат. Дичь упорхнула».

Погоня ураганом пронеслась по палубе.

«В душах одних она пробудила пламя Охотника, в душах других страх Дичи. Погоня коснулась огненным дыханием мужчин и женщин и унеслась прочь, чтобы в другом месте взорваться подобно шаровой молнии и заставить одних бежать, других преследовать. Такова уж ее природа, ничего не поделаешь. На то она и Погоня».

Питер Ик, не раскрывая блаженно зажмуренных глаз, чуть-чуть отъехал в тень.

Стеная, плача, ругаясь, разглаживая ушибленные места, люди возвращались на свои места: кто в трюмы, а кто в шезлонги. Но все возбужденно обсуждали происшествие. Многие стали строить догадки и создавать целые теории, кто такой Ленивец, почему его ловят и куда он мог пропасть. Но никто из них не покинул своего нагретого под солнцем места, чтобы застигнуть и где-нибудь на узком и тесном трапе «Святой Марии» покарать нарушителя спокойствия. Эту возможность все молчаливо предоставляли сержанту Леху. Он ее использовал, как только проход немного очистился от человеческих тел. Сержант стрелой вылетел с палубы, где потерпел постыдное поражение.

31

— Смотри, Эжен,— сказала Лоис,— этому больше всех досталось.

— Бедный. Он без памяти.

Евгений наклонился и перевернул лежавшего лицом к солнцу. В суматохе, очевидно, едва не умертвили старика.

— Ох! Это есть второй бандито! Он был у меня с тем толстяком!

Лоис чуть выдохнула эти слова, но Женя их услышал.

— Вот как!

— Уйдем, скорее уйдем! Прошу тебя! Очень прошу!

32

Питер Ик совсем расклеился от зноя и умственного напряжения.

«Теоретические сюжетные построения загнали меня в тупик, и я принял правильное решение промыть мозги в бассейне. Но пока до него доберешься, обольешься потом. Следовательно, на обратном пути я тоже стану потным. Есть ли смысл при таких условиях посещать бассейн? Нет, на обратном пути я буду настолько охлажден, что, может быть, сумею донести прохладу на себе до каюты. Так я рассуждал, пока мне в голову не пришла превосходная мысль о Гончей и Дичи.

Потом что-то меня отвлекло, и я потерял нить. То, что я взял полотенце, было правильно. Но я забыл сигареты, и эта ошибка грозила отравить мне купание. Впрочем, я могу их купить где-нибудь на палубе. Здесь много буфетов. Здесь много баров. Зна-

чит, все хорошо! Да, хорошо, и я иду на пляж. О чем же я думаю? Вокруг меня океан. Я его вижу с любой палубы. Он не волнует меня. Большая, плоская, выкрашенная в грязно-голубой цвет доска. Потом я сижу в шезлонге и обдумываю коллизии, связанные с преследованием. Мне приходит в голову одна любопытная идея, и я спешу к себе в каюту, чтобы сделать заметку. Так я оказываюсь на второй палубе. Здесь темно и прохладно. И пусто. Немного же таких местечек на «Святой Марии». Навстречу мне идет голый человек. Значит, рядом бассейн. Этот человек ужасно торопится. Он не идет, он бежит. Господи, да это же мой герой! Его уже раздели. Так. Он свернул с моего пути и скрылся в туалете. Он скрылся в туалете с надписью «Les dames». Интересно! Там он надеется переждать Погоню. Наивная глупая Дичь! Почему Дичь всегда наивная? Да, сейчас должен показаться Охотник. Ему уже пора быть здесь. Интересно, где вторая Дичь? Старенькая, маленькая, черненькая, суетливая. Однако мой сюжет подвергается значительной деформации. Герои разделились в пространстве. Один бежит в трусах. А второй что делает? Может, его уже изловили? Аяй, я в своих теоретических изысканиях двигаюсь со скоростью черепахи, а жизнь летит как ракета. Что же делать? Придется пересаживаться в ракету. А вот и Охотник. Совершенно официальное лицо».

— Добрый день, сеньор!

— Здравствуйте, сержант.

— Сеньор, здесь не пробежал мимо вас толстый человек без костюма? Вы не видели?

— И без рубашки?

— Да, да.

— И без туфель?

— Да.

— И без галстука?

— И без запонок, без брюк, без носков, без носового платка. Я спрашиваю, не видели ли вы толстого человека в трусах?

— Видел, сержант.

— Куда он прошел?

— Он прыгнул за борт.

— ?! — охнув, сержант бросился к борту. Питер Ик присоединился к нему. Они стали с сумасшедшей внимательностью исследовать бурлящие волны за бортом лайнера. Сделав ладони козырьком, всматривались в горизонт. Пристально разглядывали ослепительно голубой, словно проглаженный утюгом, кильватер.

— Но там никого нет! — сержант возмущенно уставился на писателя.

— Значит, он утонул,— печально вздохнул Ик.— Здесь приличная высота — не меньше пятидесяти футов. Если он давно не тренировался в прыжках, он был обречен.

Лех изучающе осмотрел Питера Ика.

— Разрешите ваши документы!

— Я не беру документы с собой в бассейн.

— Вы знаете, что бывает за дачу ложных показаний?

— А вы, по-моему, не успели еще привести меня к присяге, сержант.

— Почему вы не хотите сказать мне правду?

— Я видел, как он перелезал через борт. Возможно, в последний момент он передумал и спустился ниже, на палубу, что под нами. Не знаю. Но я бы на его месте прыгнул.

— Почему бы вы так поступили на его месте?

— Видите ли, у него было лицо человека, не имеющего будущего. А жить без будущего не может даже клоп. Он должен надеяться на то, что ему еще придется кого-нибудь укусить,— с издевательской серьезностью пояснил Ик.

— Извините, я запишу ваше имя и номер каюты.

— Ради бога, сержант, сделайте одолжение, Питер Ик из двести семнадцатой.

Сержант Лех еще раз посмотрел на собеседника.

«Сумасшедший? Здесь на «Святой Марии» полным-полно сумасшедших. Ни одному слову верить нельзя. Все врет. Лживый американо. Нужно вернуться и пойти левым переходом».

«Погоня! Погоня! Не дойдя десяти шагов до кустов, где притаился загнанный заяц, она сворачивает влево или вправо, чтобы начать новый победный круг! На то она и погоня, дабы описывать спирали и круги вокруг жертвы своей! Круги вокруг...»

Обследовав попавшийся на пути туалет, где никого не было, кроме негра, мывшего голову под краном, и хорошенько поразмыслив, сержант решил направиться на розыски толстяка другим переходом.

«В конце концов, утешал он себя, раздетым гангстер далеко не может уйти. Нужно разыскивать в окрестностях бассейна. Придется просить помощь у капитана. Как неприятно, черт возьми».

«Неприятно, черт возьми.— Питер Ик был недоволен.— Сюжет оказался слишком динамичным. Жизнь обошла теорию и на корпус вырвалась вперед. Что делать, придется снова вмешиваться».

Писатель прошел на площадку бассейна и осмотрелся. Жужжание человеческих голосов к этому времени приобрело покойную равномерность. Только в одном месте несколько человек хлопотали возле кресла, закрытого от солнца навесом. Сидевший в этом

кресле, судя по резким взмахам рук, яростно отбивался от заботливого окружения.

«Сюжет нельзя пускать на самотек. Это чревато неопределенностью развязки. Разлука двух героев не предусмотрена теорией. Где же второй? Он там, где одежда первого. Вернее, одежда первого там, где расположился второй. Чем, интересно, выдал себя толстяк? Почему погоня так милостива к его приятелю? Кто глупее — Дичь или Охотник? Разумеется, Охотник, ведь он спльнее. Но Дичь наивнее. Наивность и глупость разве не однозначны?»

Питер Ик медленно обходил отдыхающих. Он видел людей с ушибами и синяками. У некоторых были наклеены лейкопластыря. Бинты. Поломанные шезлонги попадались повсеместно. «Это лицо погони. Там, где она проходит, остаются изуродованные кусты, измятая трава, грязь, хаос».

— Оставьте меня в покое, я хорошо себя чувствую! — ворчал Живчик, отмахиваясь от непрошенных доброжелателей. — Не нужно никакого врача, я вас умоляю! — Он готов был пасть на колени.

Гангстеру был оказан примерный уход. Одна изнеженная красотка уступила свое кресло с зонтом. Две другие повязали ему голову мокрым цветастым полотенцем, отчего Живчик стал походить на азиатского владыку, которому осточертел его гарем. Остальные соседки донимали старика вопросами о самочувствии.

Питер Ик застал Живчика в тот момент, когда он со слезами просил заботливых матрон отпустить его.

— Но вы сделаете два шага и упадете в обморок! — внушительно и кротко увещевала беспокойного старика купальщица, похожая на Геркулеса.

— Вам только кажется, что вы здоровы, но в действительности вы совсем-совсем больной! Мне вот тоже до недавнего времени много кое-чего казалось, а все получилось совсем наоборот, — туманно разъясняла Живчику дама неопределенных лет.

— Покой, папаша, только покой сохранит ваши кости в целостности и сохранности, — твердо говорила молодая девушка, у которой бикини были надеты прямо на скелет.

— Ему нужен массаж, — твердо сказал Ик, отстраняя женщин. — Позвольте, сеньоры! Я кое-что понимаю в этих вещах.

Он сделал несколько небрежных взмахов полотенцем над головой Живчика и, наклонившись к его уху, прошептал:

— Толстяк ждет в туалете для дам по правому борту отсюда. Живчик узнал таинственного сообщника и доверился ему.

— Спасибо, парень. А там нет этих?

Он изобразил погону на плечах.

— Нет, — ответил Ик и громко заявил:

— Вам, сеньор, необходимо немедленно уйти в каюту и лечь.

— Да, да, я тоже так думаю,— засуетился Живчик, выпрыгивая из гнездышка. Он небрежно попрощался со своими сиделками и удалился, волоча по полу тяжелый пиджак с двумя шестизарядными люгерами.

— Ах, ах, как же так! Он еще очень слаб! — причитало окружение. — Вы, наверное, не видели, как он был плох вначале.

— Ничего, старая лошадь выздоравливает на бегу!

Питер Ик равнодушно смотрел вслед гангстеру.

«Жалкая Дичь. Неудачливый охотник. Сейчас он вызовет толстяка из кабины или, вернее, предупредит того, затем отправится к себе в каюту, возьмет одежду и кое-какой грим для толстяка, принесет ему, тот переоденется, они спрячутся на время в каюту, переждут погоню, а потом... что будет потом?»

Ах эти писатели! Вечно они ошибаются. Оставим Питера Ика ломать голову над зигзагами сюжета, тем более что ему через несколько шагов попадутся растерзанные останки одежды Ленинца, и они тоже заставят призадуматься. А может быть, он этого не станет делать, а сядет, где потеплее, и, выставив поросшую седыми волосами грудь и благородное лицо пожилого Атоса навстречу солнцу, будет тихо нежиться в голубом пламени и думать о том, как ему в сущности все надоело, и все рядом с ним клоуны, и вся жизнь — это даже не игра на сцене, а простейшая примитивная клоунада. Оставим его. Питер Ик — сложный человек.

33

Живчик с ходу влетел в мужской туалет, никого там не обнаружил, кроме негра, отчаянно мывшего холодной водой в раковине лицо и голову. Живчик растерялся. «Обман? Не может быть!»

— Приятель, сюда не заходил один такой, толстый?

Негр плескался, фыркал и не отвечал.

— Эй ты, что молчишь? Тебя спрашивают!

Негр поднял голову, и Живчик увидел несчастное мужское лицо в бурых и желтых пятнах.

— Да ты не негр! Что с тобой, приятель? Постой! Будь я проклят! Дик Рибейра?!

— Андрэ-ругатель! Здорово, вельо! Как прыгаешь?

— Тьфу, тьфу, не слгазить бы! Ты самый настоящий Дик, которого я уже знаю миллион лет и буду знать сотню миллионов! Но что с твоим лицом, друг? Ты решил работать негром? Это не так уж хорошо оплачивается!

— Не говори, старик. Всегда становишься посмешищем, когда слушаешься женщину. Но мужчина никогда не поумнеет. Правда?

— Как знать, как знать, Дик. Но с чего это ты разукрасил руки и лицо, как индеец перед праздником Солнца?

— Понимаешь, вельо,— понижая голос, доверительно сказал Дик,— за мной здесь охотятся. Двое от Педро. Я старику остался кое-что должен. И Миму посоветовала мне покраситься под негра. Мы тут с одним матросом, Даниил его зовут, схожи и ростом, и так. Поэтому я изуродовал себя черной краской, которую Миму достала у парикмахера.

— Ага,— сказал Живчик.

— Ну да, вот какое дело, понимаешь? Я изукрасился как не знаю кто. А сейчас надобность отпала. Пока я бегал с ведром и шваброй по палубе III класса, через радио дали объявление. Слышал, может? Матрос Даниил к капитану!

— Слышал,— сказал Живчик.

— Получается, что мне нужно выходить из подполья. Требуется какая-то другая конспирация. Зашел я в туалет отмыться, а проклятая патентованная краска никак не сходит. Минут двадцать бьюсь, и никак! На попугая стал похож!

— Эту краску нужно одеколоном, а еще лучше ромом смыть,— посоветовал Живчик. Помявшишь, он объявил:

— Слушай, Дик, а ведь это я от Педро! Мы тебя разыскиваем. Дик Рибейро изумленно вытаращился на приятеля:

— Ты?

— Ну да, мы с Ленивцем. Мы и с Мимуазой насчет тебя разговаривали. Я и Ленивец.

— Ты?! Ты?

Дик Рибейра присел от хохота. Заботы минувших дней и ночей свалились с его плеч пустой никчемной ношей.

— Андрэ-ругатель! Гангстер! Кто бы мог подумать, что это ты! Нет, видно, плохи дела у старого Педро, раз он набирает такие кадры! Не обижайся ради бога, вельо!

— А что, собственно! Чем я не подошел этой свинье?

— Не сердись, вельо, я просто вспомнил, как ты, как тебя...

Дик снова заливисто захохотал.

— Разобрало тебя,— с неудовольствием сказал Живчик.— У меня и люггер есть. Так что ты брось эти смешки!

Дик вцепился в плечо гангстера.

— Нет, нет, я так, я не могу! Андрэ, ты помнишь, как на Вер-о-Пезо торговки из нижнего ряда засадили тебя в бочку с рассолом? И мы вынимали тебя оттуда. Помнишь?

— Я бросил пить, Дик, уже с месяц не пью. На этих условиях меня Педро и взял к себе. Спиртного ни-ни. Только по праздникам.

— Ладно,— продохнув от смеха, сказал Дик. Он вытер счастливые слезы на пятнистых щеках.— Но что же Миму? Она-то тебя знает! А все твердила: Живчик и Живчик. С каких пор ты стал Живчиком?

— Ты слишком долго был в сельве,— заметил Живчик,— нельзя на восемь месяцев уходить из дому. Многое изменилось. Меня так начали звать, когда я стал работать у Педро. Миму его знает, это прозвище. Его весь Вер-о-Пезо теперь знает.

— Что хочет от меня хозяин?

— Поговорим в другом месте. Одно скажу, чтобы ты не беспокоился о своих долгах. Педро на них не рассчитывает. Он так и сказал. Это, сказал он, бросовые деньги, что я вложил в Дика. Хотя все знают, что ты окупил их в прошлую экспедицию. Но об этом после. Сейчас другие дела. Ленивого надо выручать. Он, кажется, в соседнем дамском туалете засел и выйти не может. Парень безо всего, в одних трусах. За ним сержант гоняется. И еще один тип.

— А за тобой нет?

— Я не такой приметный. Ты знаешь, ведь мы зайцами! Билеты дорогие, да и документы... Все ты, паршивец, виноват. Посидел бы хоть сутки в Белене, мы с тобой успели бы переговорить, и все было бы о'кэй. Ну да ладно, что будем с Ленивцем делать?

— Не знаю. Мне не до Ленивца. Видишь, какая у меня морда?

— А ты перевяжись платком, словно зуб болит, вот одна щека будет закрыта. Вторую прикрывай рукой,— посоветовал поднатревший на маскировке Живчик.

— Рукой! А рука-то какая? — Дик сунул под нос гангстеру ладонь, покрытую черными пятнами.— Человек я или ягуар?

— Проскочишь как-нибудь. Пойдем.

Дичь и Охотник вышли из туалета вместе.

Напротив, возле женской уборной образовалась небольшая текучая и журчащая, как ручей, очередь из молодых веселых сеньорит. В женском туалете из двух кабин функционировала одна. Вторую занимал непокоренный Ленивец.

Не подумав, Живчик сунулся было к женщинам, но был отвергнут. Нетерпеливо пританцовывающая очередь встретила его насмешками.

На выручку Ленивцу двинулся Дик. Он отыскал где-то обломок ржавой трубы и пробился сквозь очередь, выкрикивая:

— Водопроводчик! Авария! Ремонт!

— Вы нашли не самое лучшее время для своего ремонта!

— Авария подобна смерти, сеньоры! А водопроводчик тот же

духовный отец для труб. Перед концом, как вам известно, обычно посылают за священником.

— Может, за врачом?

— На ваш вкус, решайте сами.

Приблизившись к камере заключения Ленивца, Дик громко и неопределенно заявил:

— Придется подождать, пока Живчик сбегает за спецодеждой. Но не надо волноваться, опасности нет никакой.

Для узника слова эти прозвучали сладчайшей музыкой.

34

Все обошлось. Ленивцу принесли кое-что из старого барахла Рибейры, и через несколько минут все трое уже сидели на ковре в каюте Мимуазы и потягивали ямайский ром, прикладываясь по очереди к горлышку.

— Слушай, Дик, ты все же напрасно от нас бегал,— говорил Живчик. Сидевший рядом Ленивец ощущивал очень тесные и уже треснувшие в нескольких местах брюки Дика.

— Я думал, что Педро будет вытрясать из меня долги.

— Брось. Педро интересуется только теми зернышками, которые ты привозил прошлый раз.

— Какими зернышками?

— Да как ты их называл: монц, понц?

— Бонц? Это не я их называл, это индейцы их так называют.

— Неважно, как и кто их называл. Важно, что они нужны шефу. Простой раз ты ему передал немного этих зерен. Шеф проверил у своих больших друзей и теперь готов купить их у тебя. Он покупает все, что ты принес. Если бы ты вел себя как человек, мы бы обделали наш бизнес еще в Белене.

— Да, парни, я просто не подумал, что Педро может расстаться хоть с одним крузейро, не перерезав человеку глотку.

— Педро изменился. Постарел.

— Я вижу. Тебя на работу взял.

— Журналы читает,— ввернул оживший Ленивец.

— Да, наркотик сейчас в цене,— задумчиво сказал Дик.

— Слушай, Дик,— вмешался Ленивец,— мы не будем с тобой торговаться. Педро положил тебе цену за эти семена, и ты ее получишь. Педро сказал, что он может рассчитывать на твою уступчивость. Как-никак твоя экспедиция влетела ему в копеечку.

Дик улыбнулся.

— Педро есть Педро. Ладно, парни. Я продам вам эти семена. Где деньги?

Живчик лихо постучал себя по подметке.

— Отлично. Придет Миму, я пошлю ее за семенами, они хранятся на кухне, и мы закончим сделку. А пока, я думаю, нам не помешает распечатать вторую.

Донья Мимуаза, забежав в перерыв к себе в каюту, увидела трех очень добрых и вежливых мужчин.

— Значит, все устроилось? — радушно спросила она, поднимая две пустые бутылки и отыскивая взглядом третью.

— Совершенно верно, дорогая. Они славные ребята, — доверительно сообщил Дик.

— Не сомневаюсь. Я рада за тебя, что все обошлось.

— Но вы в этом не виноваты, — заметил Ленивец.

— Женщина всегда во всем виновата, — возразила Миму.

— Это другое... — отозвался Живчик. — Вы скрыли его от нас...

— Слушай, родная, парни, оказывается, хотят приобрести эти зернышки, что я нашел возле озера с кошачьим золотом. Принеси их из холодильника, пожалуйста.

— Хорошо. Сейчас?

— Да, если можно.

— А зачем ты их держишь в холодильнике? Это разве мясо? — спросил Живчик.

— У них очень нежная и тонкая кожица, и они плохо высыхиваются. А в сельве разве можно что-нибудь высушить? Там дожди. Там такие дожди...

Дик грустно замотал головой. Волосы его свесились по щекам.

— И поэтому в прошлый раз некоторые зерна начали гнить. Педро говорит, что половину пришлось выбросить. Врет он, цену набивает. Но действительно могли, кожица у них нежная-нежная...

— Слушай, Дик, а как ты узнал, что они такие?

— Это, парни, целая история. Боюсь, что вы меня не поймете... Чтобы понять, надо самому, что ли...

В общем, парни, многие шли в сельву за золотом. И я был одним из многих. Мне удалось проникнуть туда, где, как принято писаг* в книжках, не ступала нога человека. Но это не совсем так. Я видел тропинки, истоптанные морсего*, намазанные кураре колышки, поставленные кулуэни*, слышал посвист авети*.

Если вяло свисающая с ветвей змея неожиданно падает вам на шею, тело ее сразу же приобретает упругость и крепость стали. Исход встречи решают мгновения. Я научился хватать змею за горло до того, как она захлестнет в тугие кольца. Но скажи мне кто-нибудь раньше, я бы не поверил, что нападение змеи может обра-

* Индейские племена.

довать, как встреча с другом в безлюдной пустыне... Все-таки змеи тоже живые существа, которым нужно что-то есть и где-то спать. На Черном плато не было даже змей...

Сельва отпустила меня однажды. Зачем же я опять, как отколовшийся от надежной кладки камешек, упал в глубокий зеленый колодец Шингу? Как мне объяснить это вам? Вы все равно не поймете меня. Но войдите в сельву, и первое, что вы утратите, будет чувство времени. Еще немного — и вы поймете: природа здесь нераздельно властвует над человеком. И вы не удивитесь, когда повредивший ногу индеец ляжет под дерево умирать. Вам многое придется переоценить. Зато вы научитесь различать в зарослях ягуара до того, как он бросится вам на спину. А если не научитесь, просто не вернетесь назад.

Просто, проосто, прооооосто!.. Так говорят индейцы. Степени сравнения в их языке передает интонация. И если я говорю «прооооосто», то поверьте, что смерть в сельве столь же проста, как восход и закат солнца. Но вы не поймете меня... Для этого вам пришлось бы отрешиться от привычной мысли, что вы центр Вселенной. А это возможно либо в сельве, либо среди очень хороших людей. Я ушел один, когда румберо покинули меня. Ушел, чтобы сделать эту проклятую карту. В озере оказалось не так уж много самородного золота, чтобы можно было разбогатеть в одиночку. Но карту я сделал.

— Ты лучше Расскажи, как вы эти зернышки «бонц» нашли?

— Ну, это случилось еще во время предыдущей вылазки в сельву. Тогда нас было двое — я и один тхукахаме. Он-то и нашел эти зерна. Индеец называл их «Слезам Большого водопада». Впрочем, так их называют, как я потом выяснил, только индейцы племени тхукахаме, остальным эти плоды известны под названием «бонц». Как это случилось? Так вот, шли мы, шли, и как раз начались дожди, я прямо-таки с ног валился, и шли мы...

— Ну шли, и что дальше? — подгонял рассказчика Живчик.

— А ты не торопи меня. У Миму еще бутылка найдется. Когда начались дожди, мы как раз обошли это озеро кошачьего золота и спустились уж не помню, в какую долину, и заблудились. Потому и заблудились, что я требовал дальше идти. Я торопился, парни. Я знал, что надолго меня не хватит. Боялся я ночлега. Индеец послушался меня; мы шли весь вечер и, понятное дело, зашли куда-то не туда. Сделали привал. А дождь все льет. Проводник мой ушел, и что-то долго его не было. Потом приходит бледный, серьезный такой. «Благодари своего бога, — говорит. — Я нашел кусты с плодами «бонц»». «Что это еще за бонц?» — спрашиваю. А он не отвечает. Только головой трясет. Потом сказал, что напи-

ток из этих зерен он пробовал маленьким ребенком, когда была жива какая-то его прабабка. «Ладно», — говорю, и сам смотрю и вижу, что у него и правда в руках большая ветка с ягодками. По форме да и на ощупь они кофейные зерна напоминают, только кожица на них такая нежная-нежная. Пока они сырые, еще можно различить, а высохнут, так совсем как кофе. Индеец приготовил варево из этих зерен, и мы выпили его. Проглотил я напиток из Слез Большого водопада, и...

— И что?

— Это, парни, такое, такое... Не могу вам даже рассказать, что это. Болезнь, мираж, бред? Особая болезнь, особый бред. Потом пришлось расплачиваться — полгода у меня разламывалась от боли голова.

— Дик, а почему ты сам не...?

— Варево из этих зерен можно пить только раз в жизни. Самый меньший перерыв должен быть в двадцать лет. Так мне сказал индеец. А этому покойнику я верил. Он был честным человеком, хотя и пьяницей. Кто выпил два-три раза подряд — конченный человек. Вот я, например, тогда выпил и обеспамятел. Я шел играючи там, где раньше проползал на четвереньках. Еды не нужно, немного воды и все. И только. И все же... я бы не захотел больше так идти. Только удирая от смерти.

— Почему, Дик?

— Видишь, какое дело. Дорогу я видел и выбирал хорошо. И ни разу не свалился в пропасть. И в реке не утонул. И жакаре, и анаконды были мне не страшны. Только все время мне казалось, что небо поросло волосами. Длинными грязными волосами. И волосы эти вверх мотаются, меня чуть ли не по голове задевают. Самое смешное, парни, что небо-то я отлично видел, и облака, и редкий солнечный свет, но и волосы тут же почему-то маячили. Странно. Как посмотришь вверх, чуть ли не тошнить начинает. Это волосы в лицо и рот лезут. Брр! А у индейца другое. Его смех одолевал. Всю дорогу прохохотал. Я удивлялся, как он тогда себе шею не свернул. Все говорил, что звук видит. Слова, говорил, как разноцветные бусы.

— Ты рассказывал про это Педро? — спросил Ленивец.

— Я ему все написал и оставил немножко ягод «бонц».

— А сам ты не захотел с ними возиться?

— Нет, наркотики — это не по мне. Золото — другое дело. Металл чистый, благородный.

В каюту вошла донья Мимуза.

— Вот, — она поставила банку на пол в центре между тремя собеседниками, — я пошла.

— Снимай ботинок, Андрэ,— сказал Дик.

Живчик скинул ботинок, приподнял стельку, извлек из-под нее плотную пачку банкнот и протянул их Дику. Пока кладовщик пересчитывал ассигнации, Ленивец открыл банку и заглянул внутрь.

— Совсем как кофе. Настоящий Red Circle — первый сорт. И пахнут так же.

— От такого кофе ты, брат, на седьмое небо заберешься и забудешь, как оттуда спуститься. Хорошо,— Дик спрятал деньги в карман куртки.— А теперь, Андрэ, скинь второй ботинок.

— Какого дьявола?! — Живчик взвился в воздух и схватился за карман, но в руке Дика уже предупредительно поблескивал вороненый ствол.

Ленивец изумленно смотрел на Живчика.

— Вельо?! — в голосе толстяка звучала угроза.

— Даже так?! Ну и тут ты отличился, вельо,— Дик укоризненно покачал головой.— Это уж никуда не годится. Товарища подводишь.

— Мне деньги нужны,— захныкал Живчик, садясь и снимая ботинок.— Жрите!

Дик извлек из второго ботинка Живчика пачку денег раза в полтора толще первой. Ленивец молча наблюдал. Белые желваки двигались на его небритых щеках.

Рибейра разделил вторую пачку денег на три равные стопки. Одну он протянул Ленивцу, вторую — Живчику.

— Всем нужны деньги,— примирительно сказал он.— Но шестьдесят процентов комиссионных, сам понимаешь, парень, многовато даже для старого гангстера. Я уже не говорю о том, что вы сэкономили на билетах и других мелочах. То ваши чистые деньги. Педро мог бы ловить меня, не тратясь на комфорт для своих помощников. Но это не мое дело. Говорят, Толстый Педро сильно изменился?

— Сильно,— хором ответили довольные гангстеры.

— Журналы читает,— разъяснил Ленивец.

— Какие журналы? — спросил Дик.

35

Светло улыбнувшись, доктор Трири сложил листы газеты и ласкающим движением опустил их на лакированный столик.

Он поднялся из низкого теплого кресла, сплел пальцы за спиной на манер сложного морского узла, поднял лицо к потолку и медленно закружился вокруг стола, на котором в струях кондиционированного воздуха точно живая шевелилась газета.

«Вот, оказывается, каким они меня увидели...

Проповедник наслаждения, апологет теории экстаза обладает, как пишут они, каучуковым позвоночником и бледным маленьким личиком. У него, пишут они, длинные, жирные, немытые волосы битьза, желтоватые белки глаз, хрустящие суставы и плохие манеры. Их охватило, как они пишут, ощущение несвежести, немытости, затхлости.

Они, оказывается, были шокированы его несовременностью. Это одяние, эти духи из тех сортов, которыми сбрызгивают покойников. С примесью ладана. Пфуй! Фи! Фе...»

Доктор Трири сложил губы трубочкой, выдохнул воздух и вновь светло улыбнулся.

«Таким увидели вы меня.

А я?

С ваших губ тогда еще не был стерт парафинистый жир бифштексов, которыми вы заправлялись перед тем, как втиснуться в толпу слушателей. В ваших глазах еще не отстоялась непрозрачная желтая взвесь опьянения. Ваши языки еще не слушались вас и лежали в ваших зловонных ртах тяжелые, сырые, словно выделенные из теста. Но вы уже были готовы лгать, издеваться, извращать и разносить эту ложь по всему миру на полупрозрачных страницах своих газет. Мелкие, злые репортерские шавки. Ничтожные рабы пичтожных целей. Вам ли судить меня?

Мне ли внимать вашему бреду?»

Доктор Трири свернул газету трубкой и осторожно опустил ее в корзинку для бумаг.

«Статья лжива, но она ранит — что-то во мне затронuto, и оно требует немедленного успокоения. Уверенность не поколеблена, но равновесие слегка нарушено. Стрелка чуть дрогнула, это опасно. Где мое оружие? Где мои записи? Они мне помогут. Эскизы, которыми, быть может, и не суждено стать картинами. Тезисы нереализованных трудов. Мечты, вылетенные в реальность. Кто знает. Грядет день, и тогда зазвучат колокола, в которые сейчас никто не верит.

Мы подождем, мы посмотрим. Но ждать мы будем, не сложа руки. Смотреть, не закрывая глаз...»

Доктор опустился на колени, распахнул чемодан, извлек оттуда четыре толстые тетради в пластиковых переплетах.

«Один вид их уже успокаивает.

Почему? Ведь там нет ничего, кроме слов.

Но каждое из этих слов грозит взрывом».

Доктор Трири торопливо отвернул первые страницы тетради...

«Эпоха I. Отрицание.

Они были известны давно. Нити, связывающие их с древностью, протянулись через тысячелетия. У них не было первооткрывателя-одиночки, честь и бесчестье их познания принадлежат всему человечеству. Они вращивались втайне, перерабатывались под секретом, распространялись со страхом, употреблялись с оглядкой, и только результаты их всегда становились явными. Древнегреческий город Меконе (город Мака), Персия, Лаос, Бирма, Индокитай.

Они влеклись за человечеством по кривым дорогам, словно тени. Имя им — наркотики. Еще в прошлом веке они казались ужасными и очаровательными, притягивали и отталкивали одновременно. Двадцатый век сдул с наркотиков романтическую пыль. Атрибут султанского дворца, Монте-Кристо и Овода стал прозаическим предметом научного исследования. Медики постепенно включили их в свой арсенал снотворных и обезболивающих средств. Химики взялись воспроизвести их в своих колбах.

Природу удалось повторить. Появились производные морфина и множество новых наркотических веществ.

Но все же долгое время главными оставались такие ветераны, как опиум, гашиш. Именно они наносили наиболее яростные удары по психике человека.

В годы общественного отчаяния или, наоборот, в редкие мгновения всеобщего самодовольства и сытости потребление наркотиков становилось эпидемией. Я не вкладываю глобальный смысл в эти слова. Я говорю только о тех, кто сильнее других ощущает дрожь общечеловеческих нервов. Люди прятались от действительности под плотными тентами забытья. Росла лавина сладких снов, росла гряда оплатившего их золота.

Потом наступал спад, и приходило затишье. Пошлое, тусклое время равновесия. Годы спокойных солнц и безмятежных лун. Полки наркоманов редели. Оставались сильно разбавленные здравомыслящим человечеством одиночки, маньяки. Больные, жалкие люди, отбросы человечества, субъекты, достойные внимания врачей, ученых, но не социологов, политиков.

В эпоху отрицания наркоманы никогда не были социальной силой. Они являлись в лучшем случае печальным общественным явлением. Они еще не стали выразителями Идеи. Они были ничем. Быть ничем так же нелегко, как быть чем-то, но это уже совсем другой аспект проблемы.

Так продолжалось долго. Где-то на голубых высокогорных лугах Индокитая и Гавайев множились полузапрещенные плантации мака, контрабандисты доставляли драгоценный сырец на подпольные фабрики, кустари-фармакологи штамповали таблетки,

дозировали растворы, готовили порошки, торговцы наркотиками разнесли по миру волшебную заразу.

Шла, долго шла, многие века длилась Эпоха Отрицания.

Ее отличало убожество средств, кустарное производство, осуждение общества, осуждение науки.

Комментарий 1.

Но и в Эпоху Отрицания уже было ясно, как властен над человеком бред галлюцинаций. Как опасны новые чувства, поднимающие личность над реальным. Уже тогда человек провел границу между простым удовольствием и утонченным наслаждением.

По ту сторону этой границы лежала бездна. Наслаждение — ее имя. Оно сродни смерти. Туда легко уйти, но почти невозможно вернуться. Во всяком случае, вернуться таким, каким уходил.

Эпоха Отрицания привела к главному выводу: все разновидности наслаждения являются формой оплаты организму за его непрекращающуюся борьбу с энтропией. Оно приходит тогда, когда мозг и тело выполнили свой долг перед Эволюцией. Спасти от смерти, насытить голод, победить, выжить, разбогатеть... Эти биологические функции щедро оплачены Наслаждением. А Размножение? Нет, поистине Эпоха Отрицания не прошла бесследно. Она высекла фундаментальный закон развития. Человек идет путем наслаждения. Этот путь обязателен, но недостаточен. Только термодинамически возможное направление реакций, как сказал бы химик, но не всегда оно реализуется. Существует еще и кинетика. Препятствия, мешающие системе перейти на уровень с более низкой энергией. Попросту: наслаждение нужно заработать, преодолеть преграду, перепрыгнуть через барьер. И люди прыгают. Все выше и выше. Во имя радостей из категории обыденных удовольствий.

И вот здесь появляются наркотики. Их считают коварными страшными дарами природы, которые без особых энергетических затрат переводят человека в дурное состояние...»

Доктор Трири быстро листал страницы.

«Дальше, дальше. Здесь все понятно, наивные, детские рассуждения. Впрочем, наивность потенциальна. Но этот восторг... Он, разумеется, помогал вначале. Вдохновение необходимо, когда проблема создается. Выдержки из учебников, заметки на полях энциклопедии».

Гашишемания. Гашиш вызывает состояние тяжелого опьянения. Его называют в ряду особо опасных веществ. Опьяняя, он одурачивает наркомана. При малых дозах человек становится как

бы слабоумным. При больших дозах могут наблюдаться иллюзорные расстройства, бред, беспамятство, шок.

«Дальше, дальше».

Выдержки из научных трудов, энциклопедий.

Наркотические средства действуют на центральную нервную систему в целом. Они являются универсалами в этом отношении. Механизм их действия до конца не выяснен. Считают, что наркотики как бы блокируют передачу нервного возбуждения с одной клетки на другую. Процесс воздействия наркотических средств считают физико-химическим, не связанным непосредственно с какими-либо химическими реакциями между ними и протоплазмой нервной клетки.

Разные структуры мозга обладают неодинаковой чувствительностью к этим веществам.

«Но на все без исключения разновидности нервных систем наркотики действуют подобно торпедам — они взрывают мозг как вражеский корабль. Мне это свойство в них представляется очень привлекательным».

«Дальше. Дальше. Рисунки рефлекторных дуг, схемы вегетативной системы головного мозга. Все азбучные истины, школьная грамматика, пройденный этап.

А вот здесь уже становится интересно...»

«Эпоха Борьбы и Развития.

Над производством наркотических средств работают ученые. Медики, химики, фармакологи. Люди в белых халатах. Люди высокой квалификации и большого искусства. Электронные машины рассчитывают многоступенчатые химические реакции. Новейшая, порой уникальная аппаратура. Конечно же, ученые ищут среди новых химических соединений друзей. Ищут и находят вещества, которые спасают от боли, шока, смерти. Ну, а мы находим в них кое-что иное. Оружие борьбы и победы. Может быть кому-нибудь для достижения цели нужны танки и самолеты. Мне достаточно наркотиков. С ними я произведу не меньше разрушений, чем владея ядерным оружием.

Кроме них так называемые успокаивающие, которые в определенных дозах обладают побочным действием. И так далее. Всех не перечесть.

Имя им легион.

И о каждом из них можно написать многое. Больше плохого, очень много плохого, бедно плохого. Но именно это важно. Поработить человека можно, только подсказав путь к избавлению. Поэтому важно знать ощущения. Ощущения инженера. Ученого. Коммерсанта. Школьника. Иное отношение к смерти у обречен-

ных. Ощущения, ощущения, ощущения. Но дело не только в них. Ощущений столько же, сколько потребителей, или же на несколько порядков выше.

Главное, с чего начинается эпоха Борьбы и Развития.

Ее материальная суть.

Производство допингов, наркотических и полунаркотических средств стало массовым и разнообразным. Вредные последствия этих веществ настолько разнообразны и труднопредсказуемы, что можно отмахнуться от них. Во всяком случае я могу себе позволить такой жест.

Диапазон воздействий на нервную систему колеблется в пределах от глубокого сна до состояния безмятежной эйфории, то есть включает весь спектр человеческих эмоций.

Человечество сделало решающий рывок по давно предсказанному мной пути.

Я, д-р Трири, предвидел наступление этого времени. В сердце своем, в крови своей я ощущал пришествие великих перемен. По всем признакам это происходит сегодня.

Почему армия наркоманов у нас будет расти и пополняться? Потому что наркомания захлестнет сначала наиболее обеспеченные государства. Там, где человек перестает удовлетворяться благополучием обывателя. В сытых странах поиск наслаждения идет с большей напряженностью. В этих странах биологические функции организма станут преобладать над социальными. Я не знаю, будут ли классы пролетариев и капиталистов, но я уверен, что возникнет класс поклонников острых ощущений. Его составят мои ученики. Сейчас их сотни, завтра — тысячи, послезавтра — миллионы. Я поведу эти армии разобщенных, но внутренне единых людей, на штурм косного дряхлого порядка. Я скажу молодежи те слова и открою такие дали, которые сделают победу неотвратимой. Я обопрусь на плечи молодых и по ним поднимусь к славе.

Молодость — это мировоззрение, а не возрастное состояние. Молодость — это идеологическая платформа, а не переходный период в жизни человека. Можно быть молодым в семьдесят и стариком в двадцать.

Платформа молодежи: максимум ответственности перед личностью, минимум — перед обществом.

Долой стариков, правящих миром!

Долой государства, перемалывающие личность на мусор! Да здравствуют все виды радости и наслаждения!

Слава анархии!

Слава хаосу!

Класс молодежи заявит о себе во весь голос. Это будет всеобщий поход против стариковщины — рабской идеологии людей, павших на колени перед ими же придуманным идиолом. Государства и страны падут. Нации прекратят существование. Границы лопнут, как гнилые нити. Людей объединяет наслаждение, а не идеология. Радость хлынет через таможенные барьеры и предрассудки. Для наслаждения нет различий в цвете кожи, национальности или богатстве. Капиталист и рабочий, черный, белый и желтый — категории и отличия, придуманные стариками. Расовая ненависть и классовая борьба — порождения стариковщины, стариковского способа мыслить, чувствовать, предвидеть. Все худшее уйдет из жизни мира, когда людям будет обеспечено постоянное счастье, а не эфемериды сегодняшнего потребительского рая.

Класс молодежи низвергнет выпревшие идола, расставленные стариками для приманки идиотов. Богатство, слава, почет, власть? Призраки, призраки, тысячу раз призраки! Достигнув их, вы не обретете Счастья. Долой их! Учение, знание, эрудиция, открытия? Призраки, миллион раз призраки! Оставить из них только те, что ведут по прямому пути счастья, остальные — прочь, прочь, прочь! Промышленность, техника, скорости, логические машины? Все это работает на государство, для государства и во имя государства. Они поработают человека и убивают в нем радость. Поэтому долой города-гиганты, сверхскоростные аппараты, долой взбесившуюся технику! Можно оставить думающие машины. Пусть думают над тем, как сделать человеку еще приятнее.

Мы будем убивать смехом, разить улыбкой, побеждать радостью.

Удовольствие наш обоюдоострый меч.

Долой стариков и стариковщину!

Да здравствует победа класса молодежи!

И все, и все равны перед Счастьем!

Я поведу вас вперед, мои мальчики и девочки, я не брошу вас на нелегком пути к победе!»

...Доктор Трири развернул и тотчас захлопнул тетрадь, где на первой странице его нервным патологическим почерком было начертано:

«Апогей».

Доктор Трири обессиленно и сладостно вытянулся в кресле. Руки похолодели, на лбу выступил холодный пот, по лицу разлилась смертная бледность.

«Снова вегетативка шалит, нужно опять принимать микстуру, внутреннее волнение не проходит бесследно. Нервы, нервы, как вернуть вам прежнюю силу тех времен, когда он мог по пять, по

шесть часов подряд выступать перед самыми разными аудиториями, и ни малейшей усталости, ни сухости во рту, ни сердечбиний — ничего, абсолютно ничего. Сейчас не то. Видение величественных картин будущего буквально разбивает его. И почему? Ведь никогда не курил, не пил, наркотиков этих проклятых не принимал, к лекарствам, к химии этой, относился с осторожностью и отворачиванием...

36

Евгений застал друга лежащим на койке в одних трусах. Иванов был красным и злым. При появлении соотечественника он перевернулся лицом к стенке.

«Какая муха его укусила? — удивился Кулановский. — А впрочем, аллах с ним. Не хочу ни о чем думать. Не хочу соображать. Мозги вытекают. И все же, чем-то он недоволен? Или, точнее, кем? Методом исключения прихожу к выводу, что мной. Почему?»

— Хочешь кока-колы? — возможно приветливее обратился он к Альберту. Ответом, как бы сказал Ик, было молчание.

— Как хошь... Только что из холодильника. Кола ледовая, жгучая, бедовая.

Альберт резко сел на койке.

— Слушай, Женька, как же все-таки получается?

— Об чем речь, милой?

— Ты мне сказал о лекции этого подонка Трири?

— Я.

— Почему же сам не пришел?

Женя развел руками.

— Понимаешь, обстоятельства всякие и ...Лоис.

— Да, да, Лоис, любовь, солнце, вода, ветер! Милльон объективных причин. А я пошел. Пошел из-за тебя. И должен был выслушать всю чушь, которую нес досточтимый доктор.

— Надеюсь, там было не слишком жарко? Успокой меня. Иначе я буду думать, что ты перегрелся. Чем же перенапрягал твой мозг бедный проповедник?

— Он сволочь. Беспардонная, чудовищная спекуляция на некоторых особенностях развития науки. Такого я еще никогда не слышал! Это очень умная и опасная сволочь. Я не мог молчать, Женя...

— Ты выступал?

— Я-то выступал, а вот где ты был, скажи на милость? И как ты так здорово все умеешь устраивать: втравить человека, а сам в кусты!

— Ладно,— примирительно сказал Кулановский,— не кипятись. Так получилось. Выпей содовой со льдом, и все пройдет.

— Дело не в этом! Как ты не понимаешь? Если бы ты там был... У меня нет слов, нет точных слов, чтобы объяснить, какая сволочь этот Трири! Я же все время одергивал тебя, чтобы ты не совал свой нос куда не следует, а теперь я, я говорю тебе, что этого нельзя так оставить. Это фашист, человеконенавистник новой формации, отлично эрудированный, холодный фокусник, который может принести страшные беды. На Западе за таким многие пойдут...

— Да мало ли здесь таких! Нельзя же из-за каждого сумасшедшего...

— Он не сумасшедший.

— Значит, лжец, демагог...

— И лжец, и демагог. Но тонкий, умный, артистичный. Он на две головы выше любого политика. Он обращается к чувству, и к разуму, и к вере. За ним пойдут не только идиоты.

Кулановский впервые видел Альберта таким взволнованным. Он начал понимать, что дело с этим пезуитом химических наук действительно обстоит серьезно. И, как бы угадав его мысль, Альберт сказал:

— Это реальная опасность. Мы с тобой вчера полусутили, что твои зайцы могут взорвать пароход. Трири способен тихо взорвать мир.

— Что же делать? — растерянно спросил Евгений. Ему стало стыдно, что в столь серьезный момент он беззаботно флиртовал с Лоис.— Может, все-таки выпьешь стаканчик? — искательно заглядывая в глаза Альберту, предложил он.

— Ну тебя к черту! Ты бы послушал, что нес доктор Трири! Таких за решетку надо прятать!

— Могу себе представить. Наслышан, как-никак. Наслаждение как универсальный спаситель человечества.

— Именно! — опять взъярился Альберт и машинально отпил из стакана.— Но об этом он подробно будет распространяться в своей программе Утверждения. Пока он в основном обрушился на науку и ученых. Гад проклятый, я ему показал, какие логические ляпы он допустил в своих выпадах против науки. О, как всякий перебежчик, он отлично знает уязвимые места преданного им лагеря. Ну я ему задал!

— Что же ты ему сказал?

— Прежде всего, что на трудностях научного развития спекулировали не один раз и он не первооткрыватель в этом деле. Во-вторых, я ему сказал, что действительно в любой отрасли

знания есть свой закон, закон с большой буквы. И этот закон не нужно объяснять, он сам объясняет природу, а его следует использовать для развития науки и практических целей. Затем я ему сказал, впрочем, я не успел, так как началась заварушка, с палубы стали тащить этого остолопа, поднялся крик, и наша дискуссия оборвалась.

— Беспокойный корабль, — вздохнул Евгений. — Все время какие-то волнения. Ох, чует моя душа бурю! Кстати, предварительные данные показывают, что замеченные мной зайцы — самые настоящие гангстеры.

— Нет, — сказал твердо Альберт. — Гангстеры — это заблудшие овцы. Основная задача: набить морду доктору Трири.

— Как ты себе это представляешь?

— Его нужно убить морально. Показать слушателям, что перед ними выступает негодяй, преступник и шут гороховый.

— А если и слушатели... того?

— Что?

— Вполне достойны доктора Трири. Что тогда?

Альберт подумал.

— Ты прав. Каков поп, таков и приход. Судя по некоторым, не скажешь, что доктор выступал перед квалифицированной аудиторией. Многие пришли посмеяться, как в мюзик-холл. Совмещение приятного с полезным. Загар и возвышенные речи полубезумного проповедника. Понимаешь?

— Конечно. А тебе сейчас не покажется, что ты отнесся к нему слишком серьезно? Это же Запад. Безответственность. Свобода слова. Свобода ахиней. Стоит ли так переживать? Пусть доктор Трири строит воздушные замки. Как видишь, его слушают и зевают.

— Ну нет! — Альберт встал с койки и твердыми, уверенными шагами прошелся по каюте. Теснота и нагота лишили его движения величественности. — Доктор ядовит. И весьма. С этой заразой нужно бороться. У меня вполне достаточный запас английских слов, чтобы доказать, насколько он опасен даже для их демократии. И я сегодня это сделаю.

— Каким образом?

— Продолжение лекции состоится вечером в библиотеке. Туда не придут идиоты с солнечной палубы. Туда придут те, кто интересуется и понимает. И если хоть один из них будет на моей стороне, моя совесть ученого будет спокойна.

— Ну-ну, — успокоительно сказал Женья. — Один тебе всегда обеспечен. А вообще ты, наверное, прав. Посмотрим. Навестим

салон доктора и сообразно обстоятельствам... А пока я хотел бы часок отдохнуть.

Он разделся и растянулся на неприятно теплых простынях.

— А ты знаешь,— сонным голосом заявил он, свешивая голову через бортик койки,— этот бассейн в третьем классе совсем неплох. Совсем, совсем неплох. Можно освежиться. Если только какая-нибудь драка не помешает. Уж очень они драчливы. Южный народ. Темперамент их одолевает.

— Да! Темперамент! Видел я тебя с твоей девочкой, когда шел на лекцию. Ну и вкус у тебя, старик!

Евгений покраснел и небрежно потянулся.

— Что ты понимаешь в южных женщинах,— пробормотал он.

— Я? Ничего,— ответил снизу Альберт.— Но, судя по вашему выбору, и вы, сэр, недалеко ушли. Больно смотреть. Вы пали, низко пали.

— На завистливые происки не реагирую.— Евгений отвернулся к стене и сразу уснул.

Альберт сел в кресло, сжал кулаки и задумался. «Самое слабое место у этого доктора заключается в противоречивости, эклектичности отдельных положений и всего материала в целом. Но когда и кому из маньяков мешала противоречивость? Проповедники и вожди овладевают массами не с помощью логики. Можно доказать, что доктор Трири дурак, но, во-первых, это совсем неверно, а затем и тактически неправильно. Глупость очевидна, но доктор не глуп, более того, умен. Просто он апеллирует к глупости, ищет ее поддержки. Куда он зовет? К сладкому самоубийству. Зачем? Чтобы возглавить золотой век, воцариться над сладострастной агонией, отцарствовать и утащить за собой в могилу одураченный мир.

Конечно, вряд ли этот Трири выполнит свою программу. Не такие уж дураки там, в Штатах, чтобы допустить его к власти. Но скольких он собьет с пути, искалечит, осквернит, погубит!

Нет, конечно, это типичный фашист. Надо отбросить иллюзии. Фашистами становятся не только ефрейторы и лавочники, но и университетские профессора».

37

— Дик, родной мой, что хотели от тебя эти бандиты?

— Э, Миму, они неплохие ребята. Все устроились как нельзя лучше. Толстый Педро нам не страшен. А зернышки они у меня купили и дали вполне приличную цену. Тут такое дело, Миму...

— О мой мальчик, прости меня, я виновата. Я выдала тебя. Я не могла иначе. Сам сеньор помощник капитана меня допрашивал, а глупый Даниил все разболтал. Прости, мой мальчик! Я не думаю, что они сделают тебе плохо.

— О чем ты, детка?

— Тут тобой интересовался один человек.

— Двое?

— Нет, один. Американец, худой, высокий, красивый, как Джеймс Бонд. Он придет сюда поговорить с тобой о деле. Я забегала предупредить тебя, но здесь уже сидели эти бандиты, эти пьяницы, чтобы им провалиться на ровном месте! Что б их...

— погоди, девочка, успокойся, у тебя снова подскочит давление, если ты разволнуешься. Помолчи.

Дик прошелся по каюте. Он был без сапог и шагал упруго и волнисто, как ягуар.

— Нам нужно очень хорошо подумать, девочка. Очень, очень, очень хорошо подумать.

— О чем думать, малыш?

— Понимаешь, Миму, какое дело,— Дик раскачивался на носках в такт мыслям,— твой американец уже был у меня. Сразу после Андрэ. Он так и сказал, что ты им призналась, где я. И он пришел ко мне.

— Зачем?

— После него был еще один человек. Парень. Толстый и высокий. Он тоже разнюхал, где я. Вот так...

Мимуаза присела и сложила руки лодочкой на массивных коленях. Снизу вверх она горестно смотрела на Дика. Она так и думала, что добром вся эта история не кончится. Уж если началось, оно будет идти, идти одно за другим. Беда за бедой. Несчастья, как бусинки, нанизаны на одну нить. Стоит только подставить шею...

— Да,— задумчиво промышчал Дик. Сейчас он будто не видел подруги, как бы всматривался в себя.— Да, они все были у меня, и они все хотели бы купить зернышки «бонц», которые я вывез с Льянганати. Они словно с ума посходили. Их не интересовала карта золотых месторождений, им вообще не нужно золото! Им ничего не нужно, кроме этих паршивых зерен, от которых голова идет кругом и каждый человек видит умопомрачительный сон. Им нужны зерна, и баста! И они готовы платить. Платить большие деньги. Огромные деньги! Таких денег мы не знали с тобой, Миму, да боюсь и не узнаем. Никогда не узнаем!

Брови сошлись над переносицей Дика скорбным углом. Донья Миму молчала как завороченная.

— Я страшно продешевил, девочка,— Дик по-прежнему раскисивался на носках.— Счастье ушло от меня, когда я взял грязные деньги Толстого Педро. Этот человек всегда приносил мне несчастье, Миму. Видит бог, я не жалею на свою судьбу, девочка, я не из тех, кто ноет, ты знаешь, но это была действительно большая удача, и ее отнял у меня старый вонючий ублюдок, человек, на которого пули жалко. Скотина, мразь.

— Не ругайся, Дик, это грешно.

— Ты бы не так ругалась, если б знала, какую сумму мне предлагал американец. Это состояние, большое состояние.

Они замолкли.

— Дик, что ты задумал? — с тревогой спросила Миму.— Дик, ты задумал нехорошее. Признайся, что ты задумал, мой мальчик! Ради всего святого, умоляю!

— Я скажу тебе, девочка,— ответил кладоискатель,— я тебе все скажу... Ты у меня одна, и ты должна знать. Я пойду к этим ребятам, верну им все деньги, выкуплю за тройную цену зерна «бонц» и продам их американцу. Ну а если Живчик или Ленивец не согласятся...

Дик растоптал на полу что-то невидимое и отвратительное.

— Конечно, стрелять я не буду, но...

Миму вроде совсем онемела. Лоб ее покрылся морщинами напряженного раздумья. Она что-то собиралась.

— Значит, ты не сказал американцу, что уже продал семена? — тихо спросила она.

— Не сказал. За кого ты меня принимаешь? Упустить такую возможность!

— А второй джентльмен, он также большие деньги тебе обещал?

— Поменьше, чем американец, но тоже куш порядочный. Да о чем говорить, девочка! Нужно вернуть зернышки, и все тут!

— Погоди, Дик, погоди. Послушай меня. Я тебе плохого не скажу, не посоветую. Ты меня знаешь.

— Я тебя знаю, Миму, только говори быстрее, что ты там придумала, а то меня нетерпение за печенку хватает. Действовать нужно, а не разговаривать! Время уходит, вечером мы уже будем стоять на причале, а там ищи-свищи ребят!

— Не спеши, Дик, не спеши. Пусть они себе бегут на здорье куда хотят.

— Объяснись, Миму, а не то я лопну от любопытства. В чем дело?

— А дело в том, малыш, что я далеко не уверена, получили

ли твои бандиты настоящие семена «бонц». И даже если ты потребуешь их от меня, то и тебе я не смогу их дать.

Они глянули друг другу в глаза.

— Неприятная история вышла, да ничего не поделаешь, нельзя ее скрыть от тебя. Я собиралась все объяснить, но ты как-то все вперед выскакиваешь. Отдала я банку с семенами твоими, Дик, в холодильник к Хуанито. Холодильник поломался, и пришел его чинить наш электрический механик Альдо Усис. Этот дурак, что везде и всем про порядок рассказывает. Он выкинул банку, а Хуанито присоединил ее к остальным. Мальчик подумал, что в ней кофе. Ведь твои семена так похожи на настоящие кофейные зерна! И приятелям твоим я подсунула неведомо что. Некогда мне было настоящие зерна разыскивать. Таких банок у Хуанито штук шесть-семь, да и не отличу я твои семена от кофе.

— Так, — сказал Дик. — Зерна отличить просто: они похожи, но не пахнут так сильно, как кофе. А ты молодец, Миму! У тебя есть голова на плечах. Но теперь уже хватит слов. Ступай к Хуанито и принеси мне две банки, одну с тем, что надо, а вторую с кофе.

— А если мальчишка уже пустил семена в дело? Он снабжает кофе все буфеты и рестораны корабля.

Дик Рибейра вздрогнул.

— Все равно, — сказал он, — принеси мне две банки с чем угодно. А там будет видно... Принеси с чем угодно!

38

— С чем угодно, понимаешь? Мы могли купить не тот товар. — Живчик, как всегда, был язвительно подозрителен. Но Ленивец не смотрел на него. Он воспринимал своего спутника, как бельмо в углу глаза, которое мелькает и мешает смотреть. Он был зол на Живчика.

«Ай да вельо! Вот скотина. Своего решил надуть. Держись, старый, ох, держись». Ленивец ощущал, что его большое тело наливается мутной тревожной силой. «Плохо тебе будет, вельо. Плохо. Очень плохо».

— Ничего, Живчик, — успокоил он старика, — мы сейчас придем в четыреста первую и там устроим пробу.

Живчик недоверчиво посмотрел на него.

— Ты и пробуй. Ты толстый, тебя не проймает. А у меня сердце больное.

— Одно зерно не повредит. Но сначала прихватим кое-что из выпивки.

Они прихватили. Закупки заняли довольно много времени. Нагруженные свертками и бутылками, в одном из переходов гангстеры встретили злосчастного Альдо Усиса. Тщательно перебинтованный механик не рискнул вступить в единоборство с двумя мошенниками. Он спрятался под трап, по которому грохотали ботинки Ленивца. Стиснув в кармане браунинг, Альдо шептал страшные проклятия. Когда скорбные фигуры гангстеров миновали его, механик выскочил из-под лестницы. В его глазах светилась почти неземная жажда отмщения.

Навстречу ему торопливо шагал стандартный красавец мистер Смит. Он был озабочен и серьезен. В руках он держал обернутый в рекламные афишки округлый предмет. Смит двигался стремительно и бесшумно. «Это тот, кто нужен», — подумал Усис.

Альдо вспомнил мгновенную реакцию американца. Хотя он и не стрелял тогда, но так выхватить пистолет может только человек, который выбивает 99 из 100.

«Сейчас он мне поможет, этот великолепный профессионал».

— Сэр, там бандиты, — сообщил он, преграждая путь Сми-ту.

Американец сделал вид, что не слышит, и попытался обойти Альдо. Но упрямый борец с энтропией загородил вход на лестницу, куда Сми-ту почему-то до разреза хотелось попасть. Тогда американец пожал плечами и сухо улыбнулся:

— Не поймейт португалиш.

— Как так? Вы же говорили с сеньором помощником капитана! Я помню вас! А там те самые бандиты, в которых вы собирались утром стрелять! Их нужно задержать.

Лицо Смита стало кислым и скучным.

— Вы хотите, чтобы я в них сейчас стрелял, поскольку мне не удалось это сделать утром? — спросил он у слегка ошарашенного Альдо на чистейшем португальском языке.

— О нет, нет! Я просил бы вас помочь их задержать. Я один, их двое. Мне не просто это сделать.

— А чем опи вам, собственно, так досадили? — допытывался Смит.

— Они били меня по затылку. Вот этим били, — Усис подвел Смита к огнетушителю, снял его и сделал взмах в воздухе, показывая, как обращались гангстеры с огнетушителем и его, Альдо Усиса, головой. Смит положил ношу на пол и взял огнетушитель в руки.

— И куда приходились удары? — участливо спросил он.

— Вот сюда, — Усис слегка развернулся и похлопал себя по

затылку. В уголках его глаз затаились скорбь и мольба о сочувствии.

Смит молниеносно огляделся по сторонам и легонько тюкнул огнетушителем Усисово темя. Механик привычно опустил на колени. Двойник Бонда аккуратно повесил прибор на место. Достал белоснежный платок и тщательно обтер им красное чудо концерна «Шелл». Потом взял сверток и спокойно ушел.

39

Питер Ик иронически улыбнулся, но глаза остались серьезными. Проповедник нес чушь, однако он чем-то забавлял писателя, и тот слушал с удовольствием. Ик устроился поуютнее и вытянул ноги. Кроме него в библиотечном салоне было всего человек двадцать. Эта злосчастная точка с тире тоже присутствовала. Джимми помогал доктору Трири, подсовывал какие-то бумажки, что-то нашептывал — одним словом, вел себя как заправский суфлер.

«Верит ли он в то, что говорит? — думал Ик, разглядывая подвижную фигуру доктора. — Зачем он этим занимается? Откуда берутся такие типы? Он не коренной американец, акцент у него английский, я бы даже сказал, оксфордский».

— Будет бунт, — разлагольствовал между тем доктор, — будет восстание, даже революция. Наслаждение победит искусственные преграды. Основной бой пойдет между теми, кого сейчас именуют моими учениками, и так называемыми здравомыслящими. Прольется кровь, погибнут многие люди, даже народы, но сторонники счастья победят. Распадутся союзы государств и отдельные государства. Жизнь воссоздастся на новой основе. Не материя и не дух станут фундаментом человечества.

Апогей наступит, когда наслаждение начнет формировать социальные критерии. Мы живем в Эпоху Отрицания. Удовольствие как норма жизни сейчас в изгнании. Зато в эпоху подъема, в Эпоху Апогея, мои идеи, подкрепленные активным движением молодежи, приобретут государственное признание. Дорога к ним будет беспрепятственной, открытой.

Я предвижу возникновение некоего нового государства. Это ассоциация свободных людей, свободных от каких-либо обязательств перед обществом. Она привлечет миллионы горячих сторонников. Пожить хотя бы несколько дней в этой стране будет считаться высшей наградой. Страна рая и мечты.

Я повторяю, что сегодня мир находится между Отрицанием и Признанием. Он страшится грядущего торжества предсказан-

ного мной счастья, но неуклонно устремляется к нему. Он все делает для того, чтобы преодолеть вершину и оказаться по ту сторону, где нас ждут новые, необычные формы бытия.

С традиционным искусством будет покончено. Что такое искусство? Всего лишь различные способы создавать иллюзии! Предложенные мной методы и приемы сделают это лучше самых выдающихся артистов, спектаклей, кинофильмов!

Мое учение в роли стимулятора жизнерадостности! Я говорю о дальнейшем развитии современной теории наслаждения. Мои ученики в роли учителей. Сегодня они создают наиболее запоминающиеся представления, а завтра они будут передавать ценную информацию, на усвоение которой слушателям не придется затрачивать никаких усилий.

Теория наслаждения в искусстве? Здесь ее возможности истине безграничны. Она расширит вариации человеческого «я» на все человечество. Личность трансформируется. Люди будут носить несколько документов в кармане, выступать под разными именами, в разных ролях...

— Это они проделывают и сейчас весьма успешно. Не прибегая к вашему учению! — Питер Ик не выдержал и включился в пророческие возгласы доктора Трири. Сзади одобрительно засмеялись.

Но Трири витал в небесах.

— Человек сможет существовать сразу как бы в нескольких лицах. Он пройдет по ступеням разных характеров и наклонностей. Он раскрепостит свое «я» от социальной и духовной нищеты. Полный переворот в медицине! Последователи моей системы смогут так управлять своими нервами, как это не удавалось даже индийским йогам! А все знают, что такое нервная система для здоровья! Общественные галлюцинации! Школы! Синтетическое искусство! Вот путь, по которому пойдет человечество без войн, без кровопролития, без атомных взрывов. Да здравствует наслаждение как основа общественного бытия! Да здравствует управляемое счастье человечества!

Доктор Трири резко оборвал себя и сел. Джимми захлопал в ладоши, подавая пример присутствующим. Раздалось несколько ленивых хлопков, кто-то откровенно хохотал. Ик увидел сзади себя двух парней, которые ядовито издевались над манерами темпераментного доктора.

Джимми подал платок, и Трири смахнул со лба мелкие капельки пота. Он сидел бледный и настороженный.

«Что-то не получилось. Слишком мало помещение для громовых речей. Нужно учесть в следующий раз. Взял неправильный

тон. Здесь прошла бы тихая, камерная беседа. Афиши и запал демонстранта ни к чему. Просто привык к большим аудиториям. К массам, к толпе, к множеству голов, поверх которых так легко и приятно бросить справедливый зычный лозунг. Сойдет. Никогда не поздно перестроиться. Основная борьба впереди. Вопросы, ответы. Дискуссия».

— Желающие, — хрипло объявил Джимми, — могут задать проповеднику вопросы. Доктор Трири готов ответить. Мы защищаем свое учение в любых формах, за исключением форм прямой агрессии, — туманно пояснил он.

Наступила пауза. Библиотечный салон располагал к лени, неподвижности. Когда Трири умолк, все почувствовали облегчение. Тишина успокаивала, и никто не торопился ее нарушить. Со стен, по-старинному обитых гобеленами, исходила мудрая всепонимающая дремота. Там кавалеры на высоких каблуках играли на свирелях вечные песни своим дамам в кринолинах.

Питер Ик передохнул и встал.

— Позвольте вопрос... он скорее похож на небольшую речь... но если уважаемый проповедник сможет опровергнуть меня во мнении... я буду благодарен, если мне разъяснят мои ошибки и покажут, в чем заблуждаюсь. Мне хотелось бы знать, почему доктор выбрал именно химию, химические соединения как основу будущей духовной культуры человечества? Ведь все, что сказано, уже так не ново! Вино и его разновидности используются уже тысячелетия. Следует заметить, что использование это идет весьма интенсивно, но... простите, может быть, я не понимаю, однако, где же Счастье, о котором шла речь? Или у доктора другие данные о состоянии мира и культуры? Возможно, он располагает новейшими сведениями о делах на нашем грешном земном шаре. Но что касается меня, я не думаю, что наркотики могут изменить лицо мира. Как и другие химические соединения.

— Доктор ответит сразу на все вопросы, — вставил Джимми, как только Ик сделал паузу.

— Я согласен с... господином... — Альберт сделал соответствующий жест рукой. Ик поклонился, и они обменялись улыбками. — Но от себя мне хотелось бы добавить несколько слов. Прежде всего замечу, что доктор противоречит себе. Он отвергает вначале то, что принимает как должное в конце. И наоборот. Сегодня днем в программе Отрицания доктор Трири отверг научный метод развития мира. Он низверг науку с заоблачных высот и растоптал ее. Но это не помешало ему сегодня же, в программе Утверждения, использовать для своих целей ту же науку. Все разновидности наркотиков, с помощью которых доктор соби-

рается менять лицо земного шара, найдены учеными. И будущее этой области зависит от прогресса науки. Отвергая науку, доктор Трири перерезает ниточку, на которой висит его, с позволения сказать, учение. Сегодня днем в программе Отрицания доктор утверждал, что признак глобальности является смертельным. Мол, этот признак возникает каждый раз, когда имеется тенденция поражения и гибели. Наука, уверяет доктор, им обладает, и, следовательно, она обречена. Но это не мешает доктору во второй половине дня в программе Утверждения пропагандировать учение, отмеченное глобальностью и универсальностью. Я говорю о наслаждении. Чисто физиологическая функция человеческого организма положена в основу философской и социальной системы. Абсурд! И почему именно наслаждение, а не что либо иное? Жевание, например, пищеварение, подмигивание левым глазом, которое некоторым людям также доставляет удовольствие, или я уж не знаю что. Понять выбор доктора можно, он лежит в области приятного, но этого еще мало для обоснования философской концепции. Что же касается картин будущего, нарисованного уважаемым проповедником, то они не выдерживают критики.

Не нужно быть специалистом, чтобы предсказать, какой вред нанесет человечеству повсеместное распространение слабых наркотиков. Доктор Трири должен отвечать за свои слова. Безвредных наркотиков нет. Долговременное отравление химическими препаратами нарушит динамическое равновесие в организме. Не исключены плачевные генетические последствия. Вашу Фантомандию будут населять мутанты, главным образом идиоты, дебилы, так сказать. Несть числа ошибкам и алогичностям в проповеди доктора Трири. Как научный работник, я выражаю свое полное несогласие со сказанным. Как человек, я протестую, ибо деятельность господина Трири преступна.

Евгений бурно аплодировал.

«Ай да Алька! Врезал, вколел, растер, растоптал, низверг. Гранит, глыба, человечье. Проклятый акцент. Он придает даже серьезным речам хохмический оттенок. Поэтому, верно, и улыбались некоторые слушатели. И пожилая пара, и вон те, похожие на сусликов. Конечно, смешно, когда говорят, что «как я есть научный работник, то мое достоинство сопротивляется нелогичностям доктора Трири». Но все равно Алька молодец!»

Проповедник, казалось, не слышал слов Ика, Альберта и еще одного молодого человека, блондина с нервной беглой скороговоркой и таким чудовищным акцентом, что смысл речи уловить было почти невозможно.

Трири смотрел вверх. Он не понимал ничего из того, что ему говорили, да и не хотел понимать. Все сказанное другими было чушь, пар дыхания, туманное пятно на стекле. Оно возникло и уйдет. Да и сами говорившие... мертвецы? Нет, нет, совсем не то. Они, как и раньше бывало, отодвинулись и отошли, перестали волновать и заботить. Они стали как бы двумерными. Ими можно было закладывать страницы. Упаковывать в стопки и пересылать бандеролями. Пар дыхания. Радужное пятнышко на стекле. Оно исчезает так же быстро, как и появляется.

— ...Ступени, ведущие в храм,— Трири с некоторым удивлением обнаружил, что уже стоит и говорит,— посвящение не бессмысленный знак, подарок судьбы и случая. В наслаждение нужно обращаться, как некогда в христианство. Постепенно. Ступень одна, вторая, третья. Ибо стоящий вверху не помнит вопросов стоящего внизу. Я не боюсь обвинений в плагиате. Я утверждаю, что высшие ступени наслаждения полностью теряют обычность, связанную с самим словом. Там к человеку приходит Просветление. Мы достигаем того же, что йогии, но делаем это химическими средствами. Я не открываю ничего нового. Я обращаю внимание на то, что уже известно, и утверждаю многовариантность известного. Я не гений, но я чувствую душу человечества. И наука здесь ни при чем. Она может быть и не быть. Но никогда ничего не должно быть слишком много или слишком долго. Мои противоречия суть фундамент моей веры. Моя вера порождает противоречия. Ничто не опасно для тех, кто уверенно идет к своей гибели. Мы знаем, что имеем право называться началом и этим наши права исчерпываются. После нас придут другие, они заменят нас, наши понятия, но сохранят направление. А затем и само направление начнет меняться. Так изгибается световой луч, проходя мимо больших масс. Наша награда — в нашей обреченности. Не сохранять себя на века, а, дав толчок, уйти, исчезнуть, стереться. Мы создаем эпоху, но никто не сможет объяснить, в какой момент она началась. Вопрос бессмысленный, как поиски начала круга. И для науки ее высшая награда и цель будет в исчезновении всего, что сейчас зовется Наукой. Люди будущего? И мыслить, и чувствовать они станут иначе. Колебания неизбежны. Чаша весов всегда раскачивалась, нагнется она и в этот раз. Наука исчезнет, чтобы на смену ей пришла эпоха наслаждения. Кое-кто уже готов воскликнуть, что эпоха глухих наслаждений. Это запрещенный прием. Нельзя искать разум там, где его искать нельзя. Аналогично требование, чтобы люди симпатизировали друг другу с силой, обратно пропорциональной рас-

стоянию. Тяготение души и тяготение масс — процессы различные. Я поднимаю камень, брошенный из будущего, и обнаруживаю в нем алмазные вкрапления. Я оповещаю об этом мир. Миссия творца и вождя не по мне, я деревенский мальчишка, который неожиданно для себя вытаскивает из реки огромную рыбу. Мне не съесть ее в одиночку, она принадлежит всей деревне. Поэтому я общаюсь с миром, и моя вера суть лишь итог внутренних и внешних противоречий...

Джимми подошел к стюарду, который принес кофе в читальный салон, и взял поднос из его черных тонких рук. Чтобы не перебивать доктора процедурой питья, чашки были расставлены на журнальном столике. Когда проповедник закончил туманные и, как показалось многим, не связанные с вопросами ответы, Джимми угостил слушателей успевшим остыть, но еще благоухающим напитком. Прихлебывая кофе, Питер Ик заметил на себе пристальный, немного печальный, слегка сочувствующий взгляд проповедника. Такой же взгляд, адресованный Альберту и ему, перехватил и Кулановский. Но в отличие от писателя ему не показалось, что проповедник проникся высокой грустью и сочувствием к своим оппонентам. Совсем наоборот. Молодой ученый увидел там неприязнь и ожидание. Злорадство, промелькнувшее во взгляде доктора, заставило его насторожиться. Евгений допил кофе, отставил чашку и принял на себя немой вызов Трири.

Но глаза проповедника внезапно выцвели и остеклились. Он встал и вновь заговорил.

— Сила пули исчезает в апогее. Ищите черты вырождения нации сегодня, завтра это будет поздно. Наше равновесие неустойчиво. Оно продлится, пока ученые не создадут преимущество у одной из сторон. Всемирная атомная бойня начнется с гениальной мысли. Достаточно такой мысли возникнуть, как механизмы науки и промышленности доведут ее до логической натурализации. Результаты будут отданы Государству, Организации, всему тому, что подавляет отдельного человека. Дальнейший путь математически ясен. Он ведет к общему мировому пожару, к самоуничтожению человека. Я не загоняю своих слушателей в логический тупик. Я не предлагаю воевать против войны. Убивать ради жизни. Бросать бомбы навстречу снарядам. Я предлагаю наслаждаться. Это третий путь. Он лучше любой борьбы за мир. За мир не следует воевать, его нужно сделать нормой существования. Наслаждение — самое мирное занятие. Эйфория. Экстаз. Радость. Счастье...

Кулановский подумал, что стиль проповеди доктора сильно изменился. Он стал энергичнее, суше. Короткие фразы вспарывали воздух, словно пулеметные очереди. Время от времени доктор поглядывал на Кулановского и Альберта, и тогда Евгений отчетливо ощущал укол заинтересованности. Нехорошее, напряженное ожидание проглядывало сквозь пыльные зрачки адента наслаждения.

«Чего он ждет?» — подумал Жея. И сразу же вспомнил про Лоис. Она ведь тоже ждет! Они договорились встретиться на прогулочной палубе.

Евгений прошептал что-то на ухо Альберту и потихоньку выбрался из холла. В дверях он снова поймал взгляд проповедника. Тот смотрел на него так же напряженно, словно ожидая, даже требуя чего-то, что он, Жея, не выполнил. К требованию примешивалось некоторое удивление и разочарование. Кулановский издевательски подмигнул доктору и тихонько выскользнул из салона.

Его уход послужил сигналом. Слушатели стали разбегаться, как тараканы в лучах яркого света.

Доктор остался наедине с учеником. Трири сидел, устало свесив руки вдоль тела.

— Джимми, — слабым голосом произнес он, — вы сделали то, о чем я просил?

Оссолоп не отвечал, он рылся в саквояже доктора, закидывая туда бумаги и рекламные проспекты химических компаний. Этими материалами в изобилии оснащалась каждая лекция доктора Трири, поскольку фирмы щедро оплачивали столь оригинальную рекламу.

— Джимми!

— Да, доктор, да! — Оссолоп обернулся, он был возбужден, не пьян, а просто страшно, дико зол. — Я сделал все, как вы сказали, и результат вы видели! Ничего, ровным счетом ничего!

— Может, время... — задумчиво промолвил доктор.

— Какое там время?! Действие наркотика «бонц» мгновенно, вы это знаете. Нас надули, док, подло надули!

— Больше, Джимми, больше. Нас ограбили, нагло ограбили среди бела дня! Я истратил почти все свое состояние, Джимми, почти все деньги. Что делать, малыш, что делать?

— Как что делать?! — заревел Джимми, подскочив. — Я с него голову сниму!

— Снимайте, Джимми, делайте что угодно. Я устал. Мне бы чашечку крепкого кофе. Настоящего крепкого кофе.

Родившийся вопль в груди ученика доктора Трири ударился о стеклянные двери и проник в соседнюю комнату, заставленную стеллажами с книгами. Он не миновал вооруженных микроусилителями ушей Сэма Смита, склонившегося над зашифрованным документом с грифом «Совершенно секретно». Рука этого мужественного человека, сжимавшая на сей раз авторучку, застыла, точно скованная космическим холодом.

«Настоящим доводим до сведения, что существует аналог полкустарника бонц,— сообщала шифровка,— который представляет собой чрезвычайно редкое растение, высота его колеблется от тридцати до ста пятидесяти сантиметров. Узкие стреловидные листья аналога обладают приятным бальзамическим запахом. Для того чтобы определить его специфический аромат, достаточно растереть в руках высушенные веточки, сорванные в сухую погоду. Стебли прямые, разветвленные, голые, деревянистые внизу, эластичные и упругие на концах. К старости растение приобретает буроватый, темный цвет. Его острые листья имеют голубой отлив, снизу пушистые, сверху приглаженные, и нижние, и верхние одноперистые, трехраздельные, с узенькими долями. Цветы мелкие, с лепестками, внутри белыми, снаружи розоватыми. Ягоды светло-кофейного цвета, темнеют при хранении. Плоды аналога практического значения не имеют из-за низкого содержания целевых алкалоидов. Растет аналог одиночными экземплярами на склонах гор, в оврагах, на берегах ручьев и рек, любит глинистую и глинисто-каменистую почву.

Из имеющихся в нашем распоряжении плодов растения бонц выделен ряд алкалоидов, по своей активности в миллионы раз превышающих группу известных нам в настоящее время соединений этого типа.

Смит отложил листок и на цыпочках подошел к двери. Его прямой кинематографический нос чуть коснулся холодного стекла.

В салоне метались две фигуры. На журнальном столике стояла очень знакомая банка из-под кофе, возле нее высилась груда темных зерен. Ученик создателя теории наслаждения, указывая на плоды, широко, точно зевая, раскрывал рот. Усилители в ушах ревели:

— Это кофе! Нас надули! Это кофе, обычный кофе. Нас надули! — рычал Оссолоп. Апологет наслаждения и великий проповедник кивал в такт головой. Глаза его слезились.

Смит смотрел на происходящее ровно пять секунд. Затем плотно прикрыл дверь, закрыл справочник по растениям Амазонки и

поставил его на полку, спрятал шифровку в карман и только после этого направился к себе в каюту. Оттуда он позвонил вниз и попросил прислать к нему в номер кипятку.

«Побольше кипятку. Два-три кофейника чистого кипятку. Ничего более».

Усевшись поплотнее в кресле, он стал ожидать боя с кипятком. На дне кофейной чашки лежало несколько темных зерен. Обдав горячей водой, их легко растереть и сделать то, что именуют водной экстракцией. Эффект действия смеси, конечно, несравним с самим наркотиком, но все же какие-то ощущения должны возникнуть...

41

Питер Ик был не в настроении.

«К черту всех лекторов и все лекции мира. Человек ничему не может научить другого. К черту доктора с его бредовой идеей, с его холодным жидким кофе. Нужно зайти к донье Миму и выпить пару чашек покрепче, с коньяком. А еще лучше коньяк в чистом виде. Уже вечерет, чашка кофе не помогает...»

Писатель прошел в знакомый бар. На месте Мимуазы стоял худенький юноша с усиками.

— Где же Миму?

— Сеньора Мимуаза больна, — мальчик едва говорил по-английски.

— Как тебя зовут?

— Хуанито, сеньор.

— Налей мне две чашки покрепче, Хуанито, да не забудь коньяк.

— Кофе придется подождать, сеньор. Один момент.

Бой надавил красную кнопку, и кофемолка взвыла, как циркулярная пила.

— Ты знаешь, кто у тебя только что был, малыш?

— Нет, сеньор. Вы о господине в черном?

— Что он здесь делал?

— Пил кофе, сеньор, выпил две чашечки кофе.

Ик перелил коньяк из рюмки в запрокинутую голову, блаженно зажмурился и глотнул.

— А больше он ничего не пил? Отменное бренди.

— Нет, сеньор, этот господин никогда не берет спиртного. Я по крайней мере ни разу не видел, чтобы он пил.

Писатель покачал головой.

— Вот как? А мне показалось... Во всяком случае выглядел он не совсем обычно. Ну что же кофе, малыш?

Сэм Смит вбежал в радиорубку и захлопнул за собой дверь.

Радист спал в кресле, безмятежно уронив голову в простертые куда-то руки, пальцы которых чуть-чуть не дотягивались до порожней бутылки с гордоновским джином. Причинно-следственные связи напрашивались сами собой.

Сэм тряхнул радиста за плечо. Тот капризно пошевелил набухшими губами, словно ребенок, только что насосавшийся молока, и продолжал спать. Смит затряс несчастного радиста так, что зазвенела медная подвеска антенны и затряслись стрелки в опутанных проводами приборах. Из-под радиста вылетел расплющенный журнал «O cruzeiro», но сам он даже не разлепил глаз.

Сэм безгласно уронил его обратно в кресло и задумался. После некоторого размышления попытался разбудить жертву Морфея и Бахуса пощечинами. Радист только блаженно морщился.

И тут Сэма осенила блестящая идея. Он дал радисту серию нервных зуботычин в ритме SOS (...—...—...).

Сна как не бывало! Через пять секунд с антенны «Святой Марии» сорвалась шифрованная радиограмма.

Но разбуженный радист не значит трезвый радист. Поэтому радиограмма была передана на частоте «игрек», на которой обычно работают любительские радиостанции.

Не удивительно, что ее приняла станция слежения НАСА в Мучеа. Там телеграмму расшифровать не смогли, но весьма обеспокоились и переслали в Штаб командования ПВО в Колорадо-Спрингс. Оттуда неразгаданная депеша была отфутболена назад НАСА, на этот раз в главный штаб на Мэриленд-Авеню, 400 в Вашингтоне. И только там нашелся человек, догадавшийся переправить ее по адресу — в соседнее здание без вывески, где ее без труда расшифровали: «Предыдущее сообщение не подтверждается. Принимаю меры. На всякий случай готовьте тщательный обыск судна. Сэм-045».

Тру-ру-ру! Погоня! Вновь погоня! Вечная погоня...

А где же Дичь? И кто Охотник?

Два очень пьяных гангстера вышли из роковой четвереста первой каюты и, шатаясь, побрели по коридору:

— Наверное, виски перебили наркотик, — Живчик растирал огромный нежно-голубой синяк, с царственной небрежностью подаренный Ленивцем.

— Нет, — миролюбиво отозвался гуманный Ленивец.

Он не собирався долго задерживаться на физическом методе перевоспитания старого мошенника и планировал ближайшей ночью перейти к экономическим санкциям. «У вельо нужно отобрать часть рибейровских денег. Свишня все-таки этот Дик». Ленивец нахмурился.

— Свишня этот Дик, — послушно сказал восприимчивый к телепатии Живчик, — надуть старых приятелей! Куда это годится? Видно, забыл, что с Толстым Педро шутки плохи. Слишком долго прошатался в сельве. Одичал.

— Ничего. Мы ему напомним, — многозначительно бросил Ленивец.

Перед трапом, ведущим на верхнюю палубу, был темный тупичок, где в решетчатых ящиках хранились спасательные пояса. Вот здесь-то и настиг гангстеров обезумевший Альдо Усис. Он возник из темноты с огнетушителем в руках. Его огромные глаза влажно горели, как у лемура. Он олицетворял собой дорвавшуюся до любимой работы богиню отмщения Немезиду.

— Пожар, пожар, — шептал Альдо, растворяя ненависть в шипящей струе.

На «Святой Марии» все было чуть-чуть устаревшим: двигатели, корпус корабля, обивка кают и капитан. Только огнетушители почему-то приобретались самой последней и совершенной конструкции. Едкая, быстро твердеющая на воздухе пена ослепила, оглушила и облепила лица гангстеров. Как шевелящаяся короста, как линияющая змеиная кожа, отлипала подсохшая пена и вновь нарастала, рожденная насыщенной газом струей.

Это было ужасно.

— Санта Мария... — бормотал Ленивец, падая на колени и раздирая грязными ногтями лицо.

— Чтoб мне издохнуть! — ругался Живчик, фыркая и отплевываясь.

Альдо Усис демонически захохотал, сорвал со стены другой огнетушитель и взлетел по стонущему трапу, наверное, на самое небо, где только и место таким счастливчикам.

Ленивец в этом нападении узрел нечто мистическое. Он не на шутку перепугался.

«Плохое предзнаменование, вельо. Знак верной неудачи. Уж я в таких вещах понимаю».

— Вернемся, может быть, назад? Оставим чертова Дика на этот вечер в покое?

— Ты что, спятил? — ощерился Живчик. — Утром мы в порту, а там Дика не поймашь. Даже запаха его вонючих башмаков не услышишь!

«Погоня всегда погоня. Закон ее известен. Лететь, хватать, тащить, рвать. Слюнявый миг победы далеко, и нужно как следует наддать, иначе опоздаем. И гончие летят, вытянувшись в стрелу».

Питер Ик недолго искал нужные слова.

Отправив радиогамму, Сэм Смит поставил пистолет на предохранитель и подвесил его под левым рукавом элегантнейшего вечернего костюма. Он покинул свое кресло и упругой неслышной походкой пумы направился в служебный отсек, к каюте доньи Мимуазы.

Сэм Смит по роду своей сложной деятельности многое знал и многое мог предугадать. Кроме одного.

Он не знал и не предвидел, что у дверей каюты его ожидает засада.

Сжимая рифленую рукоятку кольца потной горячей рукой, к той же заветной цели крался, отвратительно ругаясь про себя, мистер Осолоп. Неудачливый ученик доктора Трири тем более не мог предвидеть засады.

Оба одураченных соотечественника не знали, да и знать не могли, что в двух шагах от каюты Миму надежно укрылся небожитель Альдо Усис, вооруженный четырьмя багряными огнетушителями с белой раковиной фирмы «Shell». Из такой раковины когда-то, как говорят, родилась Венера. Но что все радости этой богини по сравнению с минутой, когда на спины и затылки врагов обрушится белопенная Усисова струя! Тугая струя, которая заглушит сладострастный шепот «пожар!..».

— Они убьют тебя! — крикнула Миму. — С ними нельзя шутить, Дик, никак нельзя!

— О-ля! — беспечно откликнулся захмелевший кладонска-тель.

— Слушай, Дик, я тебе дело говорю. Они страшные люди. Я их кругом обглядела, пока они здесь торговались. Тот красавчик-гринго — настоящий убийца, я таких знаю, я их за версту чую! Ему человека шлепнуть, что муху задавить.

— Они не догадуются.

— Как же, надейся! Платить такие деньги, да чтоб не про-верить товар? За кого ты их принимаешь? Дик, они убьют тебя! — она, рыдая, бросилась к нему на грудь.

«Дик, мальчик мой, они убьют тебя, и ты будешь лежать холодный, деревянный, такой страшно незнакомый и чужой, а я буду биться возле тебя, буду звать тебя, не слезы, а кровь польется из моих глаз, и тогда я умру снова, и на этот раз уже навсегда. Не будет жизни без тебя, не будет дня, часа и ночи без тебя, света не будет. Я буду считаться живой, я буду числиться среди живых, я буду притворяться живой, но ты знаешь, что я умру с тобой. Я не хочу умирать, я жить хочу, не убивай себя, Дик, милый мальчик мой...»

Рыдания сотрясали ее, как сейсмические толчки.

— А что делать? — Рибейра нахмурился. Он гладил Миму, бестолково утешал ее, пытался оторвать ее от себя, поскольку грудь его уже была мокрой.

— Нужно спрятаться, — вдруг твердо сказала женщина и перестала рыдать.

— О-ля! Я это уже делал. Ничего хорошего, как ты знаешь, не получилось. Как спрятаться на этой посудине?

— Я знаю одного человека, — медленно произнесла Мимуаза, — он... хорошо ко мне относится. Я пойду к нему. Я попрошу его. Я стану умолять. Он сделает все, что нужно. Он спрячет тебя на «Святой Марин».

— Миму, а деньги?

— Что деньги?

— Их ведь тоже надо куда-то спрятать?

— Возьмешь с собой.

Дик покачал головой и улыбнулся.

— Нет, девочка, нет. Ни за что. Ты же сама говоришь, что мои клиенты могут устроить мне специальное срочное свидание с господином богом. К этому следует подготовиться. Меньше всего я хочу, чтобы деньги возвратились к своим хозяевам. Держи их у себя, девочка, так вернее будет... Пока они не вернут своих паршивых денег, они не убьют меня.

— Где, где я могу их держать? — Миму только развела руками. — Замки наших кают сами отскакивают, стоит только посильнее нажать. В баре всегда полно народу, на кухне ни одного укромного местечка. Нет, Дик, нет. Ты возьмешь их с собой. Здесь такая куча бумаг, мне даже страшно...

— Самое лучшее, — сказал читавший в молодости романы мистера Ика Дик, — хранить такие вещи на виду. Не совсем на виду, но так, чтобы никто не мог догадаться. Например, в этой твоей старой сумочке, которую ты везде таскаешь с собой.

— Они и до меня доберутся, — Миму покачала головой, — а впрочем, возможно, ты прав. Я сделаю так, как ты хочешь, Дик.

Дик смотрел, как его подруга набивала ридикюль банкнотами. В его голове, пошатываясь, бродили добрые хмельные мысли.

«Все будет о'кэй, Долли, не робей, девочка. Удача, как и беда, не ходит в одиночку. Теперь дела Дика Рибейры сильно двинутся в гору. Кое-кто еще погрызет ногти от досады и зависти».

— Дик, поклянись, что ты будешь послушным и спрячешься куда надо.

— Клянусь,— торжественно заявил Дик и подмигнул,— тебе ни в чем не могу отказать.

Когда Миму покидала каюту, он остановил ее:

— Скажи, сколько там осталось у Хуанито банок с немолотым кофе?

— Когда я там была, будто четыре. Сейчас не знаю. А что?

— Ничего, ничего. Я так.

Оставшись один, Дик запер дверь каюты и, как всегда, растянулся на ковре.

«Видишь, как получается, оказывается, не в твоей карте дело, не в золоте, им уже золота не нужно, они на другое бросаются. Теперь, парень, думай, вовсе думай. Удачу нужно подогревать, если хочешь слопать ее в теплом виде. Эта банка мне очень пригодится. Если уж теперь за нее платят такие бешеные деньги, то в Штатах, я надеюсь, одним словом, думай, парень, сообрази, у тебя секунды на счету, банку нужно вернуть, и это, видно, нетрудно сделать, Хуанито я знаю, а зерна «бонц», если сравнить с натуральным кофе, рядышком их положить, разницу все же можно уловить, всего четыре банки, двигай, Дик, топай, не валяйся здесь, как старый кайман, встал, пошел, ну!..»

А вдруг я уже продал кому-нибудь из них настоящие зерна? Я был глуп, я был расточителен, я вел себя как нищий гаримпейрос, нашедший «балу», я швырял эти банки им в лицо, я загребал деньги, получил тысячи, а мог иметь миллион, нет, я не лучше Толстого Педро, я никогда не научусь делать большие деньги, всегда срываюсь.

Кто из них наиболее опасен? Живчик с Ленивцем не в счет, с ними и разговора не будет, молодой боров слишком труслив, не устоит; опасный, самый опасный, ох, права Миму, американец, спортсмен этот, убийца от бога, от дьявола, у него назад зерна не получишь, да и зачем получать, коли платит он лучше всех, больше всех, быстрее всех? Супермен проклятый!

Ну, Дик, давай, встал, пошел, ну!.. Сначала Хуанито, затем остальные!..»

«Погоня сделала очередной поворот и понеслась дальше. Чудесное, неуловимое преображение. Заяц с волчьим оскалом, го-

лубь с орлиным клеткотом несутся по речной спирали. И вот уже на спине своей, на багровом от ветров и солнца затылке своем чувствует Охотник нетерпеливое поклацывание клыков, свистящее прерывистое дыхание Дичи. Смена фаз, смена ролей, инверсия состояний. Берегись, Охотник, Дичь кровожадна, Дичь мстительна, она берет реванш, она возьмет его!»

Дик надел очки — темные анодированные стекла от солнца. Он нахлобучил широкополую шляпу, закрывшую лицо почти до подбородка. Он опустил в карман потертых брюк старенький верный кольт и ринулся по следу.

Его видели на узких тропах «Святой Марии», его видели на нижней палубе, его видели в камбузе. Там он задержался недолго и, только выяснив, что все кофе у Хуанито уже разошлось, и очередную партию банок нужно теперь получать со склада, и что, кажется, сам Хуанито работает сегодня в баре наверху вместо Мимуазы, которая не то заболела, не то отпросилась у шефа, и что еще, кажется, Хуанито забрал в бар последнюю банку, и что... но Дик, не дослушав, заложил крутой вираж и понесся вскачь, планируя на палубных просторах и сбиваясь на рысь в коридорах «Святой Марии».

Странно, неуверенно чувствовал себя Дик, проносясь мимо равнодушных пассажиров и команды.

«О, эти мучения Дичи, ставшей Охотником! Болезненная, с ума сводящая двойственность! Тело, все помнящее тело кричит «прячься!», а воля твердит «нападай!». И бежит такой несчастный Охотник сразу в двух направлениях: вперед и назад. Удивительное мучительное состояние, истощающая вибрация души и тела, но, к счастью, она закончится, как только Охотник приблизится к цели».

46

На подступах к бару Мимуазы дорогу Дик загрозила возбужденная толпа. Смех. Выкрики. Аплодисменты. Все это относилось к человеку в черном, который медленно вышагивал, высоко поднимая согнутые в коленях ноги. Его руки, прямые, неподвижные, точно деревянные, были простерты вперед и чуточку вверх, а глаза горели каким-то потусторонним огнем.

Дик, тяжело дыша, остановился, наткнувшись с разбега на неожиданное препятствие.

«У Охотника всегда препятствий больше, чем у Дичи. Наверное, только поэтому она не перевелась еще на земле».

И вдруг Дик, как бы оглохший сначала, обрел слух:

— Как только вышел из бара, сразу и начал... — Так и ска-

зал? — Он много кое-чего сказал, в том числе и это! — Может быть, пьян? — Непохоже, идет-то как, идет, словно пишет... — Не скажите, это совсем не показатель. — Я знал одного... — Оставьте, ради бога, разве неясно, что человек болен? Я бы позвал врача: у него температура! — Может, вы и правы: солнечный удар порой проявляется в самых неожиданных формах! — Господи, вы меня смешите, ей-богу!..

— Никакого врача не надо, он мертвецки пьян, наверняка алкоголик, пусть выкупается, в такую жару только на пользу... — Господа, ну смешно же, это же самореклама, типичная самореклама: проповедник Трири решил поддержать свою падающую популярность небольшим скандалом... — Может, вы и правы, щепотка экстравагантности, так сказать... — Разумеется, щепотка экстравагантности все равно что щепотка соли в пресное блюдо! Но все же... — А вдруг? — Вы думаете?! Может, вы и правы... — Ради бога, смешно же... — Господи, а вдруг? — Ну, знаете! — Да, конечно, было бы забавно, но все же... — Может, вы и правы... — Нет, нет, господа, а вдруг он действительно, как Христос, пойдет по водам? — Ну, вы уж... Нет, нет, нет, а вдруг? — Что затвердил, ей-богу? — Нет, нет, нет, нет, господа, а... как же тогда мы, как же мир, человеческий опыт, мироздание? Вот идет он по Карибскому морю, шагает себе спокойно, а все, все вокруг летит к черту, к дьяволу, в тартарары! Вы это себе представляете? — Ради бога успокойтесь, он пока еще на твердой, очень прочной палубе, и мы сейчас все увидим, а кроме того, большинство явлений легко объяснимы современной наукой, и любой физик... — Оставьте, ради бога, с человеком бог знает что делается, мы стоим, смотрим, и никому не придет в голову оказать помощь... — Его уже уговаривали... — Может, вы и правы, но все же...

Потом ослепленный Дик прозрел и увидел: Южное небо, затянутое белесой туманной дымкой. Дремотный, ленивый, весь в испарениях океан. Палубу, блиставшую надраенными деревянными рейками. Ослепительно черного доктора Трири с меловым лицом и сатанинскими глазами. Людей, образовавших вокруг проповедника подвижное полукольцо. Дверь, ведущую в бар Ми-музы.

Цель была отделена от преследователя десятком шагов, но Дик не мог двинуться с места. Завороженно и почти любовно он следил за доктором.

«Господи, а вдруг это правда? Вдруг ему дано, и он пойдет? Вдруг это случится здесь, сейчас, на глазах у всех? Он пойдет, и все станет на свои места. Все будет, как написано в святых умных книгах. Справедливость. Любовь к ближнему. И не надо бо-

яться смерти, потому что есть тот свет. Есть правда, есть вера, есть то, о чем когда-то, в незапамятные времена говорила старая больная мать. Почему-то она вспоминается только старой и больной. И воздастся ее обидчикам, и воздастся обиженным. Господи...»

Дик задохнулся. Вязкая темная кровь прихлынула к голове и застыла там, горячая, тяжелая, неподвижная. Мгновенно родилось кричащее желание:

«Господи, пусть он пойдет!»

«Пусть!»

Доктор Трири наклонился к воде и, резко обернувшись, равнодушно произнес:

— Я сказал, что пройду по водам, но ведь я не умею летать.

И он схватился вдруг за канат и перешагнул через фальшборт. Заскрипел блок, и канат начал разматываться с сумасшедшей скоростью. Сердобольные зрители бросились к стопору, а Дик кинулся к борту.

Он увидел доктора, который, вцепившись в канат длинными бледными, точно вареная спаржа, пальцами, раскачивался над океаном.

Затем он сорвался и упал. Вода в месте падения стала желтоватой и мутной, вокруг белого пузыря побежали расширяющиеся круги.

— И-аах!.. — пронеслось над водной гладью.

Чудо не состоялось. Гипноз рассеялся. Все забегали, загомонили. Толкались бестолково и суматошно. В воду полетел спасательный круг, пояс, еще пояс, еще и еще. Раздался свисток.

— Человек за бортом.

Что-то кричали на капитанском мостике. Тренькал судовой телеграф. Останавливались машины. Спускали на скрипящих талях шлюпку, в которой важно сидели матросы и добровольцы-спасатели.

Дик плюнул в воду и отошел от борта. Он не видел, как вылавливали возомнившего о себе доктора. Не видел он и того, как сквернословящего и размахивающего кулаками проповедника унесли на носилках в больничный отсек, где его переодели и привязали к койке. Операция эта проводилась под руководством и при участии его ученика и последователя мистера Оссолопа.

Не знал Дик и о том, что через полчаса после учиненного Трири чуда в Майами полетела радиограмма:

«...праздничную встречу проповедника Трири с наркоманами отменить. Готовьте психиатра, трех санитаров и закрытую машину».

Ничего этого Дик не знал, ему сразу стало не до проповедника Трири, как только он увидел, что дорога к Цели расчищена и внимание всего лайнера обращено на неудачную попытку апологета наслаждения сотворить чудо.

«Теперь только и работать», — сказал себе Дик, входя в бар и снимая очки и шляпу.

В баре было только двое: Хуанито, который нетерпеливо топтался за стойкой, и пожилой усатый человек, лениво и мечтательно воззвирившийся на рюмку с коньяком.

— Здравствуй, Хуан!

— Привет, Дик, я слышал, что ты едешь с нами, но тебя совсем не видать. Миму говорила, будто ты болен.

— Так оно и есть, я было малость прихворнул, а сейчас все на месте... Есть дело, Хуан, только потише, оно не для чужих ушей.

— Ладно, Дик, давай выкладывай, но прежде скажи, что ты думаешь обо всем этом?

— О чем?

— Да о проповеднике, который сиганул с корабля!

— Ах этот! Мало ли сумасшедших проповедников в мире, я на них посмотрелся и знаю, что в жару, когда у них мозги совсем плавятся, ничего хорошего не жди.

— А меня он удивил!

— Нечего удивляться, Хуанито, я знал одного такого, который каждую неделю вешался перед толпой, и ничего не получалось: рвалась веревка, но все ходили слушать проповеди, пока его не разоблачили — веревка у него оказалась специального изготовления.

— Нет, Дик, то был шарлатан, а это человек серьезный, перед тем, как свихнуться, он заходил ко мне. Чинно так посидел, выпил свой кофе и, вот видишь, неожиданно свихнулся, а возможно, ты прав, что это жара на него так подействовала, у людей умных да образованных мозги — самое слабое место: тают на солнце.

Дик внезапно насторожился.

— Он пил твой кофе, Хуанито?

— Конечно. Чей же еще?

— Эту банку ты принес снизу, из холодильного отделения?

— О-ля, Дик! Ты все знаешь!

— Да, малыш, не все, но многое. Я знаю везение и неудачи, деньги и нищету, радость и слезы... Слезы Большого водопада... ты слышал когда-нибудь о Слезах Большого водопада?

Хуанито покачал головой, а усач внимательно взглянул на Дика.

— Вот тебе деньги за десять таких банок, мальчик, я ее забираю.

Хуанито спрятал деньги в карман, пожал плечами и улыбнулся.

— По-моему, вас с Миму тоже хватил удар. Это четвертая банка, которую вы сегодня у меня покупаете. Я не знаю, зачем вам оно нужно, но раз берете, стало быть, нужно. Я-то не остаюсь в накладе... Сеньор, ваш кофе готов, вы, кажется, просили по-турецки?.. А теперь, Дик, скажи, что за дело у тебя ко мне и почему бы...

Но Дик не слушал буфетчика. Как кот в засаде, следил он за тем, как посетитель медленно подносит чашечку к своим тщательно подстриженным и расчесанным усам.

Глухо заурчав, Дик выпрыгнул из-за стойки и, подлетев к усачу, вышиб чашку из рук. Затем схватил банку и выбежал из бара.

— Бешеный! — крикнул ему в догонку возмущенный Хуанито.

Но Дик уже был далеко. Он бежал широко и свободно. Счастливый Охотник, настигший Дичь.

«Все. Точка. Теперь притаяться и ни-ни! Миму сумеет спрятать и меня, и заветную баночку. На берегу нас ожидает богатство, а до берега рукой подать. Все. Точка!»

Дик слетел по трапу, но вынужден был невольно прервать свой стремительный бег. Прямо перед его носом вынырнула спина Альдо Усиса, который, выкрикивая непонятные угрозы, скрылся за поворотом с очередной партией огнетушителей.

Тронувшийся на огнетушителях техник-смотритель еще на бегу пустил в дело один из своих фетишей. Так и несясь он, выбрасывая пузырящуюся мыльную пену.

После него на пустынной в этот предвечерний час палубе осталась большая продолговатая лужа.

48

Дик остановился перед этой лужей, в которой уже плавился закат, обдумывая наиболее подходящие пути для ее форсирования.

Звонко щелкнул дверной замок, и на палубе появилась Мимуза.

Пена в луже Альдо Усиса печально вздохнула и опала. Предусмотренный для беспрепятственного стока наклон палубы погнал жидкость к широкому желобу.

Мимуаза вышла из отсека, в котором находились каюты высокого начальства «Святой Марии». Щеки розовели, мокрые глаза сияли. Она радостно размахивала заветной сумочкой, шаг ее был решителен и целеустремлен. Подойдя к оставленной Альдо Усисом луже, она остановилась и увидела на другом берегу своего Дика Рибейру. Кладоискатель прижимал к сердцу заветную банку с зернами «бонц».

— Дик! — Миму рванулась вперед.

Ах, эта ужасная, скользкая, точно намыленная, поверхность! Шлеп! Мимуаза довольно некрасиво растянулась на животе, сумка выскользнула из рук и заскользила по направлению к Дикю.

— Долли! — Дик бросился на помощь.

Ах, эта безобразная, льдистая, лишенная намека на трение плоскость! Рибейра упал, больно ударившись о палубу коленками и локтями. А драгоценная банка вырвалась из рук и полетела к донье Долорес Марии ди Мимуазе.

Удивительная трагичная симметрия была в этом падении.

На одном берегу лужи барменша безуспешно цеплялась за скользкую палубу и нетерпеливо дрыгала пухлыми ножками, на другом бессильно распластался золотоискатель.

С одной стороны лужи на уровне палубы — огромные темные глаза Миму, ее черные, удивительно расширившиеся зрачки. Это было смешно и чертовски обидно...

С другой стороны на уровне палубы — оскаленные зубы Дика. И как раз посередине лужи между двумя дергающимися телами заветная сумочка медленно подъезжала к заветной баночке. Встретившись, эти предметы взаимно погасили наступательную скорость и прекратили свое движение относительно палубы, подтвердив тем самым релятивистский принцип Галилея.

— Ложись на спину, потом садись! Иначе мы не встанем, — посоветовал уставший от проклятий Дик.

Они попытались перевернуться. Маневр удался. Потом они сели и, переведя дух, приступили к вставанию.

В этот миг кладоискатель ощутил легкий толчок, такой, словно на корабле притормозили машину.

Были ли толчок или нет, трудно сказать. Никому это не известно, да потом никто особенно и не допытывался.

Известно только, что в этот миг штурман «Святой Марии» вышел проверить местоположение судна. Вооруженный допотопным секстантом, он стоял, отдаленный от лужи Альдо Усиса тремя палубами и множеством деревянных, металлических и административных перегородок. Возможно, что этот молодой и красивый штурман и приказал сбавить обороты на валах двигателей «Свя-

той Марии», а Дик ощутил перемену скорости как толчок. Это особенно обидно своей бессмысленностью. Судно было оборудовано совершенной радионавигационной системой, которая делала полностью излишней работу штурмана. Но ведь вполне возможно, что никакого толчка на самом деле не было, что Дик у это просто показало.

Одним словом, когда Дик и Мимуазе удалось подняться во второй раз, они увидели, что заветные сумочка и баночка медленно дрейфуют к бортовому желобу, по которому тихо лилась в океан желтая водица.

Крупный план:

Огромные расширившиеся зрачки Мимуазы.

Широко открытый рот Дика Рибейры.

Дружно вскрикнув, они бросились к борту.

Была еще крохотная, микроскопическая доля надежды. Сумка и банка не пролезут в бортовое отверстие, застрянут, останутся на корабле. Но бутерброд упал, как всегда, маслом вниз.

Во всем этом была видна рука дьявола, как потом говорил Дик Рибейра.

Подплыв к отверстию, сумочка с деньгами притормозила и, словно благовоспитанная леди, пропустила вперед «подружку». Первой ушла в океан банка с наркотиком. За ней скользнула и сумка. Побелевший носик Миму.

Опять крупный план:

Зажмурившись, она ожидает всплеска.

Отвисшая челюсть Дика. Поток хриплых, отчаянных ругательств.

Garganta del Diablo.

Правильно, Дик. Глотка дьявола. Желоб — это глотка дьявола. Увы, она оказалась слишком широкой.

Возможно, штурман «Святой Марии» закончил бессмысленное в своей основе определение координат лайнера, записал в книжечку, а прибор спрятал в футляр.

— Дик, а Дик? Как же это так?! Пойдем, Дик. Делу все равно не поможем, а спрятаться надо, тебя, наверное, ищут, черт с ними, с деньгами, были бы мы живы и здоровы...

— Пойдем, Миму, я все же неудачник; что ни говори, а я неудачник. Такое дело... Ты права, черт с ними, на худой конец у меня есть карта, это дело верное, чистое дело, не то что поганая торговля погаными наркотиками, но все-таки... ох, Миму, Миму, везет тебе с неудачниками, прямо-таки судьба твоя всю жизнь возиться с неудачниками...

Возмущенный Хуанито все еще ругал Дика. Выбитая из рук Питера Ика чашка упала на пол и разлетелась. Горячий кофе пролился прямо на брюки.

Питер Ик встал, промокнул салфеткой колени, вытер платочком усы, потом вытер залитые кофе руки и направился к выходу. Касаясь двери, он еще слышал возмущенные возгласы Хуанито.

И вдруг все смолкло. Пропал гул машины под ногами, замолкли на всех палубах многочисленные транзисторы, стих шелест бриза.

Затем все исчезло.

Ему показалось, что он оглох и ослеп.

И тогда перед глазами появилась книга. Страницы в ней шевелились точно живые и перелистывались с дьявольской скоростью, но все равно он успевал прочесть все, успевал запомнить все, все, до последней точки. За долю секунды даром ясновидения он познал эту книгу. Ее героев, их мысли, чувства, слова. Он знал начало и конец. Он знал все.

Это была его сто семьдесят первая книга.

Пошатываясь, писатель вышел из бара и лунатическим шагом прошел к себе в каюту. Там он присел к пишущей машинке и начал печатать со скоростью около 500 слов в минуту. Как известно, почти столько же пуль выпускает пистолет-пулемет Томми.

Через два часа новый роман Питера Ика был закончен. Одновременно был установлен и рекорд скоропечатания. Творческая работа поднялась на угрожающую для издателя и читателя вершину. В воздухе запахло книжным ураганом, переходящим во всемирный бумажный поток...

Ик устало опустил руки. Рядом с машинкой высились кина отпечатанных листов. Они еще не были разложены по экземплярам. На верхнем листе значилось:

Питер Ик

«Слеза Большого водопада»

И далее следовал сам текст:

«Трансатлантический лайнер «Святая Мария» готовился покинуть порт Белен... и т. д.».

Необъятный величественный закат продемонстрировал положенную гамму красок и растворился на горизонте. Застывшее в невероятном крене по отношению к «Святой Марии» облачко поймало последний луч и превратилось в перламутровую летящую

блестку. Но скоро и его проглотила ночь. Зато залитый светом лайнер скользил по черному лаку океана, как «Летучий голландец» в день юбилейного карнавала утопленников. Впрочем, убогим грешникам морей даже не снилось такое веселье.

На всех палубах гремели оркестры. Танцевали под открытым небом. Прямо под Южным Крестом, точным подобием того, который трепетал в фислетовом ромбе на кормовом флаге.

Серф, шейк, халли-галли, фраг, мэдисон и бассанова сменяли друг друга без перерыва. Временами рокот барабанов и рев труб заглушали раскаты смеха. Привлеченные голубоватым огнем «Святой Марии», на головы танцующих шлепались ошалевшие летучки. И каждый раз это вызывало бешеный восторг. Все было именно так, как обещали туристские проспекты.

Он и она не принимали участия в общем веселье. Им было немного грустно. Кроме того, его развитие по части танцев остановилось на рок-н-ролле. Они стояли рядышком и, свесившись за борт, следили за призрачным отражением корабля. Светящаяся тень застыла в мазутном зеркале, и далеко-далеко в небе смутно блестела другая тень. В этом была загадка, которую не стоило разгадывать, и грусть, и южная прятная тишина.

Еле ощутимо вибрировали перила. Прогудел обозначенный красными и зелеными огнями встречный лихтер.

«Святая Мария» шла, как говорит, в галфвинд, и упоительный ветер бил прямо в лицо. Врачающий прожектор обрушивал дымный меловой свет на согнувшиеся фигурки и сразу же уносился к танцующим.

А «Святая Мария» шла строго намеченным курсом NOtN *, и каждый оборот гребных валов приближал ее к цели. Меньше суток оставалось до конца путешествия.

Евгений, естественно, думал о неизбежном расставании, сосредоточенно следя за светлыми струями внизу, бьющими из шпигатов. Лоис, наверное, думала о том же, хотя часто оборачивалась и подолгу глядела на танцевальное неистовство.

— Разве это танцы? — вдруг сказала она. — Вот коко бамбело и замбе — совсем другое дело! Поглядел бы ты, рыжий, как их отплясывают кариоки-негры.

Женя согласно кивнул, хотя вряд ли понял, что она сказала.

В этот момент неизвестно как оказавшаяся в открытом море бабочка нимфалида бессильно опустилась прямо на голову Лоис. Раскрыв крылышки, она затрепетала сверкающей диадемой, отчаянно цепляясь лапками за мятущиеся на ветру черные пряди.

* Норд-ост-тен-норд.

«Сам океан венчал царицу ночи, эту *femme fatale* *», — как сказал бы в этом случае Питер Ик.

Женя оценил всю важность момента, весь его, так сказать, неожиданный лирический подтекст, но ничего не сказал.

Разговор явно не клеился.

«Значит, завтра мы прибываем». — «*Si!*» ** — «И расстаемся». — «*Si!*» — «Хорошо, что мы все же встретились, а то, что расстаемся, это не беда. Ведь правда?» — «*Não importa...*» *** — Ты очень хорошая, Лоис! Ты удивительно хорошая...» — «*Obrigado*» ****.

Нет, разговора явно не получалось. Каждый думал о своем и на своем языке. Чудовищные английские фразы, с помощью которых они обычно обменивались самой минимальной информацией, никак не вязались с этой ночью.

— *Boo noite, senhores!* ***** — послышалось у них за спиной.

Это был Альберт, удивительно способный к языкам. Повторенную несколько раз про себя фразу он произнес с неподражаемым изяществом и легкостью.

— *This is friend of mine, Albert!* ***** — Евгений сказал точно так, как это посоветовал совсем недавно Иванов.

Теперь они молчали уже втроем. Но сродство душ было необратимо нарушено. Внутренний диалог оборвался.

Евгений не то чтобы был этому рад. Но грусть как-то сама собой развеялась. Он с интересом подумал о дальнейшем своем путешествии и понял вдруг, что ужасно соскучился по дому.

* Роковая женщина (*франц.*).

** Да (*португ.*).

*** Нет (*португ.*).

**** Спасибо (*португ.*).

***** Добрый вечер, господа (*португ.*).

***** Это мой друг Альберт.

Послесловие

Фантасты очень любят космос. Плохие — потому, что «космос все спишет», в том числе и их профессиональную инвалидность и нехватку научных знаний; хорошие — потому, что космос — идеальный полигон для постройки и проверки опытных моделей процессов и явлений чисто земного происхождения. Здесь можно вырастить и размножить штаммы различных исторических формаций, подобно тому как в лабораториях выращивают штаммы микробов. Можно создать модели общества, построенные с учетом взглядов и представлений тех или иных философов, социологов, экономистов, мажорков и политических проходимцев. Можно придумать немыслимые на Земле ситуации для проверки поведения человека. Ибо хороших фантастов в первую очередь интересует человек и его отношение к другим людям, к природе, к науке, к технике, к нравственным категориям. Вероятно, поэтому инопланетане у них, как правило, похожи на людей, тогда как плохие фантасты, маскируя отсутствие мысли, населяют космос самыми невероятными чудовищами.

Но очень многие фантасты избирают местом действия своих произведений старушку Землю. Они руководствуются соображением, что «удивительное рядом», и предпочитают сталкивать своего современника с различными чудесами науки и техники прямо на собственной планете. Именно так поступил Герберт Уэллс, забросив «человека-невидимку» в сельскую деревушку Айпинг, где тот встретился с самыми «всамделишными» английскими мещанами.

Михаил Емцов и Еремей Парнов — писатели по преимуществу «земные» и очень современные. Из рассказов этого сборника только один имеет отношение к космосу и к отдаленным от нас временам («Сфера Шварцшильда»). Действие остальных разворачивается в наше время и точно географически локализовано.

Хорошая «земная» фантастика часто очень географична. Вспомним, например, рассказы классика советской фантастики И. Ефремова. Пейзажи Алтая («Озеро горных духов»), Монголии («Олгой-орхой»), Якутии («Алмазная труба») он нарисовал с такой точностью и предметностью, что любой учитель географии может включить их в свой урок, посвященный природным зонам.

Взяв атлас, вы легко можете отыскать места, где действуют герои Емцева и Парнова. Вот река Шингу и водопад Мартинес, где сквозь непроходимую сельву прорубался отряд Дика Рибейры («Слезка Большого водопада»). Вот остров Матуа с вулканом Са-

рычева, а рядом с ним и остров Райкоке («Иду в глубину»). Оба находятся в группе Курильских. Вот остров Инагуа — это Багамские острова («Три кварка»).

Природа этих мест описана так, что ее ощущаешь как реально существующий пейзаж, а не как декорацию из папье-маше, фанеры, холста и краски. Сравните, например, картину океана в рассказах «Иду в глубину», «Лощман Кид», «Три кварка», и вы сразу почувствуете, что океаны эти разные и что географические широты другие. Весьма точно описана и сельва в повести «Слеза Большого водопада». По характеру флористического состава читатель может понять, что действие происходит в восточной части Амазонии, там, где ландшафт влажного тропического леса начинает уступать место более ксерофитным формациям.

Емцев и Парнов отнюдь не географы, да они и не ставили перед собой задачу популярно изложить физическую географию бразильской сельвы или Курильских островов. Но поскольку оба они пришли в фантастику из мира науки, то им известна цена научной точности. В произведениях Емцева и Парнова читатель находит не только интересную научную идею, увлекательный сюжет, но и определенную дозу познавательного материала. В данном случае — географического.

В советской и мировой фантастике сейчас работает много ученых. У Емцева и Парнова их принадлежность к науке сказывается весьма ощутимо. В основе их рассказов всегда лежат современные научные представления или гипотезы. В рассказе «Три кварка» использованы представление о существовании тяжелых частиц с дробным электрическим зарядом, а также мысль о «тупиковых» ходах биологической эволюции. В рассказе «Иду в глубину» разработаны некоторые идеи бионики, «Сфера Шварцшильда» построена на теоретических предположениях об особых свойствах пространства-времени в сфере действия мощных гравитационных полей, в «Лощмане Киде» изображены попытки установления контакта с дельфинами, чем заняты сейчас целые коллективы биологов и зоопсихологов. В рассказе «Фермент М» затрагивается одна из проблем современной эволюционной биохимии. Сделанное советскими учеными открытие, преломляясь в быт, порождает в жизни главного героя небезытересную ломку привычного восприятия окружающей действительности.

При всей научной обоснованности большинства рассказов Емцева и Парнова этих писателей никак нельзя назвать просто популяризаторами новых научно-технических идей. В каждом их рассказе есть еще «второе дно», связанное с тем, что главным героем является здесь не научное предположение, а человек.

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о центральном произведении сборника — о повести «Слезка Большого водопада». Читая его, невольно представляешь себе кочан капусты, у которого, чтобы добраться до сердцевины, надо снять несколько слоев листьев.

Первый слой — приключенческий сюжет, построенный по известной схеме: сделано важное открытие, его пытаются захватить и использовать во вред человечеству некие антигуманистические силы, идет борьба, в результате которой открытие безвозвратно гибнет.

Разработан этот сюжет весьма своеобразно — в виде гротеска, веселого озорного маскарада, где лица героев спрятаны за шутовскими масками.

И тогда добираешься до второго слоя повести. Конечно же, авторы имеют определенную цель. Во-первых, они явно издеваются над стертыми литературными штампами приключенческого жанра. Эта издевка появляется еще в сельве, когда полчища анаконд окружают Дика Рибейру, привлеченные запахом жареного мяса, когда Дик, чтобы спасти жизнь, срочно съедает эту приманку. Ну, а уж на «Святой Марии» все пародийно — и писатель Ик со своим потоком сознания, и похожий на Джемса Бонда Сэм Смит, и нелепые гангстеры, попадающие непрерывно в самые дурацкие положения, и концовка повести.

Но пародийность — это еще один капустный лист. Вот, раздвигая веселый маскарад, возникает злобешая фигура «пророка эпохи Наслаждения» доктора Трири и связанная с ним тема наркотиков.

Подробно, слишком подробно для озорной клоунады говорят авторы о наркотиках, об их происхождении, распространении, о вреде, который они приносят людям. Проблема наркотиков — еще одно уродливое порождение буржуазного общества. Недаром один из номеров журнала «Курьер ЮНЕСКО» так и называется — «Наркотики наступают». Они завоевывают все новые и новые позиции, особенно среди молодежи. Интересно, что многие социологи связывают распространение наркотиков среди американской и английской молодежи с ее протестом против буржуазной действительности. В наркотики, в секс уходят американские «хиппи», выражая этим свое неприятие буржуазной культуры, общественного ханжества, атомной бомбы, расовой дискриминации, политической коррупции. Да, протест, но протест, ведущий не к победе, а к гниению.

Для доктора Трири наркотики — средство подчинения молодежи, средство увести ее от борьбы, погрузить в сладкие грезы, раз-

единить, поработить физически и духовно. Одурманенных наркотиками людей можно при желании превратить и в стадо тупого скота, и в толпу озверелых погромщиков, способных на самые дикие и страшные поступки.

Как опытный бизнесмен, доктор Трири заворачивает свой товар в яркую обертку «философии наслаждения», но цели этого фашиствующего «ученого» ясно различимы за завесой высокопарной демагогической фразеологии.

Нет, серьезную проблему подняли в своей повести Емцев и Парнов — проблему массовой психологической обработки людей в интересах правящих классов. Чтобы убедиться в этом, снимем еще один «лист» этого многослойного произведения.

Присмотритесь к фигуре мистера Ика. Этот холодный, опустошенный циник тоже торгует своего рода наркотиками. Его бульварные романы, правда, не опасны для физического здоровья, но на духовный мир человека они действуют не менее разрушительно. Пока Ик пишет для денег, точно так же как для целей обогащения торгуют наркотиками гангстерские шайки.

Ну, а предположим, появится еще один Трири, который подведет под такого рода литературу свою «философию наслаждения», станет проповедовать уничтожение книг Хемингуэя, Фолкнера, Колдуэлла, Апдайка и замену их продукцией Питера Ика?

Для Емцева и Парнова наркотики лишь одно из средств массового воздействия на психику человека, стоящее в одном ряду с рекламой, кино, телевидением, бульварной литературой. Они исследуют ту же проблему, которую исследуют многие крупные фантасты (Фредерик Пол — «Туннель под миром», братья Стругацкие — «Хищные вещи века», Лино Алдани — «Онирофильм»), и приходят к тем же выводам.

В современном буржуазном обществе многие средства массового воздействия на психику человека уже сейчас используются для воспитания раба чужих привычек и мнений, для увода от действительности в мир ложных представлений, для замены мышления рядом стереотипов.

И в этом самое страшное. Человек, лишенный способности самостоятельно отбирать факты, сравнивать их, делать выводы и проверять их правильность на практике, перестает быть человеком. Он превращается в робота с программой действий, разработанной на базе стереотипов вроде «Сигареты «Кэмэл» — лучшие в мире», «Наш народ — избранник божий», «Наша демократия — единственная истинная демократия» и т. д. Такой робот без труда может быть трансформирован и в самодовольного потребителя благ, и в осатанелого убийцу-солдафона, и в расистского погромщика.

От стереотипного мышления до костров из книг и штыка в живот любому инакомыслящему всего один шаг.

В дело разоблачения этой опасности, в дело борьбы за человека, за человечность вносят свой посильный вклад советские писатели-фантасты Емцев и Парнов своими произведениями, собранными в этой книге под общим названием «Три кварка».

Вл. П. Ковалевский

Содержание

<i>Три кварка</i>	5
<i>Фермент М</i>	17
<i>Сфера Шварцшильда</i>	42
<i>Иду в глубину</i>	65
<i>Доцман Кид</i>	91
<i>Слеза Большого водопада</i>	112
<i>Послесловие</i>	248

Емцев М. и Парнов Е.
Е 60 Три кварка. Научно-фантастические повести и рассказы. М., «Мысль», 1969.

253 с. с илл. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

Сборник «Три кварка» содержит пять научно-фантастических рассказов и повесть. Их научная основа лежит в различных областях наук о Земле — океанологии, биологии, биогеографии; в этих произведениях нашли отражение вопросы влияния различных явлений на человека.

2-8
211-69

P2

Емцев, Михаил Тихонович
Парнов, Еремей Иудович

ТРИ КВАРКА

Редактор

С. Н. Кумкес

Младший редактор

Т. А. Игнатенко

Художественный редактор

А. Г. Шикин

Технический редактор

М. Н. Мартынова

Корректор

Л. А. Рубина

Сдано в набор 5 июня 1969 г. Подписано в печать 23 октября 1969 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. № 1. Усл. печатных листов 14,88. Учетно-издательских листов 15,71. Тираж 150000 экз. А07873. Заказ № 10. Цена 62 коп.

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

Москва, М-54, Валовая, 28.

**НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ
И НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «МЫСЛЬ»**

Готовятся к выпуску:

Вилепкин В. А. *Странствователь по суше и морям*. 5 л., 17 коп.
(серия «Замечательные географы и путешественники»).

Популярный рассказ о Е. П. Ковалевском, видном путешественнике, исследователе и общественном деятеле XIX в.

Григорьев Г. К. *Дороги ведут в Арктику*. 10 л., 40 коп.

Это первая книга, посвященная жизни и деятельности Владимира Юльевича Визе — крупнейшего советского ученого-полярника.

Елаховский С. *На лодках через снежные горы* (Повествование с отступлениями о двух путешествиях на Полярный Урал). 10 л., 35 коп.

На Полярный Урал весна приходит в мае — июне. В такое время, на стыке зимы и весны, на лыжах и на лодках отправились в поход несколько москвичей. Об этом необычном путешествии и рассказывает книга.

Шишкин И. Б. *Из глубины пылающих недр*. 7 л., 30 коп.

Книга знакомит с недрами земного шара, разогретыми до температуры в несколько тысяч градусов, с могучей энергией нашей планеты, с тем, как эта энергия используется человеком и каковы перспективы ее применения в будущем.

Вышли из печати:

Илатовская Т. А. *Семь баллов по Бюфурту*. 203 стр., 39 коп. (серия «Путешествия. Приключения. Фантастика»).

Автор книги, молодой литератор, рассказывает о современной Чукотке, о людях, с которыми свели ее трудные дороги корреспондента, об отношении этих людей к повседневной обыденной работе, которая в нелегких условиях Крайнего Севера сопряжена подчас с подлинным мужеством, героизмом, необходимостью подвига.

Карташев В., Карташева К. *След на песках времени*. 61 стр., 11 коп. (серия «Замечательные географы и путешественники»).

Книга эта — небольшой биографический рассказ о жизни и деятельности Николая Альбова, замечательного русского ученого и путешественника конца прошлого века, исследователя Кавказа и Огненной Земли.

Метельский Г. В. *Янтарный берег*. 203 стр., 39 коп. (серия «Родные края»).

В книге рассказывается о путешествии автора по калининградскому побережью Балтики, по местам, где море дарит людям янтарь.

Подольный Р. Г. *Связь времен*. 237 стр., 28 коп.

В книге рассказывается о происхождении множества больших и мелких поверий, обычаев, привычек нашей жизни.

Талызин Ф. Ф. *Секреты природы*. 191 стр., 57 коп. (серия «Рассказы о природе»).

Автор книги — известный ученый, врач-биолог, посетивший многие страны в различных частях света. Он рассказывает о некоторых животных со своеобразными приспособлениями к окружающей среде; приспособления эти столь оригинальны, что их механизм зачастую остается загадкой для ученых.

62 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МЫСЛЬ"

М. ЕМЦЕВ • ТРОИ • ИБАРИА •